

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

ЛЮДМИЛА ДУБЬЕВА

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Tartu Ülikooli ajaloo osakond, Tartu, Eesti

Kaitsmisele lubatud TÜ filosoofiateaduskonna ajaloo osakonna nõukogu otsusega 18. juulist 2006

Teaduslik juhendaja: professor Tiit Rosenberg

Oponendid: PhD Olaf-Mihkel Klaassen (Tartu Ülikool)
prof. emer Sergei Issakov (Tartu Ülikool)

Doktoritöö kaitsmine toimub 25. augustil. 2006 a. kell 16.15, Tartu Ülikooli Nõukogu saalis, Ülikooli 18

Töö on valminud ETF grandide GFLAJ 5810 ja sihtfinantseeritava teema TFLAJ 2544 toel.

ISSN 1406–443X

ISBN 9949–11–407–1 (trükis)

ISBN 9949–11–408–X (PDF)

Autoriõigus Ljudmila Dubjeva, 2006

Tartu Ülikooli Kirjastus

www.tyk.ee

Tellimus nr. 394

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
Актуальность темы	8
Цель и задачи исследования	9
Методы исследования	10
Источники	12
Историография темы	19
Обобщающие исследования по истории Тартуского университета	20
Работы, посвященные отдельным вопросам истории Тартуского университета	22
Обобщающие историографические исследования	26
Историографические исследования по отдельным разделам исторической науки	30
Историография творчества отдельных историков конца XIX – начала XX вв., работавших в Тартуском университете в этот период	36
Структура работы	45
 ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	 46
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 60
 СТАТЬИ	 63

Кафедра всеобщей истории (история средних веков)

I

Dubjeva, L. Anton Nikitič Jasinskij als Professor für Allgemeine Geschichte an der Universität Jur'ev (Dorpat/Tartu) 1896–1911 // Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder. Olaf Mertelsmann (Hg.). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005. S. 109–126. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 11.)

II

Dubjeva, L. V. È. Regel — Professor der Allgemeinen Geschichte der Jurjewer (Tartuer) Universität in den Jahren 1913–1918 // Byzantino-Nordica 2004. Papers presented at the international symposium of Byzantine studies held on 7–11 May 2004 in Tartu, Estonia. Edited by Ivo Volt and Janika Päll. Tartu: Tartu University Press, 2005. P. 136–157. (Morgensterni seltsi toimetus = Acta Societatis Morgensternianae, 2.)

III

Dubjeva, L. Üliõpilasest professoriks: Pjotr Jakovenko Jurjevi Ülikoolis // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. XXXIII. Tartu, 2004. 148–165 lk.

IV

Дубьева Л. В. Становление ученого: М. В. Бречкевич в Тартуском университете в начале XX в. // Труды русского исследовательского центра в Эстонии. В печати.

Кафедра всеобщей истории (история нового времени)

V

Дубьева Л. В. П. Н. Ардашев — профессор всеобщей истории Юрьевского университета в 1901–1903 гг. // Труды русского исследовательского центра в Эстонии. В печати.

VI

Дубьева Л. В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета в 1904–1912 гг. А. А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии века XX / Составитель и ответственный редактор проф. С. Исаков. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. С. 79–103. (Тартуский университет; Национальный архив Эстонии.)

VII

Dubjeva, L. Akadeemik J. V. Tarle — Tartu Ülikooli üldajaloo professor 1913–1918 // Eesti Ajalooarhiivi toimetised. 14. Ilmumas.

VIII

Dubjeva, L. G. A. Zamjatin (1882–1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Festschrift für Helmut Piirimäe zum 75. Geburtstag. Hg. von Mati Laur und Enn Küng in Verbindung mit Stig Örjan Ohlsson. Tartu: Akadeemiline Ajalooselts, 2005. S. 502–521. (Nordistica Tartuensia; 13.)

IX

Dubjeva, L. “Õnnelikul kombel tunnen ma raamatukoguhoidjat...”: A. T. Rastorgujev — Tartu Ülikooli Raamatukogu raamatukoguhoidja aa. 1908–1918 // Ajalooline Ajakiri. 2002. Nr. 1/2 (116/117). Lk. 193–206.

Кафедра истории России

Х

Дубьева Л. В. Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник научных статей. Вып. 7. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. С. 105–134.

ХІ

Дубьева Л. «Отдаюсь науке совсем...»: И. И. Лаппо — профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 374–391.

Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1912). Публикация и комментарий Л. В. Дубьевой // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 392–408.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	311
KOKKUVÕTE	334
CURRICULUM VITAE	341

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

На протяжении целого ряда десятилетий в XX веке историографические исследования находились под воздействием мощного идеологического давления, что в значительной степени искажало реальную картину развития исторической науки. В последнее же десятилетие XX века исследователи активно обратились к историографическим исследованиям, чтобы очистить картину развития исторической науки от идеологических наслоений. В условиях активизации подобных исследований не могут быть обойдены вниманием также и развитие исторической науки в Тартуском (в 1802–1893 гг. — Дерптском, в 1893–1918 гг. — Юрьевском) университете в конце XIX — начале XX вв., и творчество историков, работавших в нём в этот период. Однако этот период до сих пор остается малоизученным, и, зачастую, даже простое упоминание его в их биографиях содержит многочисленные ошибки и неточности. Эти обстоятельства объясняют актуальность настоящей **темы** и необходимость уяснения реальной картины развития **исторической науки в Тартуском университете в конце XIX — начале XX вв.**

Термин историография в его современном значении раскрывается как «совокупность трудов либо по определенной исторической тематике (например, историография истории крестьянства <...>) или обладающих единством в национальном, общественно-политическом, теоретико-методологическом (английская, дворянская <...>), либо отрасль исторической науки — научная дисциплина, изучающая историю исторической науки, исторической мысли».¹ Однако «история всякой науки складывается не только из истории идей, концепций, исследований, но также из истории научных институций и судеб отдельных ученых».² К такому пониманию истории исторической науки начали подходить уже и сами историки в конце XIX — начале XX вв., например, А. С. Лаппо-Данилевский, который «также стал предусматривать изучение «ученых и учено-учебных» учреждений, исторических обществ, истории собирания источников и т. п.».³ Именно исходя из понимания **историографии** как **истории исторической науки**, изучающей кроме собственно исторической мысли и научных концепций также и деятельность научных центров, где развивалась

¹ Шмидт С. О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. С. 178.

² Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). Москва: Индрик, 2004. С. 12.

³ Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. Москва: Наука, 1983. С. 94.

историческая наука, периодику, подготовку исторических кадров, их смену и преемственность,⁴ т.е. институционализацию и профессионализацию исторической науки, определяется и **предмет истории исторической науки**, представляющий собой сумму изучаемых историографических явлений⁵ и охватывающий систему учреждений, с которыми связано развитие исторической науки (вне зависимости от того, являются ли они самостоятельными научными институтами или структурными составляющими таких институций), кадры исторической науки, в том числе и в их взаимосвязи с этими институтами, издание исторической периодики и различные явления научной инфраструктуры, поддерживающие развитие исторической науки. Такой подход в качестве предмета настоящего исследования определяет деятельность научно-педагогического состава исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. — кафедр всеобщей истории и истории России, — в её взаимосвязи как с развитием Тартуского университета в рассматриваемый период и влиянием условий его развития на эту деятельность, так и с развитием исторической науки в целом.

Цель и задачи исследования

Исходя из уровня разработки данной темы (см. **Историография темы**) целью настоящей диссертации является изучение научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. (в период после проведения реформы 1889–1895 гг.) как неразрывной части функционирования Тартуского университета в качестве одного из ведущих центров науки, а также и как неразрывной составляющей процесса развития исторической науки в целом. Достижение этой цели возможно на пути выявления значения, которое сыграл тартуский период деятельности в биографии каждого конкретного ученого: профессоров всеобщей истории А. Н. Ясинского (1864–1933, в Тарту 1896–1911), В. Э. Регеля (1857–1932, в Тарту 1913–1918), П. А. Яковенко (1879–1920, в Тарту 1899–1918) и приват-доцента М. В. Бречкевича (1870–1963, в Тарту 1897–1912), которые занимались историей средних веков, профессоров всеобщей истории П. Н. Ардашева (1865–1924, в Тарту 1901–1903), А. А. Васильева (1867–1953, в Тарту 1904–1912) и Е. В. Тарле (1874–1955, в Тарту 1913–1918), которые преподавали исто-

⁴ Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. Москва: Высшая школа, 1987. С. 4. (Библиотека историка).

⁵ *Ibid.*, С. 96.

рию нового времени, занимавшихся историей нового времени доцента Г. А. Замятина (1882–1953, в Тарту 1902–1918) и магистранта А. Т. Расторгуева (1860–19??, в Тарту 1883–1918) и профессоров русской истории Е. Ф. Шмурло (1853–1934, в Тарту 1891–1903) и И. И. Лаппо (1869–1944, в Тарту 1905–1918), а также понимания их роли в процессе развития исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. Из поставленной цели вытекают основные задачи диссертации: 1) характеристика условий развития исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. в условиях проведения университетской реформы 1889–1895 гг.; 2) анализ структуры исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв.; 3) определение значения тартуского периода деятельности работавших там историков на фоне пути, пройденного этими учеными в науке в целом; 4) выявление источников формирования и форм пополнения исторических кадров в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. 5) показ роли различных университетов в формировании исторических кадров в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв.

Методы исследования

Сложность историографического процесса требует применения разнообразных методов исследования. Для настоящей работы важнейшее значение имеет **сравнительно-исторический метод**, позволяющий изучить отражающие развитие исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. историографические факты в тесной связи с той исторической обстановкой, в которой они возникли и развивались, в том числе и сложной ситуацией университетской реформы 1889–1895 гг., в результате которой на протяжении 90-х гг. XIX в. в университете происходит переход с немецкого языка обучения на русский, и на этом фоне происходит также полное обновление научных кадров исторических кафедр историко-филологического факультета. Применение **периодизации** как метода исследования представляет собой фиксирование в исследовании определенных хронологических рамок и позволяет вычленить рассматриваемый в настоящей работе период из более широкого контекста развития исторической науки в Тартуском университете в XIX – начале XX вв. При этом объективным критерием периодизации с точки зрения развития исторической науки в университете служит именно периодизация истории развития самого университета, в которой конец XIX – начало XX вв., начиная с университетской реформы 1889–1895 гг. и кончая эвакуацией университета в 1918 г., всегда рассматривается как самостоятельный период. **Проблемно-хронологический метод**, предпола-

гающий деление темы на ряд более узких проблем, рассматривающихся в хронологической последовательности относящихся к ним историографических фактов, дает возможность выделить в научной биографии отдельных историков отрезки, связанные с тем или иным видом деятельности в области исторической науки, а также с работой над той или иной темой.

Однако наиболее продуктивным для настоящей работы является **биографический метод**. Продуктивность биографического метода проистекает из того, что он позволяет синтезировать результаты всестороннего анализа самых разнообразных историографических фактов, происходящих из самых разнообразных исторических источников. Под биографическим методом подразумевают реконструкцию жизненного пути ученого, в первую очередь его пути в науке, а также, в более узком значении, использование в исследовании биографических материалов (автобиографий, дневников, свидетельств очевидцев и т. п.), биографических справочников и т. д.⁶

Несмотря на то, что исследование биографий в исторической науке имеет давнюю традицию,⁷ только в XX в. произошло формирование самостоятельной научной дисциплины — *биографики*, рассматриваемой как специальная наука системы исторических наук.⁸ «Появление такой дисциплины не было случайностью. Оно связано с глубокими изменениями в общественном сознании людей второй половины XX в., с процессом усилившейся гуманизации научного знания, с все обострившимся и возраставшим интересом ученых к личности человека, к сохранению его индивидуальности в условиях всеобщей стандартизации. Если ранее в гуманитарных, как и в естественных науках доминировало стремление раскрыть универсальные законы развития общества и природы и классический идеал «рациональной» науки предусматривал, прежде всего, путь от единичного к всеобщему, то теперь ученых все больше интересует именно это индивидуальное, особенное, методы и способы его изучения, путь от всеобщего к единичному. На смену преимущественному вниманию к социально-экономической проблематике в исторических исследованиях все чаще приходит интерес к отдельной человеческой личности, к её индивидуальному жизненному опыту, к её биографии, «микроистории»... Биографии рассматриваются как соединительное звено проблемной и событийной истории, как одна из возможностей более глубокого

⁶ Мошкова Г. Ю. Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 132–135.

⁷ Bergland, B. A. Historiography // Encyclopedia of Life Writing. Autobiographical and Biographical Forms. Margaretta Jolly (ed.) Vol. 1. London, Chicago: Fitzroy Dearborn, 2001. P. 430.

⁸ Петровская И. Ф. Биографика. Введение в науку и обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. Санкт-Петербург: Издательство «Logos», 2003. С. 12.

постижения прошлого и настоящего».⁹ Изложение историографического материала в форме биографии историка, что рассматривается в качестве одной из задач историографа,¹⁰ дает возможность не только осветить особенности творческой биографии ученого, но и, если позволяют источники, помогает войти в лабораторию его творчества и дать анализ его научной концепции, позволяет оценить вклад историка в общее развитие исторической науки в неразрывной связи с тем историческим временем, в которое он творил. «Исследование индивидуальностей необходимо ради углубленных знаний о человеческих обществах и человечестве в целом. Сумма биографий подобна сводке экспериментальных данных в других науках <...> Только при какой-то достаточности полноценной информации о жизненном пути реальных лиц, составлявших социальную общность, можно получить близкое к истине представление об этой общности».¹¹ Однако поскольку в настоящей работе рассматриваются только отдельные отрезки научных биографий профессорско-преподавательского состава исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. в их связи с развитием исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв., в настоящей работе применяется именно биографический метод. Достоинство его заключается также и в том, что он позволяет объединить использование и других вышеперечисленных методов, что повышает результативность исследования, и, поэтому, именно биографический метод позволяет найти комплексное решение поставленных в настоящем исследовании задач.

Источники

Историографические источники настоящего исследования определяются его предметом, под которым мы подразумеваем деятельность научно-педагогического состава исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. — кафедр всеобщей истории и истории России, — в её взаимосвязи как с развитием Тартуского университета в рассматриваемый период и влиянием условий его развития на эту деятельность, так и с развитием исторической науки. Исходя из этого, историографическими источниками настоящей темы являются как труды историков, рассматриваемые в

⁹ [Исаков С. Г.] Предисловие // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Составитель и ответственный редактор проф. С. Исаков. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. С. 7.

¹⁰ Bentley, M. General Introduction: The Project of Historiography // Companion to Historiography. Michael Bentley (ed.) London; New York, 1997. P. XII.

¹¹ Петровская И. Ф. С. 16.

контексте развития исторической науки в целом, так и разного рода архивные материалы, отражающие как непосредственно деятельность ученых, так и архивные материалы, связанные с деятельностью учреждений, в которых они работали или с которыми они сотрудничали.

Традиционно главными историографическими источниками считались именно труды историков. Для настоящей темы такими являются в первую очередь труды вышеупомянутых историков, относящиеся к периоду их работы в Тартуском университете. Однако для раскрытия данной темы не меньшее значение могут иметь и другие работы, созданные на протяжении всей жизни ученых, как до тартуского периода их деятельности, так и после него.

Кроме печатных трудов важными историографическими источниками, раскрывающими творческую лабораторию ученого, являются разного рода рукописные материалы, подготовительные материалы печатных трудов, диссертационные исследования, тексты лекционных курсов, черновики неопубликованных рукописей, дневники, мемуары, автобиографии, письма и пр., в не меньшей степени отражающие особенности формирования научных взглядов и творчества отдельных историков, полемики между ними, а также взаимоотношения научных школ, направлений. Уровень сохранности такого рода материалов разный и во многом зависит от судьбы каждого конкретного ученого. Жизненный путь изучаемых нами историков совпал с периодом общественно-политических катаклизмов, оставивших свой след и на судьбе их личных архивов. Именно «с расширением представления о сфере историографии и, соответственно, об её источниковой базе все большее внимание исследователей этой проблематики привлекают архивные документы. Архивные документы признают теперь не менее важными для историографа, чем опубликованные тексты, и они стали восприниматься тоже как традиционные историографические источники».¹² Отмечается, что «поиск историографом архивных источников имеет свою специфику. Изучать их целесообразно тогда, когда уже исследованы опубликованные историографические факты и ученый в них достаточно ориентирован, когда они оценены и на их основе начинают складываться контуры научной концепции. Это также относится к публикациям источников. Данное утверждение, однако, не универсально. Оно, например, неприменимо к историографическим темам, связанным с историей деятельности центров исторической науки, периодики, подготовки кадров, где главным источником становятся архивные материалы».¹³ Таким образом, для настоящей темы в первую очередь оказались необходимыми именно архивные источники, поставщиками которых служили как личные архивные фонды конкретных историков, так и фонды учреждений и организаций, с которыми они были связаны.

¹² Шмидт С. О. С. 177.

¹³ Зевелев А. И. С. 140.

В ходе настоящего исследования были использованы хранящиеся в различных архивохранилищах личные фонды ученых. В Государственном архиве Российской Федерации (Москва) нами был использован личный фонд Е. Ф. Шмурло (ГАРФ. Ф. Р-5965), поступившей туда из Русского заграничного исторического архива в Праге и содержащий, в том числе, ряд материалов, относящихся ко времени его работы в Тартуском университете и отражающих различные аспекты его деятельности в этот период. Особую ценность для нашей темы представляют здесь записи мемуарно-биографического характера, содержащие непосредственные личные оценки событий его биографии, относящиеся к этому периоду. Отдельные материалы, характеризующие связи Е. Ф. Шмурло с коллегами по Тартускому университету, отразились в личном фонде профессора международного права Тартуского университета в 1893–1918 гг. В. Э. Грабаря, хранящимся в Отделе редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета (ОР БТУ. Ф. 38). Поскольку в материалах Библиотеки Тартуского университета нашли отражение связи профессора всеобщей истории Рихарда Гаусманна с его коллегами, работавшими в составе исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. (Е. Ф. Шмурло, А. Н. Ясинский), поиск такого рода материалов велся и в хранящемся в Латвийском государственном историческом архиве (Рига) личном фонде Р. Гаусманна (Ф. 2600), однако их следов нами обнаружено там не было.

В личном фонде И. И. Лаппо в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы (ОР БАНЛ. Ф. 211) содержатся материалы, отражающие его жизнь с гимназических времен в Петербурге до начала 40-х годов в Литве, в том числе и тартуский период. Безусловно, этот личный архив И. И. Лаппо не мог не пострадать от потрясений, выпавших на долю его хозяина. Сам профессор Лаппо в 30-е гг. писал в Литве: «Мои бумаги и заметки в настоящее время далеко не в полном порядке и целости, ибо еще в 1919 году я эмигрировал из России, оставив там свои библиотеку, личный архив и все мое имущество».¹⁴ Тем не менее, фонд И. И. Лаппо содержит значительное количество не только биографического, но и научно-исследовательского материала. В том, что касается тартуского периода, этот материал получает значительное дополнение при привлечении писем И. И. Лаппо за 1906–1912 гг. к работавшему в Виленском архиве Древних актов археографу И. Я. Спрогису, хранящихся в Отделе рукописей Библиотеки Вильнюсского университета (ОР БВУ. Ф. 6–63). Письма посвящены проводимым И. И. Лаппо в этот период исследованиям по

¹⁴ Отдел рукописей Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 211–25. Л. 1.

истории Литвы, а также подготовке им публикаций по этой теме и дают широкую картину научных связей И. И. Лаппо в этот период.¹⁵

Представляется, что именно переписка ученых, может дать много новых сведений об их судьбе в это сложное время, а также значительно дополнить картину развития науки в рассматриваемый период. «Отличаясь исключительным богатством содержания и являясь бесценным источником по истории науки, эти письма вполне могут рассматриваться как особый вид «субъективной историографии», ибо в них зачастую затрагиваются чисто научные вопросы <...>, высказываются те или иные соображения и оценки, порой излагаются целые концепции, — и все это чаще всего в порядке предварительной информации, спонтанно, даже порой по наитию, без необходимой предварительной проработки и проверки, в форме гипотез, а зачастую с формулировками, которые ученый никогда не допустил бы в печатном труде. Тем, наверное, эти письма и значительны: ведь то, что высказано непроизвольно, без оглядки на потенциального «широкого читателя», порою интереснее того, что является уже результатом тщательно обдуманых, взвешенных и обставленных частотом доказательств и библиографических ссылок идейных конструкций».¹⁶ Таким образом, эпистолярное наследие ученых представляет собой весьма перспективный историографический источник, способный, при введении его в научный оборот, существенно обогатить наши представления о развитии исторической науки. Однако при этом необходимо учитывать и то, что «письма являются специфическим источником, лишь в очень редких случаях <...> они могут рассматриваться как основной историографический источник. В целом же материалы переписки имеют хотя и, безусловно, важное, но не первостепенное значение; они не могут рассматриваться изолированно от научного наследия и от известных биографических данных ученого или общественного деятеля».¹⁷

Из эпистолярного наследия историков для настоящей темы существенный интерес представляют также письма академика Е. В. Тарле в Российской государственной библиотеке (Москва) в личном фонде Г. А. Замятина (РГБ. Ф. 618), которые содержат высокую оценку, данную Е. В. Тарле научной работе своего бывшего коллеги и свидетельствуют о том, что тартуские/юрьевские связи между учеными продолжали жить на

¹⁵ Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1912). Публикация и комментарий Л. В. Дубевой // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 392–408.

¹⁶ Медведев И. П. Недодуманные мысли. Письма русских антиковедов и византистов как особый жанр историографии (на примере переписки И. В. Помяловского) // *Scripta Gregoriana*: Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. Москва: Восточная литература, 2003. С. 300.

¹⁷ Критский Ю. М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в. — 1917 г.) // История и историки. 1973. Москва, 1975. С. 112.

протяжении десятилетий и после того, как они покинули Тарту. В хранящемся в Архиве Российской Академии наук (Москва) личном архиве Е. В. Тарле (Архив РАН. Ф. 627) тартуский период его жизни отражен минимально, что, с одной стороны, видимо, является следствием репрессий, которым подвергался ученый в 30-е годы, с другой же стороны объясняет ситуацию, когда в посвященных Е. В. Тарле трудах этот период или замалчивается, или только упоминается. Личный же фонд Г. А. Замятина (РГБ. Ф. 618), несмотря на то, что и Г. А. Замятин подвергался репрессиям в тот же период, напротив, богат материалами тартуского/юрьевского периода: здесь сохранились не только конспекты и Замятина-студента, и Замятина-преподавателя, а также другие материалы, связанные с учебным процессом, но и значительное количество материалов, отражающих его научно-исследовательскую работу, которую он вел как в Тарту, так и позднее, опираясь на собранные в Тарту материалы.

Вышеперечисленные личные фонды историков в большей или меньшей степени привлекали к себе внимание исследователей, однако, с точки зрения темы настоящей диссертации к ним еще до сих пор не обращались, что обусловило ситуацию, когда целый ряд хранящихся в них документов в настоящей работе вводится в научный оборот впервые.

Архивные материалы о деятельности профессоров А. А. Васильева и В. Э. Регеля, хранящиеся в различных архивах Санкт-Петербурга (а в случае с А. А. Васильевым также и в США), в которых затрагивается, в том числе, и тартуский/юрьевский период их деятельности, равно как и личный фонд профессора П. Н. Ардашева в Институте рукописей Национальной Библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Киев), к сожалению, остались нам недоступны.

Из фондов учреждений для настоящей темы наибольшую ценность представляют хранящиеся в Историческом архиве Эстонии (Тарту) фонд Дерптского (с 1893 г. Юрьевского) университета (ИАЭ. Ф. 402) и фонд Попечителя Рижского (Дерптского) учебного округа (ИАЭ. Ф. 384). Значительное количество историографических источников содержат, в первую очередь, хранящиеся в них личные дела А. Н. Ясинского, В. Э. Регеля, П. А. Яковенко, М. В. Бречкевича, П. Н. Ардашева, А. А. Васильева, Е. В. Тарле, Г. А. Замятина, А. Т. Расторгуева, Е. Ф. Шмурло и И. И. Лаппо. Личные дела В. Э. Регеля, П. А. Яковенко, Е. В. Тарле, Г. А. Замятина, А. Т. Расторгуева, и И. И. Лаппо включены в *Список личных дел профессоров, доцентов, приват-доцентов и оставленных для приготовления к профессорскому званию, взятых в Россию Юрьевским университетом из канцелярии Совета. 3.06.1918*¹⁸ и поэтому в фонде Дерптского (с 1893 г. Юрьевского) университета (ИАЭ. Ф. 402) или не сохранились, или сохранились частично и представлены личными делами, состоящими из документов, выявленных в ходе позднейшей обработки архивных фондов,

¹⁸ ИАЭ. 402–5–2041. Л. 1.

однако они дополняются личными делами из фонда Попечителя Рижского (Дерптского) учебного округа (ИАЭ. Ф. 384).

Именно в личных делах, кроме биографических данных историков, можно найти отзывы на труды других авторов, в том числе на диссертации, деловые докладные записки, корректуры трудов и сами публикации, проекты, программы занятий и т. д., т. е. документы, которые по своему происхождению могут содержаться и в личных фондах, однако, в нашем случае, по причинам общественно-политического характера — первая мировая война, эвакуация, революция, гражданская война, эмиграция, репрессии и т. п., — там не отложились, даже если сами эти личные фонды и сохранились. Существенное дополнение дают также запечатленные в архивных документах вышеназванных фондов материалы делопроизводства. Особое значение среди историографических источников фонда Дерптского (с 1893 г. Юрьевского) университета (ИАЭ. Ф. 402) имеют протоколы заседания историко-филологического факультета, отражающие как ход учебного процесса, так и научную деятельность членов факультета.

Поскольку все вышепоименованные историки, работая в университете, были так или иначе связаны с университетской библиотекой, некоторые из них непосредственно и по должности — директора Библиотеки Тартуского университета Е. Ф. Шмурло и А. А. Васильев, библиотекарь А. Т. Расторгуев, старший помощник библиотекаря Г. А. Замятин, — остальные как читатели и сотрудники университета, в разных фондах Отдела редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета сохранился разнообразный материал, отражающий их деятельность. Из этих фондов одним из самых информативных оказался фонд самой Библиотеки Тартуского университета (ОР БТУ. Ф. 4), среди дел которого хранятся, например, собственноручные автографы заявок ученых как на литературу, которую они рекомендуют приобрести для библиотеки, так и автографы требований на уже имеющуюся в библиотеке литературу, что непосредственно отражает их научные интересы и позволяет уточнить темы, над которыми они в тот момент работали.

И университет, и связанные с ними лица всегда были объектом повышенного внимания общества, что и нашло отражение, как в архивных источниках, непосредственно не связанных с университетом, так и в мемуарах современников, и позволяет дать более разностороннюю характеристику деятельности этих историков.

С историографической точки зрения, из использованных в настоящей работе мемуаров, наиболее разнообразные сведения содержат воспоминания члена-корреспондента АН СССР и академика АН ЭССР Ханса Крууса (1891–1976)¹⁹ о его обучении на историко-филологическом фа-

¹⁹ Kruus, H. Ajaratta uutes ringides. Mälestusi 1907–1917. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. 196 lk.

культете Юрьевского университета накануне Первой мировой войны, где он дает характеристику преподававшим там профессорам, а также всей системе обучения. Ценные историографические факты содержат «Минувших дней воспоминания» Н. И. Букатевича,²⁰ окончившего Юрьевский университет кандидатом истории в 1911 г., позднее профессора Одесского университета. В настоящей работе использованы также воспоминания профессоров И. И. Лаппо и К. К. Сент-Илера, содержащие характеристики положения университета накануне эвакуации 1918 г., а также написанная в 1924 г. и опубликованная значительно позднее автобиография А. Н. Ясинского, содержащая и заметки мемуарного характера. Остальные из использованных мемуаров с историографической точки зрения менее информативны.

Среди прочих печатных источников особое место занимают «Ученые записки Императорского Юрьевского университета», выходившие в 1893–1917 гг. «Ученые записки» делились на официальный отдел, где печатались годовые отчеты, обозрения лекций, материалы заседаний Совета университета, правила, инструкции, отчеты о командировках, а также ряд отзывов о научных трудах, и неофициальный отдел, охватывавший неофициальные материалы, главным образом научные работы, а также и отзывы на них, кроме того, отдельно, в качестве приложения, также публиковались монографии и статьи. Таким образом, в них была опубликована значительная часть научной продукции профессорско-преподавательского состава исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. Материалы же официального отдела, дублируя частично архивные документы, позволяют установить, какие проблемы акцентировались, например, в случае, когда по какому-либо вопросу подавалось особое мнение. Страницы в этом издании нумеровались в пределах статей или отдельных частей «Ученых записок». Это позволяло распространять отдельные оттиски или

Kruus, H. Ajaratta uutes ringides. Mälestusi 1907–1917 // Mälestusi Tartu ülikoolist, 1900–1944. Koostanud Sergei Issakov ja Hillar Palamets. Tallinn: Olion, 1992. 195–204.

Kruus H. Mälestusi professor Jevgeni Tarlest: [100. sünniaastapäeva puhul] // Sirp ja Vasar. 1975. 21. nov. Nr. 47 (1667). Lk 12. В персональном библиографическом указателе академика Х. Крууса (Hans Kruus: personaalnimestik / Eesti NSV Teaduste Akadeemia Teaduslik Raamatukogu; [koostanud A. Klaassen.] Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1988. 214 lk.) даты жизни Е. В. Тарле в уточненном библиографом библиографическом описании статьи: Kruus H. Mälestusi professor Jevgeni Tarlest: [Tartu Ülikooli ajalooprofessori 100. sünniaastapäeva puhul]. 8.XI.1875 — 5.I.1975 // Sirp ja Vasar. 1975. 21. nov. Lk. 12. — указаны неверно: вместо «8.XI.1875 – 5.I.1975» должно быть «8.XI.1875 – 5.I.1955».

²⁰ Букатевич Н. И. Минувших дней воспоминания // ТГУ [Тартуский государственный университет]. 13 мая. № 10; 1977. 26 мая. № 11; 1977. 24 июня. № 12.

составлять из отдельных частей монографии, что объясняет ситуацию, когда одна и та же публикация может быть представлена и в качестве составной части данного периодического издания, и в виде отдельной брошюры или монографии. Кроме «Ученых записок» содержит историографические факты и может рассматриваться в качестве печатного источника также такое общеуниверситетское периодическое издание, как «Личный состав Императорского Юрьевского университета» (до 1891 г. «Personal der Kaiserliche Universität zu Dorpat», в 1892 г. «Личный состав Императорского Дерптского университета»).

Газеты в настоящей работе в качестве историографического источника специально не рассматривались, они привлекались постольку, поскольку в них нашли отражение некоторые события, связанные с предметом настоящего исследования.

Историография темы

К отдельным проблемам, связанным с развитием исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв., исследователи обращались неоднократно, однако специальное исследование, которое было бы посвящено истории исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. до сих пор отсутствует.

История исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. затрагивается как в обобщающих исследованиях по истории Тартуского университета, так и в работах, касающихся отдельных аспектов деятельности последнего. Отдельным проблемам истории исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. отводится место как в обобщающих историографических исследованиях, авторы которых обращаются, в том числе, и к истории исторической науки в Тартуском университете, так и в исследованиях творчества отдельных историков конца XIX – начала XX вв., работавших в Тартуском университете в этот период.

Обобщающие исследования по истории Тартуского университета

Исследования по истории Тартуского университета, в которых затрагивается история исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв., носящие обобщающий характер, издавались, главным образом, в связи с очередными юбилеями университета. Вторым том посвященного столетию возобновления деятельности университета в Тарту исследования профессора Е. В. Петухова²¹ охватывает только часть рассматриваемого в настоящей работе периода (до 1902 г.) и, не останавливаясь специально на отдельных разделах наук, в том числе и исторической науки, дает общую характеристику развития университета в годы реформы. Автор перечисляет состав исторических кафедр, не останавливаясь на деятельности их членов,²² пишет о создании «Учено-литературного общества при Юрьевском университете», критически оценивая результаты его деятельности на момент создания своего труда. Это критическое отношение тем более заслуживает внимания, что, как указывает в статье, посвященной этому обществу профессор Тартуского университета С. Г. Исаков, сам Е. В. Петухов был инициатором и автором проекта устава этого общества, а идейный облик общества был достаточно правым, консервативным.²³ Таким образом, упоминание в работе Е. В. Петухова того факта, что председателем общества в 1901 г. был профессор А. Н. Ясинский,²⁴ приобретает дополнительное значение с точки зрения характеристики общественной позиции последнего.

Опубликованный к этому же юбилею «Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (бывшего Дерптского) университета за сто лет его существования (1802–1902)»²⁵ содержит биографические статьи о профессорах А. Н. Ясинском, П. Н. Ардашеве и Е. Ф. Шмурло, написанные ими самими, что делает эти статьи особенно информативными. Самая подробная из них статья о П. Н. Ардашеве, статью Е. Ф. Шмурло сопровождает пространная библиография.

В составленном Гуго Земелем обзоре истории Тартуского университета, опубликованном в 1918 г., кратко характеризуется деятельность в

²¹ Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. 2. В последний период своего существования (1865–1902). Санкт-Петербург, 1906. 211, VII с.

²² *Ibid.*, с. 69.

²³ Исаков С. Г. Учено-литературное общество при Тартуском университете (1897–1917) // *Filoloogiateadused Tartu Ülikoolis*. (Konverentsi teesid — 15. dets. 1982). Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1982. Lk 49–53.

²⁴ Петухов Е. В. С. 176.

²⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (бывшего Дерптского) университета за сто лет его существования (1802–1902). Под ред. Г. В. Левицкого. Т. 1. Юрьев, 1902. 666 с.; Т. 2. Юрьев, 1903. 656 с.

Тарту профессоров А. Н. Ясинского, В. Э. Регеля, П. Н. Ардашева, А. А. Васильева, Е. В. Тарле, Е. Ф. Шмурло и И. И. Лаппо.²⁶ Это свидетельство ценно тем, что сам составитель, оставленный в 1906 г. при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию, опирается в своих описаниях на личный опыт, и, несмотря на их краткость, им приписаны черты мемуарного характера. С признательностью Г. Земель вспоминает лекции и практические занятия своего учителя профессора А. Н. Ясинского, хотя их отношения и закончились разгромной рецензией последнего на *dissertatio pro venia legendi* первого. Г. Земель пишет, что и вторая кафедра всеобщей истории (т.е. нового времени) в лице П. Н. Ардашева и А. А. Васильева перешла в достойные руки, в лице же Е. В. Тарле имела блестящего представителя, одного из немногих в истории университета, лекции которых из-за многочисленности аудитории переносились в актовзый зал университета. С большим уважением Г. Земель отзывается о вкладе русских историков в изучение «старого порядка» во Франции, подчеркивая и роль П. Н. Ардашева и Е. В. Тарле в этих исследованиях. С теплотой и уважением пишет Г. Земель и об ораторском мастерстве и лекциях Е. Ф. Шмурло. Высокие оценки, данные Г. Земелем П. Н. Ардашеву, А. А. Васильеву, Е. В. Тарле и Е. Ф. Шмурло, повторены и в посвященной истории Тартуского университета книге Р. фон Энгельгардта.²⁷ Сам же труд Г. Земеля также заслужил наименование лучшего исторического обзора Тартуского университета, содержащего взвешенную оценку роли университета как посредника между культурными устремлениями Востока и Запада.²⁸

Развитию исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. во втором томе трехтомного юбилейного издания истории Тартуского университета, посвященного его 350-летию, отведен специальный раздел.²⁹ В этом разделе дана краткая характеристика деятельности профессоров всеобщей истории А. Н. Ясинского, В. Э. Регеля, которые преподавали историю средних веков, профессоров всеобщей истории П. Н. Ардашева, А. А. Васильева и Е. В. Тарле, преподававших историю нового времени и профессоров русской истории Е. Ф. Шмурло (год смерти указан неверно — 1930 г. вместо 1934 г.) и И. И. Лаппо и говорится об их вкладе в историческую науку. Здесь же указывается, что

²⁶ Die Universität Dorpat (1802–1918). Skizzen zu ihrer Geschichte von Lehrern und ehemaligen Schülern zusammengestellt unter der Redaktion von Hugo Semel. Dorpat: Druck von H. Laakmann's Buch- und Steindruckerei, 1918. S. 114–115, 119.

²⁷ Engelhardt R. v., Die deutsche Universität Dorpat in ihrer geistesgeschichtlichen Bedeutung. München: Verlag von Ernst Reinhardt in München, 1933. S. 516.

²⁸ Garleff, M. Geschichtschreibung der Neuzeit in den baltischen Provinzen 1870–1918 // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / Hrsg. von G. von Rauch. Köln; Wien, 1986. S. 260. (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart; 20).

²⁹ Tartu ülikooli ajalugu. Tallinn, 1982. Kd. 2. 1798–1918. Lk. 323–328.

на кафедре всеобщей истории работали три доцента: М. В. Бречкевич, П. А. Яковенко и Г. А. Замятин, — что требует уточнения, т. к. М. В. Бречкевич был только приват-доцентом в 1906–1912 гг., П. А. Яковенко и Г. А. Замятин приват-доцентами были соответственно в 1909–1917 и 1913–1917 гг. и доцентами были назначены только в октябре 1917 г., причем П. А. Яковенко в марте 1918 г. был избран профессором всеобщей истории и утвержден в этой должности Советом университета, Г. А. Замятин же, еще до указанной здесь профессуры в Перми, был также профессором Воронежского университета и еще ряда педагогических институтов.

Издававшаяся параллельно с трехтомной, посвященной 350-летию Тартуского университета однотомная история университета³⁰ в несколько более сокращенном виде приводит те же данные, уточнен только год смерти Е. Ф. Шмурло (1934), а также добавлены даты жизни Г. А. Замятина, пропущенные в трехтомной версии, причем в английской версии однотомного издания истории университета, посвященного его 350-летию, абзац, посвященный М. В. Бречкевичу, П. А. Яковенко и Г. А. Замятину отсутствует.

Работы, посвященные отдельным вопросам истории Тартуского университета

Некоторые проблемы, касающиеся развития в Тартуском университете исторической науки в конце XIX – начале XX вв., затрагиваются в ряде работ, посвященных отдельным вопросам истории Тартуского университета.

В посвященном Тартускому университету в период первой русской революции 1905–1907 гг. исследовании Л. К. Эрингсон, автор, характеризуя профессорско-преподавательский состав университета, подчеркивает международное признание заслуг А. Н. Ясинского в исследовании социально-экономических отношений средневековой Чехии,³¹ а также отмечает, что в ходе самой революции, он, совместно с некоторыми коллегами, склонял студентов к мирной академической работе.³² В посвящен-

³⁰ История Тартуского университета 1632–1982. Таллин: Периодика, 1982. С. 144–145.

Tartu ülikooli ajalugu, 1632–1982. Tallinn: Perioodika, 1985. Lk.125–126.

History of Tartu University, 1632–1982. Tallinn: Perioodika, 1985. P. 148–149.

³¹ Эрингсон Л. К. Тартуский университет в период первой русской революции 1905–1907 гг. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Науч. рук. доктор исторических наук проф. Г. Мосберг. Тарту, 1957. С. 33.

³² Эрингсон Л. Тартуский университет в 1905 г. // Ученые записки Тартуского университета. 1957. Вып. 56. С. 17.

ной эвакуации университета в годы Первой мировой войны статье этого же автора подчеркивается роль, которую сыграли профессора В. Э. Регель и П. А. Яковенко в организации эвакуации в 1918 г.³³

Во вступительной статье к биографическому справочнику сотрудников исторического факультета Воронежского университета, посвященной истории этого факультета, подчеркивается, что деятельность «группы юрьевских преподавателей, которые прибыли в Воронеж к концу лета 1918 г.»,³⁴ среди которых называются и имена В. Э. Регеля, Г. А. Замятина, П. А. Яковенко, «положила начало высшему гуманитарному образованию в новом российском университете»³⁵ и упоминаются репрессии, одной из жертв которых стал и Г. А. Замятин.

Обзор истории исторического факультета Киевского университета также содержит биографические статьи об историках, работавших ранее в Тартуском/Юрьевском университете — М. В. Бречкевиче³⁶ и П. Н. Ардашеве.³⁷ В них кратко охарактеризован их путь в науке, указаны публикации ученых, а также литература о них. Вклад этих ученых в развитие исторической науки охарактеризован также в исследовании по истории Киевского университета. В нем проанализированы труды М. В. Бречкевича юрьевского периода, которые, как здесь указывается, внесли много нового в социальную историю прибалтийских славян и представляют безусловный научный интерес.³⁸ П. Н. Ардашев же характеризуется как единственный оставшийся в Киевском университете после отъезда из Киева Тарле и Луцицкого историк, который вел значительную педа-

³³ Эрингсон Л. К. Из истории эвакуации Тартуского университета (1915–1918 гг.) // Ученые записки Тартуского университета. 1970. Вып. 258. С. 288–313.

³⁴ Акиншин А., Карпачев М. Исторический факультет: вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета. Биографический справочник сотрудников. 1940–2001 / Ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2003. С. 9.

³⁵ *Ibid.*, с. 10.

³⁶ Шевченко Л. В. Бречкевич Митрофан Васильович // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка: минуле й сьогодення (1834–2004 рр.) / За ред. Г. Д. Казьмирчука. Київ, 2004. С. 161.

³⁷ Конта Р. М., Тіщенко І. І. Ардашев Павло Миколайович // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка: минуле й сьогодення (1834–2004 рр.) / За ред. Г. Д. Казьмирчука. Київ, 2004. С. 151. Здесь указан 1922 г. как год смерти П. Н. Ардашева. В издании: *Енциклопедія сучасної України*. Київ, 2001. С. 635 — год смерти П. Н. Ардашева указан как 1924. Эта же дата стоит и в издании: *Тартуский университет и Украина* / Под ред. В. Оноприенко и Х. Танклера. Киев: ИИЦ Госкомстата Украины, 2004. С. 186.

³⁸ *Історія Київського університету*. Київ: Видавництво Київського університету, 1958. С. 531–532.

гогическую и научно-исследовательскую работу по истории нового времени.³⁹

Краткие биографические справки об историках, работавших в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв., содержит опубликованный профессором С. Г. Исаковым словник биографического словаря русских общественных и культурных деятелей в Эстонии.⁴⁰ В этот биографический словарь предполагается включить статьи о А. Н. Ясинском, В. Э. Регеле, П. Н. Ардашеве, А. А. Васильеве, Е. В. Тарле, Е. Ф. Шмурло и И. И. Лаппо, М. В. Бречкевиче, П. А. Яковенко, Г. А. Замятине и А. Т. Расторгуеве.

Ряд аспектов, которых касается настоящая работа, затронут в посвященных проблемам истории науки статьях кандидата филологических наук Т. Шор. В статье «Личные фонды русских деятелей в эстонских архивохранилищах» Т. Шор, рассматривая 21 фонд русских деятелей, хранящихся в ИАЭ и ОР БТУ, дает обстоятельную характеристику использованных и в настоящей работе фондов ректора Тартуского университета в 1905–1908 гг. Е. В. Пассека (ОР БТУ. Ф. 37) и В. Э. Грабаря, преподававшего в Тартуском университете с 1893 г., профессора международного права в 1901–1918 гг. (ОР БТУ. Ф. 38), которые содержат материалы о работе Тартуского университета в конце XIX – начале XX веков, в том числе сведения об их коллегах-историках.⁴¹ Характеризуя научные связи Петербургского и Тартуского университетов и подчеркивая вклад петербургской исторической школы в развитие исторической науки в Тартуском университете в XIX – начале XX вв., Т. Шор, в статье «Выпускники Петербургского университета — профессора и преподаватели Тартуского университета 1900–1930»⁴² пишет о работавших в Тартуском университете в юрьевский период историках — выпускниках Петербургского университета Е. Ф. Шмурло, И. И. Лаппо, А. А. Васильеве и В. Э. Регеле, а также о работавших в Петербургском университете, до того как они приступили к работе в Тарту П. Н. Ардашеве и Е. В. Тарле (о последнем ошибочно указывается, что он «при Петербургском универ-

³⁹ *Ibid.*, с. 211.

⁴⁰ Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник / Сост. Проф. С. Г. Исаков. Тарту, 1994. 114 с.

Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник. Изд. 2-ое, испр. и доп. / Сост. Проф. С. Г. Исаков. Таллинн, 1996. 140 с.

⁴¹ Шор Т. Личные фонды русских деятелей в эстонских архивохранилищах // Балтийский архив. Т. I. Таллинн: Авенариус, [1996]. С. 18–20.

⁴² Шор Т. Выпускники Петербургского университета — профессора и преподаватели Тартуского университета 1900–1930 // Труды русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 1. Сост. В. Бойков. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2001. С. 111–112.

ситете защитил магистерскую и докторскую диссертации», тогда как магистерскую диссертацию Тарле защитил в Киевском университете). В статье Т. Шор, посвященной профессору Е. В. Петухову как автору истории Тартуского университета,⁴³ рассматривается ситуация, когда комиссия для рассмотрения вопроса о составлении истории университета к столетнему юбилею один за другим получает отказы от потенциальных авторов (в том числе и от профессора русской истории Е. Ф. Шмурло, который здесь ошибочно назван профессором общей истории⁴⁴), и составление исторической записки поручается ректором литературоведу профессору Е. В. Петухову как историку русского просвещения, литературы и школы, причем дается высокая оценка результатов его труда.

Взаимосвязям Тартуского университета и Украины в области социогуманитарных исследований посвящена статья Т. Щербань,⁴⁵ в которой наряду с характеристиками целого ряда представителей социальных и гуманитарных наук, своей деятельностью связывавших Тартуский университет и Украину, дается краткое описание, в том числе, и тартуского периода деятельности профессоров А. Н. Ясинского, Е. В. Тарле и приват-доцента М. В. Бречкевича (год защиты магистерской диссертации последнего в этой статье указан неверно: в 1911 она была только опубликована, защищена же была в 1912 г.). Имя профессора П. Н. Ардашева в этой статье не упомянуто, хотя в список деятелей культуры и науки в конце книги он и включен, и там приведены краткие биографические данные о нем.⁴⁶

Исследование Карла Мартинсона об институционализации научной деятельности в Эстонии охватывает период от XVII века до 1917 г. Рассматривая организационное развитие университетской науки в Эстонии и роль историко-филологического факультета Тартуского университета в развитии гуманитарных наук в последней четверти XIX – начале XX вв., он высоко оценивает вклад, внесенный в этот процесс профессорами А. Н. Ясинским, В. Э. Регелем, А. А. Васильевым, Е. В. Тарле, Е. Ф. Шмурло и И. И. Лаппо.⁴⁷ Здесь указывается, что исследовательской базой работавших в этот период в Тартуском университете историков

⁴³ Шор Т. Профессор Е. В. Петухов как историограф Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник научных статей. Вып. 7. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. С. 210–235.

⁴⁴ *Ibid.*, с. 224.

⁴⁵ Щербань Т. Социальные и гуманитарные науки // Тартуский университет и Украина / Под ред. В. Оноприенко и Х. Танклера. Киев: ИИЦ Госкомстата Украины, 2004. С. 145–149.

⁴⁶ Тартуский университет и Украина / Под ред. В. Оноприенко и Х. Танклера. Киев: ИИЦ Госкомстата Украины, 2004. С. 186.

⁴⁷ Martinson, K. Teadustegevuse institutsionaliseerumine Eestis XVII sajandist 1917. aastani. Tallinn: Eesti NSV TA Ajaloo Instituut, 1988. Lk 190, 263.

были российские и западноевропейские архивы и библиотеки, результатом их интенсивной исследовательской работы — многочисленные публикации, а также, с точки зрения развития исторической науки в Тартуском университете, значительное расширение и глобализация исследовательской тематики. В качестве примеров широких международных связей им приводится участие работавших в этот период в Тартуском университете историков в археологических конгрессах в Риге (1896) и Бельгии (1907), в международных исторических конгрессах в Риме (1903) и Лондоне (1913), в конгрессах ориенталистов в Копенгагене (1908) и Афинах (1911), конгрессе американистов в Буэнос-Айресе (1907) и т. д.⁴⁸ Подчеркивается и роль Высших женских курсов А. Н. Ясинского в развитии высшего образования.⁴⁹

В работе С. Тамуль, посвященной истории частных высших учебных заведений в Тарту, особенно выделяется роль Высших женских курсов профессора Ясинского в истории высшего женского образования в Тарту и среди преподававших там преподавателей, кроме самого основателя курсов профессора А. Н. Ясинского (ошибочно названного здесь византистом), упоминаются профессора А. А. Васильев и Е. В. Тарле.⁵⁰

Обобщающие историографические исследования

Вклад историков, работавших в конце XIX — начале XX вв. в составе исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета, в развитие исторической науки затрагивается в ряде историографических работ обобщающего характера.

В третьем томе коллективных «Очерков истории исторической науки в СССР»,⁵¹ в которых рассматривается в первую очередь развитие собственно исторической мысли и научных концепций, из работавших в рассматриваемый период в Тарту историков отдельный очерк посвящен только академику Е. В. Тарле.⁵² В нём обстоятельно рассмотрен путь ученого в науке вплоть до Первой мировой войны и подчеркивается его принадлежность традиции «русской исторической школы».

В очерке о Н. И. Карееве, в главе «Изучение истории нового времени», как представитель правого фланга русской историографии упоминается П. Н. Ардашев, причем подчеркиваются основательная документированность

⁴⁸ *Ibid.*, lk 190.

⁴⁹ *Ibid.*, lk 169, 237.

⁵⁰ Tamul, S. Eraülikool ja kõrgemad naiskursused Tartus // Vita academica, vita feminea: artiklite kogumik. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Lk 137.

⁵¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. 830 с.

⁵² *Ibid.*, с. 487–497.

его исследований и явная идеализация им бюрократической системы предреволюционной Франции.⁵³

В составе очерков, посвященных отдельным разделам науки, рассмотрен также вклад в развитие исторической науки А. Н. Ясинского и М. В. Бречкевича (в очерке о славяноведении), а также А. А. Васильева и П. А. Яковенко (в очерке о византиноведении).

В очерке, посвященном изучению истории славянских народов подчеркивается, что А. Н. Ясинскому принадлежит ряд капитальных работ по социально-экономической истории Чехии, для которых характерна острота взгляда на изучаемые проблемы, а также то, что широкое применение сравнительно-исторического метода позволило ему показать, «что развитие Чехии происходило теми же путями, что и развитие других стран Европы».⁵⁴ В этом же очерке дана характеристика вклада в историческую науку ученика А. Н. Ясинского М. В. Бречкевича, причем отмечается, что в изучении социального строя прибалтийских славян «он показал себя глубоким знатоком актового материала и мастером тонкого источниковедческого анализа».⁵⁵ В посвященном же византиноведению очерке дается очень критическая оценка работ А. А. Васильева за их «подчеркнуто фактологический характер»,⁵⁶ и только упоминается имя В. Э. Регеля, как издателя «Византийского обозрения».⁵⁷ Более пространно освещается здесь исследование византийского иммунитета П. А. Яковенко и подчеркивается, что «для своего времени его работа была выдающимся явлением в историографии»;⁵⁸ высокая оценка дается и его исследованию византийских грамот.

В целом, однако, для «Очерков» характерны чрезмерная идеологизация изложения, классовый подход к периодизации историографии и позициям историков, что отразилось и на оценках, данных творчеству отдельных историков конца XIX — начала XX вв., работавших в Тартуском университете в этот период.

Такова же общая направленность историографических работ обобщающего характера о борьбе направлений в русской историографии в период империализма А. Н. Цамутали⁵⁹ и о проблемах методологии истории в

⁵³ *Ibid.*, с. 486–487.

⁵⁴ *Ibid.*, с. 510. На с. 509 А. Н. Ясинский ошибочно назван профессором «Киевского, затем Юрьевского (Тартуского) университетов» — профессором Киевского университета он не был. Указанный здесь же год смерти А. Н. Ясинского — 1934 — также неточен, годы жизни его — 1864–1933.

⁵⁵ *Ibid.*, с. 511.

⁵⁶ *Ibid.*, с. 515.

⁵⁷ *Ibid.*, с. 514.

⁵⁸ *Ibid.*, с. 531.

⁵⁹ Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Ленинград: Наука, 1985. 331 с.

русской буржуазной историографии XIX – начала XX вв. Л. Н. Хмылева,⁶⁰ в которых на общем фоне развития исторической науки, проблемы её развития в Тартуском университете специально не затрагиваются. Из отдельных же историков конца XIX – начала XX вв., работавших в Тартуском университете в этот период, упоминается, в труде Л. Н. Хмылева, только Е. В. Тарле. Рассматривая вопрос об отношении к марксизму, русских либеральных историков, в том числе и Тарле, Л. Н. Хмылев пишет, что марксизму они давали высокую оценку, конкретно же Тарле подчеркивал, что марксизм как метод дает плодотворные результаты, причем, в отличие от других представителей русской либеральной историографии, классовая природа марксизма была для Тарле бесспорным фактом.⁶¹

В очерках по истории исторической науки Г. В. Вернадского⁶² материал расположен преимущественно по персоналиям, поэтому нами это исследование будет рассмотрено ниже, в разделах, посвященных историографии творчества отдельных историков конца XIX – начала XX вв., работавших в Тартуском университете в этот период.

В посвященной развитию исторической мысли в Эстонии диссертации Карла Лайгна⁶³ основное внимание уделяется формированию эстонской национальной историографии, анализ которой дается с точки зрения классовой борьбы. Рассматривая влияние остзейской историографии на становление эстонской национальной историографии, он не затрагивает развитие исторической науки в Тартуском университете в XIX – начале XX вв., упоминая лишь о возможном опосредованном влиянии на эстонскую национальную историографию теории родового быта профессора Тартуского университета Г. Эверса (1781–1830),⁶⁴ а также о влиянии полемики Ю. Ф. Самарина и К. Ширрена (без упоминания в связи с последним Тартуского университета) по вопросу об «особом остзейском порядке».⁶⁵ Вклад же эстонских историков — воспитанников Тартуского/ Юрьевского университета, обучавшихся здесь в начале XX в., в развитие эстонской национальной историографии оценивается им в духе борьбы с буржуазным национализмом начала 50-х гг. XX в. в ЭССР резко негативно: утверждая, что уже в начале XX в. среди течений эстонской буржуазной историографии не существовало принципиальных разногласий, он характеризует подвергшегося в 1950–1954 гг. репрессиям члена-корреспондента

⁶⁰ Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии XIX – начала XX вв. Томск: Издательство Томского университета, 1978. 172 с.

⁶¹ *Ibid.*, с. 22–23, 30.

⁶² Вернадский Г. Русская историография. Москва: Аграф, 1998. 448 с.

⁶³ Laigna, K. Eesti ajaloolise mõtte areng kuni a. 1917. Dissertatsioon ajalooteaduste kandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks. Tartu, 1952. 452 lk.

⁶⁴ *Ibid.*, с. 24.

⁶⁵ *Ibid.*, с. 123–125, 166.

АН СССР (1946) и академика АН ЭССР (1946) Ханса Крууса (1891–1976) как буржуазного националиста и врага народа,⁶⁶ а уже закончившего к тому времени свой земной путь академика АН Эстонии (1938) Хендрика Сеппа (1888–1943) называет фашистским профессором.⁶⁷

Специально проблеме преподавания истории в Тартуском университете (1802–1918) посвящена статья Л. Эрингсон,⁶⁸ причем почти половина её объема — именно периоду конца XIX — начала XX вв. В статье указывается, что «в связи с преобразованиями, осуществленными в университете в конце XIX в., в частности с переходом на русский язык преподавания, произошли некоторые изменения и на кафедрах истории. Учебная работа стала проводиться только на русском языке, профессура стала комплектоваться из воспитанников отечественных университетов, учеников видных русских историков».⁶⁹ Здесь подчеркивается, что «с 1900 по 1918 г. сменилось семь профессоров, из них пять по всеобщей и два по русской истории»⁷⁰ и дается краткий разбор научных трудов и преподавательской деятельности профессоров А. Н. Ясинского, В. Э. Регеля, П. Н. Ардашева, А. А. Васильева, Е. В. Тарле, Е. Ф. Шмурло и И. И. Лаппо. В связи с характеристикой работы кафедры всеобщей истории, говорится, что здесь «была предусмотрена и доцентура, которую окончили... воспитанники Тартуского университета М. В. Бречкевич, изучавший историю западных славян; П. А. Яковенко, византист; Г. А. Замятин, специалист по русско-шведским отношениям в XVI–XVII вв.».⁷¹ Как уже отмечалось выше, М. В. Бречкевич был приват-доцентом в 1906–1912 гг., П. А. Яковенко — в 1909–1917 и Г. А. Замятин — в 1913–1917 гг., и доцентами два последних были назначены только в октябре 1917 г. Причем П. А. Яковенко в марте 1918 г. был избран уже профессором всеобщей истории и утвержден в этой должности Советом университета: факт избрания питомца университета в состав его профессуры оставлен в вышеназванной статье без внимания. В статье обоснованно акцентируются широкие международные связи историков Тартуского университета, участвовавших в работе многих международных конгрессов в Риме, Лондоне, Копенгагене, Афинах, Буэнос-Айресе и т. д., а также избиравшихся членами многих научных обществ.

⁶⁶ *Ibid.*, с. 109, 177, 218, 375, 421.

⁶⁷ *Ibid.*, с. 287.

⁶⁸ Эрингсон Л. Преподавание истории в Тартуском университете (1802–1918) // *Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi*. I. Tartu, 1975. Lk 112–122.

⁶⁹ *Ibid.*, с. 118.

⁷⁰ *Ibid.*

⁷¹ *Ibid.*, с. 120.

Историографические исследования по отдельным разделам исторической науки

В историографических исследованиях по отдельным разделам исторической науки, ряд авторов обращается, в том числе, и к проблемам истории исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв.

В историографическом обзоре истории Византии Г. Л. Курбатов, говоря о второй половине 70-х гг. XIX – начале XX вв. как о времени формировании в большинстве европейских стран национальных школ византиноведения с их специфическими чертами и особенностями, пишет о школе византинистов в Петербургском университете, из которой вышли А. А. Васильев и В. Э. Регель,⁷² об источниковедческой и издательской работе последнего, а также и высоко оценивает вклад П. А. Яковенко в исследование формирования феодальных институтов в Византии.⁷³

Общий очерк возникновения и оформления петербургской школы византиноведения дан в статье А. Н. Цамутали, где, говоря о развитии исследований по истории Византии и возникновении новых центров византиноведения, автор указывает, что к концу XIX века одним из таких центров становится и Юрьевский университет.⁷⁴ Другой точки зрения придерживается О. Тедер, в магистерской работе которого показано становление византиноведческих исследований в Тартуском университете на протяжении всего XIX века и рассмотрена роль в них профессоров А. А. Васильева, В. Э. Регеля и П. А. Яковенко.⁷⁵ К сожалению, здесь неверно указано, что П. А. Яковенко в весеннем семестре 1911 г. читал спецкурс по истории византиноведения в России,⁷⁶ тогда как на самом деле курс лекций «Византиноведение в России в XIX веке» был им только

⁷² Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. С. 110.

⁷³ *Ibid.*, с. 118–119, 116.

⁷⁴ Цамутали А. Н. Петербургская школа византиноведения // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXIII. XVIII международный конгресс византинистов (Москва, 8–15 августа 1991). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 14.

⁷⁵ Teder, O. Põhijooni vene bütsantinistikast ja Tartu Ülikooli roll selles XIX–XX saj. algul (kuni 1918. aastani). Magistritöö. Tartu, 1998. 215 lk. Очевидно, являются опечатками указанные в этой работе в качестве года рождения П. А. Яковенко 1870 г. (Teder, O. Lk 120) и 1869 годы (Teder, O. Lk 100). В современной справочной литературе указывается 1879 г. (Славяноведение в дореволюционной России: био-библиографический словарь. Москва: Наука, 1979. С. 380–381; Eesti teaduse biograafiline leksikon. Kd. 1. Tallinn, 2000. Lk 450).

⁷⁶ Teder, O. Lk 120.

объявлен⁷⁷ и не состоялся из-за отъезда П. А. Яковенко вграничную командировку.⁷⁸ Неверно указана в этой работе и дата защиты магистерской диссертации П. А. Яковенко — 22.02.1918 (со ссылкой ИАЭ. 402–3–2048),⁷⁹ так как документ, на который при этом дана ссылка представляет собой письмо декана историко-филологического факультета Е. В. Петухова, в котором последний в соответствии с решением факультета от 22 (9) февраля 1918 г. обращается к ректору с просьбой назначить защиту на 27 (14) февраля и уведомить об этом членов Совета университета.⁸⁰

Различные проблемы развития петербургской школы византиноведения рассмотрены в ряде статей И. П. Медведева, в которых рассматривается вклад в развитие науки работавших в Тартуском/Юрьевском университете представителей этой школы, а также и их учеников, которые были уже воспитанниками Тартуского университета, византинистов П. Я. Яковенко и М. Я. Сюзюмова.⁸¹ Специальная статья И. В. Куклиной посвящена переписке А. А. Васильева и академика С. А. Жебелёва, в которой отражены разнообразные реминисценции юрьевского периода жизни А. А. Васильева.⁸²

Участие А. А. Васильева в экспедиции на Синай в 1902 г., еще до его назначения профессором Юрьевского университета, затрагивается в историографическом обзоре истории востоковедения с середины XIX века до 1917 года, однако в посвященном востоковедению в Дерптском/

⁷⁷ Обзорение лекций в Императорском Юрьевском университете. 1911 г., семестр I. Юрьев, 1911. С. 10.

⁷⁸ Dubjeva, L. Üliõpilasest professoriks: Pjotr Jakovenko Jurjevi Ülikoolis // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. XXXIII. Tartu, 2004. 148–165. Lk 157.

⁷⁹ Teder, O. Lk 120.

⁸⁰ Dubjeva, L. Üliõpilasest professoriks... Lk 162–163.

⁸¹ Медведев И. П. В. Э. Регель как основатель и редактор “Византийского временника” // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 157–180; Медведев И. П. И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. С. 207–240; Медведев И. П. К истории основания «Византийского временника»: неизвестные документы и факты // Россия и христианский Восток. Москва: Индрик, 1997. Вып. 1. С. 226–244; Медведев И. П. Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: итоги столетия // Исторические записки. Вып. 3 (121). Москва: Наука, 2000. С. 30–47; Медведев И. П. Недодуманные мысли. Письма русских антиковедов и византинистов как особый жанр историографии (на примере переписки И. В. Помяловского) // Scripta Gregoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. Москва: Восточная литература, 2003. С. 300–310.

⁸² Куikliна И. В. А. А. Васильев: «труды и дни ученого» в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 313–338.

Юрьевском университете разделе этого исследования говорится только о работах богословов и языковедов, и работы историков не упоминаются.⁸³

Вклад преподавателей и воспитанников Тартуского университета в развитие гуманитарной ориенталистики, в том числе и в конце XIX – начале XX вв., рассмотрен в диссертации Мартина Халлика, где анализируется и значение трудов А. А. Васильева и В. Э. Регеля для этого раздела науки.⁸⁴ Значение трудов А. А. Васильева характеризуется также в монографии по истории ориенталистики в Тартуском университете, написанной М. Халликом совместно с Олафом-Михкелем Клаасеном.⁸⁵ Характеристика политики России в отношении Сибири и Средней Азии, данная профессором русской истории Е. Ф. Шмурло,⁸⁶ в этих работах повторяет характеристику, данную этому же вопросу во втором томе посвященной 350-летию юбилею «Истории Тартуского университета».⁸⁷ В этих же работах указывается также и на лекционные курсы, читавшиеся в Тартуском университете профессором всеобщей истории А. Н. Ясинским, в которых историю Византии и крестовых походов последний связывал, в том числе, и с историей арабов.⁸⁸

В биобиблиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» среди биографических статей об ученых-славяноведах представлены материалы не только об историках, занимавшихся историей славян, но также и об историках, только касавшихся славяноведческой проблематики в своих трудах. Здесь приводятся биографические статьи о таких работавших в Тарту историках как М. В. Бречкевич, А. А. Васильев, И. И. Лаппо, П. А. Яковенко, А. Н. Ясинский.⁸⁹ Анализ развития славяноведения в дореволюционной России, данный в посвященной этому вопросу коллективной монографии,⁹⁰ содержит и характеристику вклада в исследование истории славян, сделанного работавшими в Тартуском

⁸³ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. Москва: Восточная литература, 1997. С. 110, 43–48.

⁸⁴ Hallik, M. Tartu Ülikooli õppejõudude ja kasvandike osast humanitaarorientalistikas (1802–1940). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2001. Lk 19, 118–119. (Dissertationes historiae Universitatis Tartuensis; 4.) На с. 132 этой диссертации А. А. Васильев характеризуется как выдающийся историк-ориенталист, работавший в Тартуском университете XIX века, тогда как А. А. Васильев преподавал в Тартуском университете в 1904–1912 гг.

⁸⁵ Hallik, M., Klaassen, O.-M. Keiserlik Tartu Ülikool (1802–1918) ja Orient. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. Lk 122.

⁸⁶ Hallik, M. Lk 121; Hallik, M., Klaassen, O.-M. Lk 124.

⁸⁷ Tartu ülikooli ajalugu. Tallinn, 1982. Kd. 2. 1798–1918. Lk 327.

⁸⁸ Hallik, M. Lk 119, 121; Hallik, M., Klaassen, O.-M. Lk 122.

⁸⁹ Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. Москва: Наука, 1979. 426 с.

⁹⁰ Славяноведение в дореволюционной России: изучение южных и западных славян. Москва: Наука, 1988. 414 с.

университете историками А. Н. Ясинским,⁹¹ В. Э. Регелем,⁹² М. В. Бречкевичем,⁹³ И. И. Лаппо,⁹⁴ П. А. Яковенко.⁹⁵ Особенно подробно в этой монографии освещается вклад профессора А. Н. Ясинского, о котором говорится, что «он разрабатывал феодальную историю Чехии и отчасти балтийских славян и давал студентам задания по соответствующим темам для собственной разработки».⁹⁶ Из учеников А. Н. Ясинского отдельно упоминается М. В. Бречкевич и характеризуются его сочинения по экономической и социальной истории поморских славян, в отношении которых подчеркивается, что его концепция «вызвала основательную критику современников, но в освещение частных вопросов он внес немало нового».⁹⁷ В этой монографии подчеркивается также значение исследования В. Э. Регелем «Хроники Козьмы Пражского» как ценнейшего исторического источника.⁹⁸ Автором этих разделов коллективной монографии является профессор Московского университета доктор исторических наук Л. П. Лаптева. В её статье об освещении русской историографией XIX – начала XX века феодальной истории Чехии подчеркивается, что исследования А. Н. Ясинского в этой области базируются на глубоком анализе многочисленных источников и обширной литературы вопроса и в них, как результат изучения аграрной организации старочешской деревни, доказывалась самостоятельность развития чешских аграрных учреждений и их главных составных частей.⁹⁹

Монография Л. П. Лаптевой посвящена истории славяноведения в России в XIX веке, когда не существовало специальных научных центров, где бы разрабатывались проблемы славяноведения, и развитие последнего происходило в рамках университетов.¹⁰⁰ Специальные разделы здесь посвящены Московскому, Петербургскому, Харьковскому, Казанскому, Варшавскому и Новороссийскому университетам. Дерптский/Юрьевский университет в связи с развитием славяноведения упоминается постольку, поскольку здесь, в конце XIX века приступил к работе ряд известных славистов, в частности ректор университета в 1892–1901 гг. А. С.

⁹¹ *Ibid.*, с. 217, 234, 341, 352.

⁹² *Ibid.*, с. 234, 297, 390.

⁹³ *Ibid.*, с. 217, 353, 377, 391.

⁹⁴ *Ibid.*, с. 350, 376.

⁹⁵ *Ibid.*, с. 354, 391.

⁹⁶ *Ibid.*, с. 217.

⁹⁷ *Ibid.*, с. 353.

⁹⁸ *Ibid.*, с. 234.

⁹⁹ Лаптева Л. П. Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX – начала XX века // Вопросы истории славян. Вып. 15. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2001. С. 121.

¹⁰⁰ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. Москва: Индрик, 2005. 847 с.

Будилович.¹⁰¹ В монографии затронуто выступление К. Я. Грота против идеи профессора Юрьевского университета А. Н. Ясинского о естественном зарождении и развитии феодальных отношений в Чехии,¹⁰² а также рассматривается рецензия профессора Е. Ф. Шмурло на посвященный истории славяноведения в России труд профессора Одесского университета А. А. Кочубинского.¹⁰³ В разделе же, посвященном ученикам выдающегося слависта В. И. Ламанского и славяноведению в Петербурге вне университета подробно освещен путь в науке В. Э. Регеля, посвятившего ранний этап своего научного творчества чешской средневековой истории.¹⁰⁴

В статье об историографии крестовых походов М. А. Заборов¹⁰⁵ дает высокую оценку спецкурсу А. Н. Ясинского «История крестовых походов».¹⁰⁶ «Курс Ясинского базировался на лучших по тому времени образцах специальной и общей медиевистической (отечественной и зарубежной) литературы и был отмечен самобытным талантом историка, его совершенно самостоятельным подчас отношением к историческому материалу, местами весьма тщательным собственным анализом источников и событий, многократно описанных в литературе.»¹⁰⁷

В посвященной развитию кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета монографии В. С. Брачева и А. Ю. Дворниченко¹⁰⁸ освещается и академическая подготовка и путь в науке работавших в Тартуском университете питомцев этой кафедры Е. Ф. Шмурло¹⁰⁹ и И. И. Лаппо,¹¹⁰ а также выпускника Юрьевского университета М. В. Клочкова, ученика Е. Ф. Шмурло, прикомандированного после окончания Юрьевского университета к кафедре русской истории Санкт-Петербургского уни-

¹⁰¹ *Ibid.*, с. 376.

¹⁰² *Ibid.*, с. 688, 690.

¹⁰³ *Ibid.*, с. 783.

¹⁰⁴ *Ibid.*, с. 384–400.

¹⁰⁵ Заборов М. А. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в. // Византийский временник. Т. XXV, 1964. С. 133–136.

¹⁰⁶ Ясинский А. Н. История крестовых походов. Лекции проф. Ясинского. [Юрьев: литография Бертельсона, 1911.] 246 с. На литографском издании, хранящемся в РГБ год издания не указан. Это единственный известный экземпляр, о чем писал и М. А. Заборов (используя и сообщение Ю. Мадиссона из Тарту, с. 133). В статье М. А. Заборова указан 1909 год издания, в каталоге РГБ — 1911 г. (1911 — год переезда проф. Ясинского в Москву. Возможно, в 1911 г. издание и поступило в Библиотеку Публичного и Румянцевского музея.)

¹⁰⁷ Заборов М. А. С. 133.

¹⁰⁸ Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 384 с.

¹⁰⁹ *Ibid.*, с. 60–62, 65, 88–89.

¹¹⁰ *Ibid.*, с. 102, 122–123.

верситета для приготовления к профессорскому званию.¹¹¹ Те же проблемы рассмотрены и в ранее опубликованной монографии В. С. Брачева.¹¹²

В исследованиях по русско-балтийской историографии профессора Тартуского университета Тийта Розенберга подчеркивается, что интерпретация местной истории в русско-балтийской историографии приобретает практическое значение только в последней трети XIX века. «XIX век, век национального подъема, назван и историческим веком, так как именно в это время начался подъем историографии во всей Европе. При формировании чувства коллективной идентичности история народа, т. е. историческое сознание и историческое объяснение, приобретала особое значение. Ни одно государство, народ и общность людей не могут существовать без своей истории — т. е. общего прошлого и его понятного и приемлемого для большинства объяснения. Именно история давала народу или его части легитимность, описывая его происхождение и место в этом мире. Это относится и к русским, проживавшим в прибалтийских губерниях России, для которых история также стала существенным средством самоутверждения».¹¹³ Рассматривая академическую историографию данного вопроса, Т. Розенберг из историков конца XIX – начала XX вв., работавших в Тартуском университете в этот период, выделяет профессора А. Н. Ясинского, статьи которого о христианизации балтийского побережья и о причинах падения Ливонского ордена характеризуются как антигерманские по своей направленности.¹¹⁴

¹¹¹ *Ibid.*, с. 142–143.

¹¹² Брачев В. С. «Наша университетская школа русских историков» и её судьба. Санкт-Петербург: Стомма, 2001. 243 с.

¹¹³ Розенберг Т. Русско-балтийская историография во второй половине XIX — начале XX века // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее и будущее. Сборник статей. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. С. 140.

¹¹⁴ Rosenberg, T. Die russische baltische Historiographie in der zweiten Hälfte des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder. Olaf Mertelsmann (Hg.). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005. S. 93–94. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 11.)

Историография творчества отдельных историков конца XIX – начала XX вв., работавших в Тартуском университете в этот период

Разные аспекты деятельности отдельных представителей научно-педагогического состава исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, однако, как правило, именно тартуский период их деятельности или излагается в самых общих чертах, или не затрагивается совсем.

Деятельность академика Пражской и Белорусской академий профессора А. Н. Ясинского проходила на фоне крупных общественно-политических потрясений, которые оставили свой след на оценке, дававшейся ей в разное время. В статье А. Е. Москаленко, где рассматриваются как биографические, так и историографические аспекты изучения жизненного пути ученого, дается высокая оценка результатов его трудов и говорится, что «он подходил к явлениям славянской, в частности чешской, истории как медиевист вообще. Собственно, он был, прежде всего, историком европейского средневековья, а потом уже историком Чехии, что в значительной степени и определило плодотворность его чешских штудий».¹¹⁵ Автор статьи останавливается и на тартуском отрезке жизненного пути ученого, освещая его как по трудам А. Н. Ясинского, так и пользуясь микрофильмом личного дела А. Н. Ясинского из ИАЭ (ИАЭ. 402–3–2059), одновременно предполагая, что в ИАЭ могут быть и другие документы о деятельности А. Н. Ясинского, не известные ему.¹¹⁶ Сожаления А. Е. Москаленко о том, что «многое в жизни и научно-педагогической деятельности Ясинского еще остается неясным» и «мы почти ничего не знаем о политических позициях ученого в общественной борьбе его времени»,¹¹⁷ получили ответ в виде статьи Ю. Ф. Иванова о политических взглядах А. Н. Ясинского.¹¹⁸ В последней опровергается мнение о либерализме воззрений А. Н. Ясинского¹¹⁹ и обосновывается определенная аполитичность его позиции, которая после революции, на фоне общего притеснения «буржуазной интеллигенции», сменилась сближением с «представителями

¹¹⁵ Москаленко А. Е. К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского (1864–1933) // Вопросы историографии и истории СССР. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969. С. 255. (Труды Воронежского государственного университета; 85).

¹¹⁶ *Ibid.*, с. 257.

¹¹⁷ *Ibid.*, с. 255.

¹¹⁸ Иванов Ю. Ф. О политических взглядах А. Н. Ясинского (1864–1933) // Вопросы истории славян. Вып. 14. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1999. С. 153–170.

¹¹⁹ Казакова М. А. Исторические взгляды А. Н. Ясинского // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 3. С. 153.

прежних либеральных кругов»,¹²⁰ что и могло повлиять на сформировавшуюся позднее оценку. Исторические взгляды А. Н. Ясинского рассмотрены в статье М. А. Казаковой, которая прослеживает их эволюцию от понимания общности и закономерности исторического процесса как основного принципа развития человеческого общества к переходу на позиции неокантианства и отказу от признания закономерности исторического процесса.¹²¹

Тартускому периоду деятельности члена-корреспондента Российской АН профессора В. Э. Регеля посвящена специальная статья В. А. Бойкова, написанная главным образом, по материалам личного фонда В. Э. Регеля в Российском государственном историческом архиве; другие архивные материалы, в том числе и из ИАЭ, в ней использованы в меньшей степени. Использованные источники определили и направленность статьи: она посвящена преимущественно деятельности В. Э. Регеля по изданию журнала «Византийское обозрение», а также по эвакуации университета в 1918 г. Преподавательская деятельность профессора В. Э. Регеля осталась здесь незатронутой. Статьи профессора Московского университета Л. П. Лаптевой о Регеле как византинисте и как исследователе «Хроники Козьмы Пращского» дают подробную научную биографию ученого, опирающуюся как на его труды, так и на архивные источники, в том числе и на материалы личного фонда В. Э. Регеля в Российском государственном историческом архиве.¹²² Документы этого же фонда, совместно с другими архивными и печатными материалами, лежат в основе исследований И. П. Медведева, об издании В. Э. Регелем журнала «Византийский временник», которое он закончил в Юрьеве, перейдя к изданию журнала «Византийское обозрение».¹²³

В статье А. Е. Москаленко о работе П. А. Яковенко по истории полабских славян подчеркивается, что в своих византиноведческих исследованиях П. А. Яковенко обращался к вопросам, которые до него еще почти не разрабатывались, и то же самое можно сказать о его ранней

¹²⁰ Иванов Ю. Ф. С. 168.

¹²¹ Казакова М. А. С. 140–153.

¹²² Лаптева Л. П. В. Э. Регель как византинист // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов. Москва: Издательство Московского университета, 1991. С. 130–140. Лаптева Л. П. В. Э. Регель как исследователь «Хроники» Козьмы Пращского и её оценка в современной историографии // Исторические записки: научные труды исторического факультета. Вып. 2. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1997. С. 93–105.

¹²³ Медведев И. П. В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 157–180. Медведев И. П. К истории основания «Византийского временника»: неизвестные документы и факты // Россия и христианский Восток. Москва: Индрик, 1997. Вып. 1. С. 226–244.

работе по истории полабских славян. Автор статьи указывает, что «работа Яковенко выгодно отличается от исследований Бречкевича вниманием к истории непосредственных производителей, глубиной и тщательностью анализа источников, логичностью и ясностью изложения»¹²⁴ и высказывает предположение, что эта работа П. А. Яковенко написана под влиянием А. Н. Ясинского. В действительности же эта работа представляет собой кандидатское сочинение П. А. Яковенко, опубликованное уже после того, как он в период магистратуры обратился к византиноведческим штудиям. Анализ вклада П. А. Яковенко в византиноведение дан его учителем А. А. Васильевым в некрологе своему ученику, где с сожалением отмечается, что «он умер молодым, не успев закончить и части начатых и предположенных работ».¹²⁵ Учеником А. А. Васильева называется П. А. Яковенко и Г. В. Вернадский в посвященном А. А. Васильеву очерке, входящем в состав исследования Г. В. Вернадского по русской историографии.¹²⁶

Научная деятельность М. В. Бречкевича, как подчеркивает в посвященной ему статье Л. П. Лаптева, долгое время была предана забвению, причем и те краткие упоминания, которые есть в общих трудах, основаны были, главным образом, на опубликованных материалах. Поэтому в указанной статье предложен основанный на тщательных архивных разысканиях в фондах ИАЭ, РГИА и Отдела рукописей Института русской литературы РАН анализ формирования Бречкевича как историка и дается высокая оценка его вклада в изучение истории славян, который был им сделан в дореволюционный период и главным образом в период работы в Юрьевском университете.¹²⁷ Преимущественно послереволюционный период работы М. В. Бречкевича освещен в статье А. Е. Москаленко, в которой использованы архивные материалы из архивов Киева и Казани, а также неопубликованные сочинения.¹²⁸ В статье М. О. Рудя рассматривается жизненный путь М. В. Бречкевича и характеризуется его научная деятельность, в которой, как в дореволюционный период, так и позднее, он сосредоточился на социально-политической и экономической истории

¹²⁴ Москаленко А. Е. П. А. Яковенко (1879–1920) и его работа по истории полабских славян // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов (Минск 31 января – 3 февраля 1968 г). Минск, 1969. С. 555.

¹²⁵ Васильев А. А. Памяти П. А. Яковенко // Анналы. 1922. № 2. С. 259.

¹²⁶ Вернадский Г. С. 226.

¹²⁷ Лаптева Л. П. М. В. Бречкевич как представитель позитивизма в русском славяноведении первой четверти XX в. // Славяноведение. 1995, № 1. С. 3–11.

¹²⁸ Москаленко А. Е. М. В. Бречкевич (1870–1963) и его работы по истории поморских славян // Славянский сборник / Под. ред А. И. Озолина. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972. С. 92–108.

Поморья в XII–XIV вв. и ввел в научный оборот большое количество тщательно проанализированных им источников.¹²⁹

Исследователи достаточно редко обращались к творчеству П. Н. Ардашева. Кроме вышеупомянутых общих работ, где он упоминается или кратко характеризуется, в том числе его автобиографии в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Юрьевского (бывшего Дерптского) университета за сто лет его существования», одесский и киевский периоды его деятельности затрагивают статьи, оставшиеся, к сожалению, нам недоступными (Дьомін О. Вивчення та викладання всесвітньої історії в Одесі в XIX–XX ст. // Вісник Чернігівського педагогічного університету. 2002. В. 15. Сер.: Історичні науки. №1. С. 8–11; Кобченко К. Викладання історичних дисциплін на Київських жіночих курсах // Вісник Київського університету. Історія. 2002. Вип. 63–64. С. 104–106). Его научная позиция нашла отражение в исследованиях по истории «русской школы», представителем правого крыла которой он был и, в духе которой уже в Киеве им была воспитана целая плеяда учеников,¹³⁰ а также в исследованиях прогресса исторической науки.¹³¹

Выдающемуся византинисту А. А. Васильеву посвящена значительная литература.¹³² Особенно это относится к исследованию в последнее десятилетие связанных с ним архивных материалов, находящихся как в России (см. выше о статье И. В. Куклиной), так и в США.¹³³ Все они в той

¹²⁹ Рудь М. О. З історії славістики в Київському університеті. М. В. Бречкевич (1870–1963) // Вісник Київського Університету. Історія. 1995. Вип. 33. С. 41–48.

¹³⁰ Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный технический университет, 1997. С. 6, 92–94. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Издательство Казанского университета, 2000. С. 22, 28, 204. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. С. 486.

¹³¹ Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омский государственный университет, Издательство Уральского университета, 2000. С. 181–183, 186.

¹³² Во вступительной статье к «Истории Византийской империи» А. А. Васильева утверждается, что «писать о биографии А. А. Васильева (1867–1953) достаточно сложно, ибо литературы о нем почти нет» — и приводится пространный список литературы о А. А. Васильеве. (Грушевой А. Г. К переизданию цикла общих работ А. А. Васильева по истории Византии // Васильев А. А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.) / вступительная статья, примечания, научная редакция, перевод с английского языка и именной указатель А. Г. Грушевого. Санкт-Петербург: Алетей, 1998. С. 5.)

¹³³ Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман. Москва: РОССПЭН, 1997. С. 259–286. Карпов С. П. А. А. Васильев о вкладе русских ученых в развитие византиноведения // Scripta Gregoriana: Сборник в честь

или иной степени содержат и сведения, обогащающие наши представления о юрьевском периоде в жизни А. А. Васильева.

Специальный очерк посвящен А. А. Васильеву в труде Г. В. Вернадского по русской историографии.¹³⁴ Здесь упоминается факт избрания А. А. Васильева на кафедру всеобщей истории Юрьевского университета ординарным профессором, совмещение этой должности с преподавательской деятельностью в Женском педагогическом институте в Петербурге, а также факт командировки в 1906 г. «в качестве представителя Петербургского университета, Юрьевского университета и Женского педагогического института в Австралию на юбилейные торжества по случаю пятидесятилетия Мельбурнского университета».¹³⁵ Вынужденная краткость обзора научного творчества А. А. Васильева дополняется в нем целым рядом изложенных с личной симпатией биографических подробностей об ученом, с которым автора объединяла общая эмигрантская судьба.

Творчеству академика Е. В. Тарле посвящена обширная литература.¹³⁶ Не обойден вниманием и тартуский период его жизни: помимо обобщающих биографических трудов,¹³⁷ а также трудов по истории Тартуского университета,¹³⁸ этому вопросу посвящена специальная статья И. Я. Лосиевского,¹³⁹ в которой использована только часть имеющихся в Тарту архивных материалов о Е. В. Тарле и поэтому целый ряд проблем, связан-

семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. Москва: Восточная литература, 2003. С. 279–280. Карпов С. П. Материалы А. А. Васильева в архиве Dumbarton Oaks (Вашингтон) // Византийский временник. Т. 58 (83). Москва: Наука, 1999. С. 117–127.

¹³⁴ Вернадский Г. С. 224–227. Это не единственное обращение Г. В. Вернадского к биографии А. А. Васильева (см также: Вернадский Г. В. А. А. Васильев // *Seminarium Kondakovianum*. Praha. 1938. Т. 10.).

¹³⁵ Вернадский Г. С. 225.

¹³⁶ См., напр.: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1998. С. LXV.

¹³⁷ См., напр.: Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. Москва: Наука, 1977. С. 51. Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел: Полиграфически-издательское предприятие «Орел», 1994. С. 58–60, 67; Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 325. (*Summa culturologiae*.); Троицкий Н. А. Тарле Евгений Викторович (1874–1955) // Историки России. Биографии. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 533.

¹³⁸ *Tartu ülikooli ajalugu*. Tallinn, 1982. Kd. 2: 1798–1918. Lk. 325–326; История Тартуского университета 1632–1982. С. 141, 144; Эрингсон Л. Преподавание истории в Тартуском университете (1802–1918). С. 119–120.

¹³⁹ Лосиевский И. Я. Деятельность Е. В. Тарле в Тартуском университете // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. Москва: Наука, 1981. С. 199–203.

ных с тартуским периодом его жизни, требует дополнительного уточнения.¹⁴⁰ Очень кратко охарактеризован творческий путь Е. В. Тарле в труде по русской историографии Г. В. Вернадского.¹⁴¹ Юрьевский этап биографии ученого здесь даже не упомянут, хотя (в скобках) и упоминается, что второй том его «Континентальной блокады» увидел свет в Юрьеве.

Труды Г. А. Замятина заслужили высокую оценку выдающихся ученых — его современников, к ним вновь и вновь обращаются и в последние десятилетия. В историографическом обзоре развития скандинавистики в СССР В. В. Похлебкина о Г. А. Замятине говорится как о представителе старшего поколения, который начал свои исследования по истории русско-шведских отношений еще до Первой мировой войны и продолжил позднее, но труды которого были известны только узкому кругу профессионалов.¹⁴² Необходимо уточнить, что, хотя в статье говорится об исследовании Замятиным архива Габриеля Делагарди, архив Делагарди в Библиотеке Тартуского университета, который исследовал Г. А. Замятин, содержит, наряду с документами, связанными и с другими государственными деятелями, материалы Понтуса, Якоба и Магнуса Делагарди.¹⁴³ 90-летию со дня рождения профессора Г. А. Замятина посвящена статья А. Е. Москаленко и С. В. Степановой, в которой описывается судьба личного архива Г. А. Замятина и анализируется его состав, а сам Г. А. Замятин «отнесен к числу незаслуженно забытых историков».¹⁴⁴ О том, что имя Замятина известно лишь узкому кругу специалистов, пишет в статье «История Новгорода в работах Г. А. Замятина» и Г. М. Коваленко,¹⁴⁵

¹⁴⁰ См., напр., расхождения в датировке этого периода: Тарле Евгений Викторович // Ученые Московского университета — действительные члены и члены-корреспонденты Российской академии наук (1755–2004). Биографический словарь / Автор-составитель Ю. М. Канцур. Москва: Издательство Московского университета, 2004. С. 400–401. Тырсенко А. В. Тарле Евгений Викторович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Москва: Издательство Московского университета; Издательство РОССПЭН, 2004. С. 448–449.

¹⁴¹ Вернадский Г. С. 236–237.

¹⁴² Pochljobkin, W. W. The Development of Scandinavian Studies in the U.S.S.R. (1917–1965) // *Scandinavica*. 1966. Vol. 5. N 1. P. 27–28. Выражаем признательность профессору А. С. Кану (Упсала), любезно обратившему наше внимание на эту статью.

¹⁴³ Noodla, K. TRÜ Teadusliku Raamtukogu käsikirjad ja fotod. Tartu, 1970. Lk 11.

¹⁴⁴ Москаленко А. Е., Степанова С. В. О научном наследии профессора ВГУ Г. А. Замятина (1882–1953) // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972. С. 164.

¹⁴⁵ Коваленко Г. М. История Новгорода в работах Г. А. Замятина // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). Санкт-Петербург: Дмитрий Булаин, 1997. С. 239.

который в другой статье, о личном фонде Замятина, также пишет о Г. А. Замятине, как о незаслуженно забытом ученом и педагоге.¹⁴⁶

А. Т. Расторгуев интересовал до сих пор в первую очередь литературоведов, как деятель культуры, оказавший влияние на становление эстонского писателя Оскара Лутса.¹⁴⁷ С историографической же точки зрения он, ученик А. Г. Брикнера, Р. Гаусманна и О. Вальтца, представляет собой феномен преемственности дореформенного Дерптского и пореформенного Юрьевского университета, воплотивший эту преемственность в своей судьбе, о которой сохранились только разрозненные данные. «Историограф в большинстве случаев работает с комплексом фактов и источников, отражающих реальные события истории исторической науки, но отсутствие источников вовсе не означает, что историографический факт не имел места».¹⁴⁸ Так, используя разнообразные косвенные источники о несохранившемся труде, при отсутствии личного фонда, личного дела (новое личное дело содержит только два позднее выявленных документа) и реконструируется в настоящей работе жизненный путь магистранта А. Т. Расторгуева, длительное время готовившего диссертацию по сохранявшейся до конца XX в. актуальность теме из истории международных отношений во второй половине XVIII века и общавшегося со всеми историками, работавшими в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв.

Вклад Е. Ф. Шмурло в развитие исторической науки не перестает привлекать внимание историков, однако, акценты внимания исследователей с течением времени смещаются. Он привлекал внимание ученых и как ученик, биограф и представитель школы К. Н. Бестужева-Рюмина,¹⁴⁹ и

¹⁴⁶ Коваленко Г. М. Фонд Г. А. Замятина в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина // Археографический ежегодник за 1989 год. Москва: Наука, 1990. С. 236. Выражаем признательность Г. М. Коваленко (Санкт-Петербург/Новгород), любезно обратившему наше внимание на статью Р. Ошурковой (Пермь), к сожалению, оставшейся нам недоступной (Ошуркова Р. А. Замятин Герман Андреевич // История и методология науки. Вып. 1. Пермь, 1994.).

¹⁴⁷ Kahu, M. Aleksander Rastorgujev. Keiserliku Jurjevi Ülikooli viimane raamatukoguhoidja-juhataja: Ettekanne TRÜ TR 3. ajaloopäeval 15.05.1985. — Отдел редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета. 4–3–1317a.

¹⁴⁸ Зевелев А. И. С. 132.

¹⁴⁹ Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. Москва: Наука, 1983. С. 43. Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. Москва: Наука, 1990. 264 с. Историография истории России до 1917 года. Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Т. 2. Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. С. 288. Как «его [К. Н. Бестужева-Рюмина — Л. Д.] первого и лучшего на сегодняшний день биографа» характеризует Е. Ф. Шмурло и В. С. Брачев (Брачев В. С. «Наша

как один из активных и продуктивных историков-эмигрантов.¹⁵⁰ Краткий, но богатый фактами очерк посвящен Е. Ф. Шмурло в труде Г. В. Вернадского по русской историографии. Эмигрантские судьбы обоих ученых пересеклись в Праге, что объясняет детальное знакомство Г. В. Вернадского с судьбой и научным творчеством Е. Ф. Шмурло. Однако, факт занятия профессором Е. Ф. Шмурло кафедры русской истории в Дерптском (Юрьевском) университете в этом очерке только упомянут. В то же время Т. Розенберг оценивает Е. Ф. Шмурло, наряду с Густавом Эверсом и Александром Брикнером, как одного из трех крупнейших работавших в Тартуском университете специалистов по русской истории.¹⁵¹ Создаются и обобщающие труды, где изучаются главные этапы жизни и наиболее важные работы Е. Ф. Шмурло.¹⁵²

Специальный очерк посвящен И. И. Лаппо в труде Г. В. Вернадского,¹⁵³ в котором дана краткая научная биография историка. Поскольку жизненные пути Г. В. Вернадского и И. И. Лаппо пересеклись в 20-е гг. XX в. в пражский период, частично источником для этой биографии могут быть и личные воспоминания, как самого Г. В. Вернадского, так и И. И. Лаппо в передаче Г. В. Вернадского, что объясняет целый ряд детальных подробностей при освещении подхода к той или иной научной теме и развитию её. Работа И. И. Лаппо в Юрьевском университете и его труды этого периода упоминаются в этом очерке в общих чертах. Интересна, однако, краткая характеристика сложившихся в Юрьеве отношений: «В жизнь Юрьевского университета Лаппо близко вошел. У него сложились хорошие отношения и с коллегами — профессорами и со студентами».¹⁵⁴ В этих словах звучат отголоски личных воспоминаний профессора Лаппо о Юрьевском университете. В то же время, в хронологическом изложении биографических данных в этом очерке пропущен целый жизненный этап: «... деятельность Лаппо в Юрьеве прервалась из-за гражданской войны и

университетская школа русских историков» и её судьба. Санкт-Петербург: Стомма, 2001. С. 45).

¹⁵⁰ Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. Москва: Наука, 1991. С. 54–59. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. Москва: Издательство Прогресс-Академия, 1994. С. 84–85, 200–201. Беляев С. А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. Москва: Наука, 2003. С. 149–157.

¹⁵¹ Rosenberg, T. Tartu Ülikooli Vene ajaloo professor Aleksander Brückner (1834–1896) // Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat. 2002. Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 2004. Lk. 43.

¹⁵² Горелова С. И. Исторические взгляды Е. Ф. Шмурло. (07.00.02 — Отеч. история.) Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1999. 23 с.

¹⁵³ Вернадский Г. Русская историография. Москва: Аграф, 1998. С. 173–177.

¹⁵⁴ *Ibid.*, с. 173.

переезда в Прагу»¹⁵⁵ — и полностью отсутствуют даже упоминание о работе в Воронеже, причем переезд в Прагу датируется 1919 г.¹⁵⁶ Этот «провал памяти» может быть объяснен нежеланием в историографическом труде акцентировать внимание на тяготах гражданской войны и начала эмиграции (опыт которых также объединял И. И. Лаппо и Г. В. Вернадского), тяготах, о которых, наоборот, достаточно подробно говорится в статье В. П. Мякишева.¹⁵⁷

В последней, наряду с подробной научной биографией историка, опирающейся на разнообразные источники,¹⁵⁸ описывается и работа И. И. Лаппо в воронежский период, а также «хождение по мукам», которое он совершает в 1918–1921 гг. на пути в Прагу. В. П. Мякишев предупреждает читателя о необходимости осторожно относиться к сведениям, приводимым Г. В. Вернадским, «с учетом... многочисленных ошибок и неточностей, встречающихся у этого автора при воспроизведении биографии И. И. Лаппо».¹⁵⁹ Однако, утверждение самого В. П. Мякишева о том, что «частный архив И. И. Лаппо погиб в годы второй мировой войны»,¹⁶⁰ находится в противоречии как с его собственным указанием на наличие личного архива ученого в Литве (со ссылкой на исследования литовских историков),¹⁶¹ так и с самим фактом существования фонда И. И. Лаппо в отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы с его автографами и гимназического, и студенческого, и петербургского, и юрьевского периодов, а также письмом из Юрьева, полученным им уже в бытность в Воронеже, и писем, адресованных ему в Новочеркасск (из Ростова) и Софию, автографами пражского и каунасского периодов.¹⁶² Характеризуя увлеченность историка своей темой, В. П. Мякишев пишет: «И. И. Лаппо, во многом, действительно жил давно минувшим, потому что был зачарован своим немодным увлечением, влюблен в славное былое Литовского государства».¹⁶³ Интересно, что современники оценивали это увлечение

¹⁵⁵ *Ibid.*, с. 176.

¹⁵⁶ *Ibid.*, с. 174.

¹⁵⁷ В. П. Мякишев. И. И. Лаппо — ученый с живым чувством исторической действительности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 162–176.

¹⁵⁸ В том числе: История Тартуского университета 1632–1982. Таллин: Периодика, 1982. 279 с. Эрингсон Л. Преподавание истории в Тартуском университете (1802–1918) // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. I. Tartu, 1975. 112–122. В последнем случае имя автора дважды указывается неверно («А. Эрингсон» вместо «Л. Эрингсон» — В. П. Мякишев. С. 173.)

¹⁵⁹ В. П. Мякишев. С. 172.

¹⁶⁰ *Ibid.*, с. 168.

¹⁶¹ *Ibid.*, с. 173.

¹⁶² См. напр.: Отдел рукописей Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 211–5. 7 л. Ф. 211–15. 7 л. Ф. 211–26. 7 л. Ф. 211–32. 2 л. Ф. 211–44. 14 л. и т. д.

¹⁶³ В. П. Мякишев. С. 173.

несколько иначе: в 1902 году, на защите магистерской диссертации И. И. Лаппо, его учитель С. Ф. Платонов счел «необходимым подчеркнуть «модный характер» увлечения своего ученика литовской историей XV–XVI вв. («так сказать модный исторический вопрос»)).¹⁶⁴

В статье В. И. Чеснокова рассматривается участие И. И. Лаппо, назначенного в апреле 1919 г. уполномоченным Главархива в Воронежской губернии, в развитии там архивного дела и характеризуются сложности, с которыми он столкнулся в условиях гражданской войны.¹⁶⁵ В посвященных литовскому периоду жизни И. И. Лаппо статьях¹⁶⁶ с точки зрения настоящей работы особенно существенной является информация о преемственности тем, которые исследовались И. И. Лаппо в разные периоды жизни.

Структура работы

Настоящая работа состоит из введения, обзорной статьи по теме диссертации, серии статей, посвященных тартускому периоду научной деятельности историков, входивших в состав исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. Подготовленные в период докторантуры статьи сгруппированы по кафедрам, которые занимали или при которых были оставлены лица, которым посвящены эти статьи. Первая группа (статьи I–IV) посвящена профессорам всеобщей истории А. Н. Ясинскому, В. Э. Регелю, П. А. Яковенко и приват-доценту М. В. Бречкевичу, которые занимались историей средних веков. Вторая группа (статьи V–IX), охватывает профессоров всеобщей истории П. Н. Ардашева, А. А. Васильева и Е. В. Тарле, которые преподавали историю нового времени, а также занимавшихся историей нового времени магистрантов — доцента Г. А. Замятина и библиотекаря университетской библиотеки А. Т. Расторгуева. Третью группу (статьи X–XI) составляют статьи, посвященные профессорам русской истории Е. Ф. Шмурло и И. И. Лаппо. Диссертацию завершают список источников и использованной литературы, заключение на эстонском языке и *curriculum vitae* автора.

¹⁶⁴ Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 122.

¹⁶⁵ Чесноков В. И. Начало советского архивного строительства в Воронежской губернии // Записки воронежских краеведов. 1987. Вып. 3. С. 67–76.

¹⁶⁶ Ласинскас П. Русские историки-эмигранты в Литве // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 409–447. Lasinskas P. Ivanas Lappo — Vytauto Didžiojo universiteto professorius // Lituania. 1998. № 3 (35). P. 9. Ragauskas A. Istorikas Ivanas Lappo (1869–1944) ir Lietuva // Lietuvis istorijos metraštis. 1993 metai. Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1994. P. 81–90.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Становление исторической науки как профессиональной научной дисциплины одними учеными относится для немецкоязычного мира к периоду после 1848 г., а для остальных стран — после 1870 г.,¹⁶⁷ другие относят этот процесс к десятилетиям между 1880 и 1914 гг.,¹⁶⁸ говорят также о рубеже XIX–XX столетий, причем подчеркивается, что «в этом российская историческая наука вряд ли принципиально отставала от западноевропейской».¹⁶⁹ В любом случае, профессионализация и институционализация исторической науки просходит на протяжении XIX века. В Тартуском/Дерптском/Юрьевском университете в этом процессе можно выделить следующие этапы: 1) 1802–1820 гг., когда в составе философского факультета существовали профессуры, охватывавшие комплекс наук, одна из которых была историей; 2) 1820–1853 гг., когда в составе философского (до 1850 г.) факультета существовала единственная кафедра исторических наук, охватывавшая все исторические дисциплины; 3) 1853–1880, когда на историко-филологическом (с 1850 г.) факультете существовали кафедры всеобщей истории и истории России (положение, зафиксированное уставом 1865 г.); и 4) 1880–1918 гг., когда к имеющимся добавляется вторая кафедра всеобщей истории, и складывается ситуация, когда один профессор всеобщей истории читает средневековую историю, другой — новую.

Первый профессор истории был назначен еще до официального начала работы Тартуского университета — с 10-го декабря 1800 года Фридрих Георг Пёшман (1768–1812) становится ординарным профессором всеобщей истории, статистики и географии и занимает эту кафедру до 1812 г. Параллельно в 1803–1809 гг. ординарным профессором истории, статистики и географии Российского государства, а в особенностях Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской губерний был Адам Христиан Гаспари (1752–1830), оставивший тартуский университет, чтобы продолжить работу в Кёнигсбергском университете. Вслед за ним на кафедру истории, статистики и географии России избирается Иоганн Филипп Густав Эверс (1781–1830), читавший и курсы всеобщей истории,

¹⁶⁷ Iggers G. G. *Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1993. S. 24.

¹⁶⁸ Lutz R. *Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme: Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart*. München: Verlag C. H. Beck, 2003. S. 66.

¹⁶⁹ Ястребицкая А. Л. Историческая наука в Московской Духовной Академии в первые полтора десятилетия XX столетия: организация профессионального преподавания и обучения // *Munuscula: к 80-летию Арона Яковлевича Гуревича / Российская академия наук, Институт всеобщей истории*. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2004. С. 102.

так как кафедра всеобщей истории оставалась незамещенной. По уставу 1820 г. кафедра исторических наук была отделена от кафедры географических и статистических наук, которую занял Эверс, продолжая однако преподавание истории до перехода профессором на юридический факультет с 1826 г. В 1828 г. ординарным профессором исторических наук был избран Фридрих Карл Герман Крузе (1790–1866), который читал все основные курсы всеобщей истории и истории России до 1853 г.

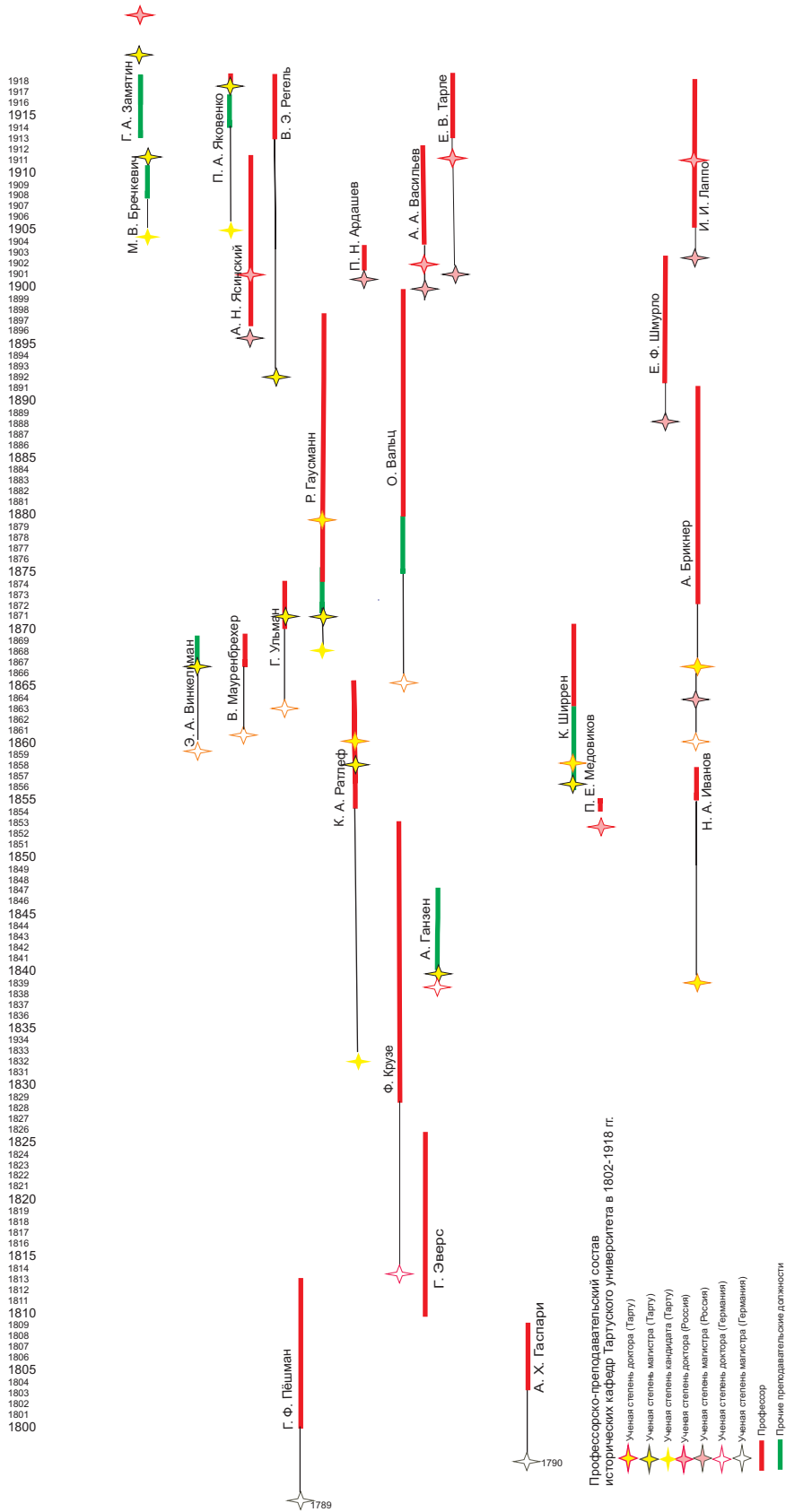
После Крузе уже в составе историко-филологического факультета (философский факультет в 1850 г. был разделен на историко-филологический и физико-математический) к кафедре всеобщей истории в 1853 г. добавилась и кафедра русской истории.

Первым профессором по кафедре русской истории был воспитанник Московского университета Петр Ефимович Медовиков (1816–1855), докторская диссертация которого об историческом значении царствования Алексея Михайловича была защищена им накануне назначения в Дерпт. Профессор Медовиков занимал кафедру в 1854–1855 гг.; к концу учебного года тяжелый недуг прервал его краткую деятельность на этом поприще. В 1856–1859 гг. кафедру русской истории занимал Николай Алексеевич Иванов (1813–1869), воспитанник Казанского университета и Профессорского института в Дерпте, защитивший здесь диссертацию на степень доктора философии в 1839 г. и работавший до назначения в Дерпт в Казанском университете. Следующим профессором русской истории в 1863–1869 гг. был Карл Христиан Герхард Ширрен (1826–1910), преподававший в Тартуском университете с 1856 г. географию, с 1858 г. в должности профессора. Увлечение историей Остзейских губерний позволило ему в 1863 г. перейти на кафедру русской истории (по уставу 1865 г. она стала называться кафедрой истории России). Как сторонник и защитник «особого остзейского порядка» он оказался в конфликте с правительственными кругами: выдержавшая несколько изданий книга *«Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin»*, полемический ответ славянофилам, стала причиной его увольнения приказом министра от 21 мая 1869 г. Свою академическую карьеру Ширрен продолжил в Германии, занимая с 1874 г. кафедру в Кильском университете. Ординарный профессор Александр Брикнер (1834–1896) занимал кафедру истории России в Тартуском университете в 1872–1891 гг. Имея степени доктора философии Гейдельбергского университета (1860) и магистра всеобщей истории Санкт-Петербургского университета, он преподавал в Новороссийском (Одесса) университете с 1867 г. В 1867 же г. он защитил в Тартуском университете диссертацию на степень доктора всеобщей истории, поэтому, когда после увольнения Ширрена кафедра истории России осталась незамещенной, в 1871 г. Брикнер был избран и в 1872 г. утвержден ординарным профессором по этой кафедре. С выходом Брикнера в отставку связано то обстоятельство, что с 3 июня 1891 г. он был номинально назначен ординарным профессором Казанского университета, чтобы можно было

начислить ему более высокую пенсию, так как в университетах, работавших по общеуниверситетскому уставу 1884 г., жалование профессоров было выше, чем в работавшем по собственному уставу 1865 г. Дерптском университете. Вслед за Брикнером кафедру истории России занимали в 1891–1903 гг. профессор Евгений Францевич Шмурло (1853–1934) и в 1905–1918 гг. профессор Иван Иванович Лаппо (1869–1944).

Кафедру всеобщей истории после Фридриха Крузе в 1854–1866 гг. занимал выпускник Тартуского университета (1832) Карл Альберт Ратлеф (1810–1895). В 1867–1869 гг. профессором всеобщей истории был Вильгельм Мауренбрехер (1838–1896), прибывший в Тарту из Боннского университета и работавший после Тарту профессором Кёнигсбергского университета. Параллельно с Вильгельмом Мауренбрехером в 1866–1869 гг. на кафедре всеобщей истории работал доцент Эдуард Август Винкельман, который позднее, в 1869–1873 гг., был профессором Бернского университета, а в 1873–1896 гг. профессором Гейдельбергского университета. Вслед за Вильгельмом Мауренбрехером кафедру всеобщей истории в 1870–1874 гг. занимал профессор Генрих Ульман (1841–1931), с 1874 г. перешедший в Грейфсвальдский университет. Вслед за этим кафедра всеобщей истории перешла в руки Рихарда Гаусманна (1842–1918), воспитанника Тартуского университета, защитившего здесь в 1871 г. магистерскую и в 1880 г. докторскую диссертацию по всеобщей истории, в 1871–1874 гг. доцента и в 1874–1897 гг. профессора всеобщей истории Тартуского университета. По выслуге 25-ти лет службы в 1896 г. он подал в отставку, что обычно связывается с протестом против политики русификации, однако, получив разрешение министра народного просвещения продолжать преподавательскую деятельность, продолжил в Тартуском университете чтение лекций по вспомогательным историческим дисциплинам и, как в свое время Брикнер, номинально был назначен в 1897–1898 гг. ординарным профессором в другой, на этот раз в Новороссийский университет, чтобы можно было начислить ему более высокую пенсию, после чего и вышел в отставку со званием заслуженного профессора и пенсией. Профессор Гаусманн читал лекции по истории средних веков. Следующим профессором истории средних веков в 1896–1911 гг. был Антон(ий) Никитич Ясинский (1864–1933), в 1913–1918 гг. эту кафедру занимал Василий Эдуардович Регель (1857–1932), ставший заслуженным профессором в 1917 г., а в 1918 г. — воспитанник Тартуского университета Петр Александрович Яковенко (1879–1920).

Дальнейшая дифференциация исторической науки требовала и усложнения системы преподаваемых дисциплин, что привело к тому, что еще в то время, когда кафедру всеобщей истории занимал профессор Гаусманн, в 1880 г. учреждается вторая кафедра всеобщей истории — истории нового времени. Профессором всеобщей истории — истории нового времени в 1880 г. стал Отто Эрнст Христиан Вальц (1844–1918), уже с 1875 г. читавший курсы по истории нового времени в Тартуском уни-

Профессорско-преподавательский состав
исторических кафедр Тартуского университета в 1802-1918 гг.

верситете. В Тартуский университет он прибыл из Гейдельбергского университета и в ходе службы здесь занимал должности и декана, и проректора, и и. о. ректора. По выслуге 25-ти лет профессор Вальц оставил службу и вернулся в 1900 г. в Германию. Следующими профессорами по кафедре всеобщей истории — истории нового времени были в 1901–1903 гг. Павел Николаевич Ардашев (1865–1924), в 1904–1912 гг. Александр Александрович Васильев (1867–1953) и в 1913–1918 гг. Евгений Викторович Тарле (1874–1955).

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. на историко-филологическом факультете Тартуского университета, наряду с другими, существовали две кафедры всеобщей истории — истории средних веков и истории нового времени, а также кафедра истории России (название по уставу 1865 г.) или, как её еще часто называли — кафедра русской истории. История древнего мира преподается в этот период на кафедре классической филологии. Из преподавателей исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета только в осеннем семестре 1902 г. по поручению факультета римскую историю читал П. Н. Ардашев, а в 1909–1910 гг. в течение трех семестров историю Древнего Востока, в том числе и историю Древнего Египта, П. А. Яковенко.

В условиях проведения реформы университета и смены языка обучения — немецкого русским — постепенно происходит полное обновление профессорско-преподавательского состава кафедр. Переход преподавания на русский язык обучения происходит на этих кафедрах постепенно в течение десяти лет с 1891 г., когда профессора Брикнера сменяет профессор Шмурло, до 1901 г., когда на кафедру новой истории был избран профессор Ардашев. Исторические кафедры историко-филологического факультета Тартуского университета в это десятилетие замещаются выпускниками Санкт-Петербургского, Московского и Киевского университетов, таким образом здесь были представлены различные исторические школы.

Однако, следует иметь в виду, что в современном науковедении не существует однозначного понимания значения термина «научная школа», хотя он давно и широко применяется в историко-научных исследованиях.¹⁷⁰ Несмотря на неоднократные попытки в науковедческой литературе дать определение этого термина, а также соотнести это понятие с применяемыми в науковедении терминами «течение», «направление» в развитии науки, до сих пор не только отсутствует четкое определение этих понятий, но не выработаны также и единые критерии классификации конкретных фактов истории науки применительно к этим понятиям. В историографии критерием для выделения школы служили как мето-

¹⁷⁰ Бойко Е. С. К типологии научных школ // Социально-психологические проблемы науки. Москва: Наука, 1973. С. 202–203; Trass, H. Koolkondadest teaduses (geobotaanika näitel) // Teaduslugu ja nüüdisaeg. Tallinn, 1982. Lk 4–5.

дические приемы, объединяющие группу историков-исследователей, так и то, что они были учениками и последователями одного крупного ученого, а также то, что они группировались вокруг одного университета.¹⁷¹ Научная школа, носящая имя конкретного университета, может подразделяться в зависимости от того, вокруг какого конкретного ученого или конкретной темы складывается данная группировка ученых. Однако, «время от времени возникают и попадают на первый план историографического внимания иные критерии выделения исторических школ»¹⁷² и эта проблема активно обсуждается в историографической литературе.¹⁷³ Попытка выявить некоторые типологические формы обозначаемых этим понятием научных объединений позволяет выделить следующие значения термина «научная школа»: научно-образовательная школа; школа-исследовательский коллектив; школа как направление. Именно научно-образовательная школа, по своему характеру связанная с деятельностью учебного заведения — высшей школы — университета, создает условия для воспроизводства не только идей, но и научных кадров, существования науки в качестве социально-исторической системы. При этом при использовании этого понятия следует учитывать то значение, которое придавалось данному понятию в исследуемый период: в XIX — начале XX вв. это были научные сообщества, в которых у учителя (иногда это может быть один глава школы, иногда группа ученых) ученики обучались научному творчеству и эти ученики достигали признанных научным сообществом результатов, делали ученую карьеру.¹⁷⁴ Именно активно обсуждаемый в современной историографии антропологический фактор ставит на повестку дня вопрос о том, что «для изучения научных школ XIX в. необходимо, насколько это возможно, всесторонне охарактеризовать не только сами научные сочинения, но и особенности личностей

¹⁷¹ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. Москва: Высшая школа, 1974. С. 10.

¹⁷² Гутнов Д. А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 3. С. 41.

¹⁷³ См., например: Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. С. 7–14. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). Москва: Прометей; Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического университета, 1996. С. 3–16. Михальченко С. И. Киевская школа. Очерки об историках. Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического университета, 1994. С. 59–62.

¹⁷⁴ Ланге К. А. Организация управления научными исследованиями. Ленинград: Наука, 1971. С. 194–195.

историков, входящих в научные школы, чего до сих пор не было сделано в полной мере».¹⁷⁵

Понятие «научная школа» может применяться и в значении, объединяющем все эти отдельные значения, в случае если речь идет о каком-либо мощном, выдающемся по своему охвату явлении науки, таком как, например, петербургская историческая школа.¹⁷⁶

И если для исторических кафедр Юрьевского университета кадры преподавателей в условиях реформы университета и смены профессорско-преподавательского состава первоначально поставляли Петербургский, Московский и Киевский университеты, то решающую роль в этом процессе сыграла именно петербургская историческая школа, воспитанники которой в конце XIX – начале XX вв. один за другим возглавляют исторические кафедры историко-филологического факультета Юрьевского университета.

Первым среди воспитанников петербургской исторической школы кафедру русской истории в рассматриваемый период возглавил Евгений Францевич Шмурло, окончивший курс историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата в 1878 г. Магистр русской истории с 1888 г., ученик академика Константина Николаевича Бестужева-Рюмина — в 1891–1895 гг. Шмурло был экстраординарным профессором, в 1895–1903 гг. исправляющим должность ординарного профессора Тартуского университета. «Е. Ф. Шмурло интересен для нас, прежде всего тем, что он как никто другой из ученых петербургской исторической школы отразил в своем творчестве критико-библиографическое и историографическое направление, так характерное для его учителей К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловского».¹⁷⁷

Вспоминая позднее свое появление в 1891 г. в Дерпте, Е. Ф. Шмурло писал: «При всем том, что с немцами я держал себя отнюдь не как «русификатор», и они это видели и ценили, разница между немецкими идеалами и моими национальными взглядами создавала известное средостение.

¹⁷⁵ Умбрашко К. Б. Научные школы XIX в. в современной историографии // Изучение истории России: наиболее актуальные историографические тенденции. Материалы 33-й Всероссийской заочной научной конференции / Под редакцией С. Н. Полторака. Санкт-Петербург: Нестор, 2004. С. 35.

¹⁷⁶ См.: Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Санкт-Петербург: Наука, 2000. С. 7–106. Ананьич Б. В., Панеях В. М. О петербургской исторической школе и её судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.

¹⁷⁷ Брачев В. С. «Наша университетская школа русских историков» и её судьба. Санкт-Петербург: Стомма, 2001. С. 51.

Общего между нами не оказывалось, хотя к тем русским профессорам, которые проводили «русификацию», я и не принадлежал».¹⁷⁸

Исследовательская деятельность профессора Шмурло связана с работой в российских и зарубежных архивах и разработкой проблематики западноевропейских связей России. От исследований по русской историографии он переходит к исследованию эпохи Петра Великого, рассматривая в то же время вопросы политических и культурных контактов России и Запада и в более широких хронологических границах (охватывая также и XVI–XVII вв.). Поставив перед собой задачу выяснить роль католической Европы в реформах Петра Великого,¹⁷⁹ он совершает главное открытие своей жизни — открытие итальянских архивов для русской истории,¹⁸⁰ документы из которых он публикует и активно вводит в научный оборот. Достижения в этой области получили заслуженное признание, выразившееся в избрании его на должность ученого корреспондента АН в Риме в 1903 г. и члена-корреспондента Петербургской АН в 1911 г.

После отъезда профессора Е. Ф. Шмурло в Рим, кафедра русской истории оставалась вакантной до 13 мая 1905 г., когда на неё был назначен новый профессор магистр русской истории Иван Иванович Лаппо, в 1905–1911 гг. экстраординарный профессор и в 1911–1918 гг. ординарный — после защиты докторской диссертации — профессор Тартуского университета. До переезда в Тарту он был приват-доцентом С.-Петербургского университета. Как и Е. Ф. Шмурло, И. И. Лаппо был воспитанником С.-Петербургского университета, учеником профессора С. Ф. Платонова, который в свою очередь был учеником профессора К. Н. Бестужева-Рюмина и для школы которого были характерны унаследованные им от К. Н. Бестужева-Рюмина национальная, государственно-патриотическая ориентация, ярко выраженный объективизм и ориентация на источниковедческие разыскания, конкретное изучение исторического материала.¹⁸¹ Профессор И. И. Лаппо продолжил в Тарту начатые им уже в Петербурге исследования по истории Великого княжества Литовского, преимущественно в XVI в. В 1918 г. вместе с университетом он эвакуировался в Воронеж и в условиях гражданской войны оказался в эмиграции, сначала в Праге, затем в Каунасе.

¹⁷⁸ ГАРФ. 5965–1–8. Лл. 24–25. В машинописном оригинале на л. 25 стоит «которых не проводили русификацию».

¹⁷⁹ Беляев С. А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи творчества) // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. Москва: Наука, 2003. С. 151.

¹⁸⁰ Саханеев В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская — Нарва, 1937. С. 35–36, 47–49, 52–58, 63.

¹⁸¹ Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. С. 102.

Отдельным вопросам истории России посвящали свои труды и некоторые из профессоров юридического факультета, работавших в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. Это можно объяснить тем, что в этот период «устанавливается более непосредственная связь между историей (читай — исторической наукой — Л. Д.) и смежными дисциплинами. История и языкознание, история и литература, история и право развиваются в тесном взаимодействии. В историческое изучение все полнее вовлекаются новые стороны исторической действительности. Сочетание и своеобразный синтез разных направлений исторического изучения характеризует наиболее крупных представителей исторической науки этого периода: история и языкознание сочетаются в работе А. А. Шахматова, история и археология у Ю. В. Готье, история и историческая география у М. К. Любавского, история и право у А. Е. Преснякова.

Связь с историческим изучением оказала положительное влияние на разработку этих смежных дисциплин, усиливая и в них элемент историзма, внимание к общим процессам исторического развития. Непосредственно на базе этого взаимодействия развивается история права с заметным уклоном в сторону общей истории (например, М. А. Дяконов), или история литературы, переходящая в общую историю культуры».¹⁸²

Выпускником юридического факультета Петербургского университета был профессор истории русского права Михаил Александрович Дяконов (1855–1919), в 1889–1900 экстраординарный, в 1901–1904 гг. ординарный профессор Юрьевского (Дерптского) университета. Тесная дружба, восходящая еще к Петербургскому университету и «кружку русских историков», в который входили оба ученых,¹⁸³ связывала его с Е. Ф. Шмурло. Ученик представителя государственной школы В. И. Сергеевича и крупнейший специалист по истории управления и финансовой истории Московского государства, в своих исследованиях юрьевского периода М. А. Дяконов, однако, обратился к истории крестьянства и его постепенного закрепощения, придерживаясь при этом концепции В. О. Ключевского, согласно которой последнее проходило без специального юридического оформления. Подготовленные им в юрьевский период «Очерки государственного и общественного строя Древней Руси» имели большой успех и неоднократно переиздавались. «Этот исторический обзор сделался необходимым пособием и для преподавателей, и для студентов, и для всех

¹⁸² Рубинштейн Н. Л. Русская историография. Москва: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. С. 490.

¹⁸³ Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. Москва: Наука, 1990. С. 225; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. Т. 2. Санкт-Петербург, 1896. С. 348; Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. С. 65; Цамутали А. Н. Борьба направлений... С. 78.

серьезно интересующихся историей русского государства и общества».¹⁸⁴ Избранный в 1905 г. адъюнктом Академии наук, М. А. Дьяконов покинул Юрьев. В 1912 г. он был избран ординарным академиком Академии наук. Интересно отметить, что, когда М. А. Дьяконов покинул Юрьев и кафедра истории русского права осталась вакантной, историю русского права весной 1907 г. читал профессор И. И. Лаппо.¹⁸⁵

В 1908–1917 гг. профессором истории русского права в Юрьевском университете был Федор Михайлович Тарановский, выпускник Варшавского университета, представитель Киевской школы истории западно-русского права.¹⁸⁶ „Исторические сочинения Тарановского производят впечатление глав подготавливавшегося большого труда. Они, в свою очередь, могут быть подразделены на, во-первых, труды по истории права Древней Руси и Московского государства и, во-вторых, работы по истории России XVIII века».¹⁸⁷ С 1917 г. Ф. М. Тарановский перешел на работу в Петроградский университет.

К проблемам русской истории обращался в своих работах также профессор кафедры государственного права, питомец московского университета Александр Никитич Филиппов (1853–1927), в период работы в Тарту в 1892–1903 гг. занимавшийся исследованием истории высших государственных органов в 1730-е гг., а также публикацией бумаг Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. В 1903 г. он вернулся в Московский университет, а в 1914 г. был избран членом-корреспондентом Российской АН.

Если на протяжении рассматриваемого периода кафедру русской истории занимали исключительно воспитанники петербургской исторической школы, то из кафедр всеобщей истории — истории средних веков и истории нового времени, — первая из них, истории средних веков, находилась в руках воспитанников петербургской исторической школы самое короткое время, с 1913 по 1918 гг., кафедра же новой истории переходит в руки воспитанников Петербургского университета значительно раньше, уже в 1904 г.

В 1896–1911 г. кафедру истории средних веков возглавлял выпускник Киевского университета Антон(ий) Никитич Ясинский (1864–1933), сменивший на ней профессора Рихарда Гаусманна. В тартуский период (1896–1911) профессор Ясинский занимался исследованием истории раннего средневековья Чехии. 19 сентября 1901 г. А. Н. Ясинский защитил в Киевском университете докторскую диссертацию «Очерки и исследо-

¹⁸⁴ Вернадский Г. Русская историография. Москва: Аграф, 1998. С. 257.

¹⁸⁵ Обозрение лекций... 1907 г. I семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1907. С. 10.

¹⁸⁶ Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). Москва: Прометей; Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического университета, 1996. С. 13–15, 134–135.

¹⁸⁷ *Ibid.*, с. 135.

вания по социальной и экономической истории Чехии в средние века». В результате глубокого исследования источников он доказывал несостоятельность утверждения о рабовладельческой формации в Чехии, выступал против переоценки значения германской колонизации, против теории о полной германизации чешских правовых институтов. Ясинский широко применял сравнительно-исторический метод, доказывая, что развитие Чехии проходило теми же путями, что и развитие других стран Европы. Он был крупнейшим русским специалистом по истории Чехии. Его труды явились ценным вкладом в историографию средних веков и медиевистики вообще. 1 января 1902 г. он был избран членом-корреспондентом Королевского Чешского Общества наук, а 7 августа 1907 г. — действительным членом Пражской АН.

После назначения профессора А. Н. Ясинского в 1911 г. на должность директора Педагогического института им. Шелапутина в Москве, профессура по истории средних веков остается вакантной до 1913 г. Своим преемником профессор А. Н. Ясинский видел своего ученика приват-доцента Тартуского университета Митрофана Васильевича Бречкевича, заканчивавшего в это время свою посвященную истории балтийских славян диссертацию за границей (защищена в 1912 г.: «Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья»).

Однако по конкурсу в декабре 1912 г. профессором истории средних веков избирается воспитанник Петербургского университета Василий Эдуардович Регель (1856–1932). Ученик выдающегося византиниста Василия Григорьевича Васильевского и редактор всемирно известного журнала «Византийский временник», Регель и в Тарту, несмотря на трудности военного времени — идет первая мировая война, приступает к изданию нового журнала «Византийское обозрение». Профессор В. Э. Регель занимал кафедру истории средних веков вплоть до эвакуации университета в Воронеж в 1918 г., где он в 1918–1925 гг. стал первым ректором нового Воронежского университета, но закончил свои дни также в эмиграции в Каунасе.

В 1901–1903 гг. кафедру всеобщей истории — истории нового времени возглавлял выпускник Московского университета Павел Николаевич Ардашев (1865–1924), до этого приват-доцент Петербургского и Новороссийского (Одесса) университетов. Областью его научных интересов были исследования по истории старого порядка во Франции. П. Н. Ардашев был одним из представителей правого крыла «русской исторической школы», в духе которой уже в Киеве им была воспитана целая плеяда учеников.¹⁸⁸ В 1902 г. он побеждает в конкурсе на место профессора всеобщей истории в Киевском университете, где и продолжает свою работу с осени 1903 г.

¹⁸⁸ Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Луцицкий, М. М. Ковалевский. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный технический университет, 1997. С. 92–93.

С 1904 г. ординарным профессором новой истории в Тартуском университете становится доктор всеобщей истории Александр Александрович Васильев, воспитанник Петербургского университета, также ученик В. Г. Васильевского, уже тогда известный византист и арабист, в будущем же — родоначальник византиноведения в США. Занятия новой историей тяготили его: он просил перевести его на кафедру истории средних веков, когда она стала вакантной в 1911 г. (просьба не была удовлетворена). Работая в Тарту, он одновременно преподавал историю средних веков в Женском Педагогическом институте в Петербурге, где в 1912 г., покинув Тарту, он стал ординарным профессором и деканом этого педагогического института. Своим преемником в Тарту он пожелал видеть Евгения Викторовича Тарле, в то время приват-доцента С.-Петербургского университета, где Тарле защитил и свою докторскую диссертацию («Рабочий класс во Франции в эпоху революции», 1911) и «стал органической частью петербургской исторической школы»¹⁸⁹ (он был выпускником Киевского университета).

Конкурс на место профессора всеобщей истории Юрьевского университета, в котором принял участие Е. В. Тарле, был чрезвычайно напряженным и проходил в острой борьбе, как на факультете, так и в Совете университета. Кроме Е. В. Тарле в нем приняли участие член-корреспондент Петербургской АН магистр всеобщей истории В. Э. Регель, магистр всеобщей истории приват-доцент Тартуского университета М. В. Бречкевич и магистр всеобщей истории П. В. Безобразов, также вышедший из аудитории В. Г. Васильевского.¹⁹⁰ Ни один из кандидатов не получил во время голосования на факультете необходимого большинства голосов, так что голосование было перенесено в Совет университета, где 7 декабря 1912 года двадцатью голосами «за» и двенадцатью «против» на место профессора всеобщей истории был избран доктор всеобщей истории Е. В. Тарле. Вторую профессуру по кафедре всеобщей истории с осени 1913 г. занял В. Э. Регель. Приват-доцент М. В. Бречкевич еще до этого был избран исправляющим должность экстраординарного профессора Казанского университета и приказом министра просвещения от 23 июня 1913 г. был утвержден в этой должности.

В тартуский период Е. В. Тарле устроил жизнь по примеру своего предшественника А. А. Васильева: он сохранил тесные связи с Петербургом. Но если профессор Васильев ездил в Петербург из Юрьева, уделяя основное время работе в Тарту, то профессор Тарле приезжал из Петербурга в Юрьев на два дня: лекции его были назначены на пятницу и субботу, приемные часы — в дни лекций, что позволяло ему поначалу

¹⁸⁹ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин», 1995. С. 108.

¹⁹⁰ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 37.

большую часть времени проводить в Петербурге. Позднее, в годы революции, он обоснуется в Тарту более основательно, но не последует за Тартуским университетом в эвакуацию и вернется в Петроград в 1918 г.

Путь в науку доцента кафедры новой истории Г. А. Замятина также находился под влиянием петербургской исторической школы. Прочувшись в 1902–1905 гг. на историко-филологическом факультете Юрьевского университета, он с 1906 гг. становится студентом Петербургского университета, в котором занимается под руководством С. Ф. Платонова, влияние которого заметно и в выборе темы — русско-шведские отношения в начале XVII в. — магистерской диссертации Г. А. Замятина. Магистрант же кафедры новой истории А. Т. Расторгуев, ученик А. Г. Брикнера, Р. Гаусманна и О. Вальтца олицетворял собой феномен преемственности дореформенного Дерптского и пореформенного Юрьевского университета.

Таким образом, если в начале рассматриваемого периода, кафедры истории Юрьевского университета возглавляли воспитанники Петербургского, Московского и Киевского университетов, то в конце рассматриваемого периода исторические кафедры Тартуского университета были заняты именно представителями петербургской исторической школы. Решающую роль в том, что в составе профессуры исторических кафедр в рассматриваемый период доминируют представители петербургской исторической школы сыграли её высокий научный авторитет и блестящая подготовка, полученная её воспитанниками, свою роль сыграли географическая близость, быстрота и удобство сообщения, а также интенсивные научные контакты с Петербургом работавших в Тартуском университете воспитанников петербургской исторической школы.

Отличающий её конкретный историзм, ориентация на факт и источник и филигранные методы источниковедческого исследования¹⁹¹ были характерны и для её представителей, работавших в Тарту, значительное внимание уделявших публикации источников и издававших, в том числе и в Тарту, сборники исторических документов — и восприняты их тартускими учениками, которые постепенно появляются среди преподавателей-историков Тартуского университета и только в конце рассматриваемого периода получают возможность занятия кафедры — П. А. Яковенко.

И здесь необходимо напомнить, что «родоначальником целого научного направления, за которым в последующем закрепилось название "петербургской исторической школы" по праву считается Михаил Семенович Куторга»,¹⁹² в свое время (1828–1832) обучавшийся в Профессорском институте Дерптского университета¹⁹³ — таким образом, круг замкнулся.

¹⁹¹ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 108.

¹⁹² Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 10.

С точки зрения формирования в Тартуском университете исторической школы в начале XX в. критический момент наступает в 1913 г., когда возникает возможность, что выпускник *alma mater* Бречкевич займет кафедру в своем университете — существенный момент в процессе становления научной школы. В Тартуском университете он мог бы стать преемником своего учителя в исследованиях по истории западных славян, однако, не пройдя по конкурсу, в дальнейшем продолжил свою академическую деятельность в качестве профессора сначала в Казанском, позднее же в Киевском университете. Близкое соседство мощной научной школы — петербургской исторической школы — оказывает подавляющее воздействие на становление местной научной школы. И только 8 марта 1918 г. Совет университета утверждает избрание магистра всеобщей истории доцента П. А. Яковенко на должность внештатного экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории, т. е. выпускник *alma mater* занимает кафедру в своем университете, что представляет собой существенный момент в процессе становления научно-образовательной школы. Однако впереди была эвакуация университета в Воронеж, которая производилась двумя поездами 17 июля и 31 августа 1918 г. До этого отметим еще два момента: 18 марта 1918 г. в заседании историко-филологического факультета доценту кафедры всеобщей истории Герману Андреевичу Замятину было дано разрешение представить диссертацию в рукописном виде, так как в тот момент отсутствовала техническая возможность её напечатать: еще 23 февраля 1918 г. Тарту был занят немцами, все это происходит в оккупированном городе. Тогда же факультет принимает решение о предоставлении профессорской стипендии византисту Михаилу Яковлевичу Сюзюмову, в будущем доктору исторических наук, профессору Уральского университета.

Эвакуация Юрьевского университета и общественно-политические катаклизмы — революция, оккупация, гражданская война, изменение политической карты — не позволили реализоваться потенциалу находившейся в процессе становления научно-образовательной школы. Ни в Воронежском университете, где в условиях гражданской войны и репрессий в дальнейшем просто не осталось её представителей, ни в Тарту, где в условиях Эстонской Республики развивался национальный университет, и шло становление национальной исторической школы,¹⁹⁴ не было условий

Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Гл. 3 Формирование преемственных научных школ в первые две трети XIX в. 4. Университетская наука об античности. М.С.Куторга и его школа // <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/frolov/frol0013.htm> (2006–06–12)

¹⁹³ Мадиссон Ю. Молодой Куторга // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 43. Тарту, 1956. С. 3–39.

¹⁹⁴ Rosenberg, T. Professor Arno Rafael Cederberg — Eesti ajaloo uurimise koolkonna rajaja Tartu Ülikoolis // Ajalooline Ajakiri. 1999. Nr 2 (105). Lk 79–80.

для её дальнейшего развития. Но существование её не прошло бесследно: в её рамках получили свою подготовку ученые, оставившие заметный след в исторической науке: П. А. Яковенко, Г. С. Замятин, М. Я. Сюзюмов, а также такие видные эстонские историки как академик Хендрик Сепп, доцент Август Сильдник, свой след она оставила и на пути в науку академика Ханса Крууса, профессора Пеэтера Тарвеля, для которых роль пройденной ими школы требует специального рассмотрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для исторической науки характерно повышенное внимание к своей собственной истории. И если в настоящее время в круг тем и аспектов историографического анализа предлагается включить и пространственное измерение русской исторической науки, «взаимоотношения её «московского», «петербургского», «киевского», «казанского», «новороссийского», «сибирского» и др. топосов»,¹⁹⁵ то настоящая работа представляет собой попытку исследования «тартуского/юрьевского» топоса.

Хронологические рамки развития истории исторической науки в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв., рассматриваемой в настоящей работе, определены факторами, внешними по отношению к развитию исторической науки в целом. Ситуация, в которой развивалась историческая наука в Тартуском университете в этот период была создана административными методами — университетская реформа 1889–1895 гг. и как следствие её обновление профессорско-преподавательского состава исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв., — и прервана административными методами — эвакуация университета в 1918 г. в условиях германской оккупации.

Структура исторических кафедр историко-филологического факультета Тартуского университета в конце XIX – начале XX вв. по сравнению с предыдущим периодом не менялась: по-прежнему сохранялись две кафедры всеобщей истории — истории средних веков и истории нового времени, — и кафедра истории России. Новшеством было только появление, после четвертьвекового перерыва, на кафедрах всеобщей истории приват-доцентов и доцентов, число которых не было постоянным и менялось в зависимости от обстоятельств. Значение юрьевского периода для работавших здесь историков было разным: для одних — П. А. Яковенко — это было дело всей жизни, для других — А. Н. Ясинский — самая значительная её часть, для третьих — П. Н. Ардашев, Е. В. Тарле — один из эпизодов их жизни. Однако ни для кого этот период не прошел незамеченным, в жизни всех их он оставил более или менее значительный след. В рассматриваемый период на исторических кафедрах историко-филологического факультета Тартуского университета работали выпускники Петербургского, Киевского, Московского, а также и самого Тартуского университетов. Из Тартуского университета, в зависимости от обстоятельств, некоторые из них переходили в высшие учебные заведения Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Казани. Петербургская историческая

¹⁹⁵ Беленький И. Л. Отечественная историческая наука XIX–XX вв. как проблема социологии знания. (Предварительные заметки.) // *Ad fontem* / У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова / Институт всеобщей истории. Москва: Наука, 2005. С. 443.

школа была представлена на исторических кафедрах историко-филологического факультета Тартуского университета в течение всего рассматриваемого периода, причем к концу его представители этой школы были здесь в большинстве. На протяжении всего периода здесь велись активные исторические исследования в разных областях исторической науки, публиковались исторические источники, издавалась историческая периодика и велась подготовка исторических кадров. Этот процесс нес в себе значительный потенциал и для дальнейшего развития, о чем свидетельствует послереволюционная судьба его участников — и преподавателей, и студентов-историков. И здесь уместно упомянуть, что «одно из следствий общего поворота научного мышления состоит в том, что историка начинают интересовать события не сами по себе, а на фоне поля нереализованных возможностей. Непройдённые дороги для историка такая же реальность, как и пройденные. А то, что вызвало реализацию одних из них и нереализацию других <...> делается историческим фактом. Но, конечно, на одно из первых мест выдвигается мысль о том, что в сфере истории момент флуктуации осуществляется человеком в зависимости от его понимания мира, принадлежности к культурной традиции, включённости в комплекс общественной семиотики. Клио предстаёт не пассажиром в вагоне, катящемся по рельсам от одного пункта к другому, а странницей, идущей от перекрёстка к перекрёстку и в ы б и р а ю щ е й путь».¹⁹⁶

Историкам, работавшим в Юрьевском университете и эвакуировавшимся в 1918 г., и в дальнейшем выбирать приходилось неоднократно. Для некоторых из них этот выбор означал эмиграцию. В том числе и к ним относится вывод о том, что «нужно отдать должное, и к этому склоняется большинство исследователей вопроса, в лице историков-эмигрантов первой половины XX столетия дореволюционная российская историческая наука выдержала экзамен на предмет профессиональной пригодности. Русским профессорам-эмигрантам удалось отстоять свои имена не только в американской, но и мировой науке.»¹⁹⁷ Однако если «русские историки-эмигранты внесли огромный вклад в европейскую и американскую историографию, эмигранты внутренние своей школой утверждали сохранение традиций научности и объективности в исследовательской деятельности в условиях господства марксистской историографии. Свое кредо — отношение к истории как к науке, стремящейся к независимости от

¹⁹⁶ Лотман Ю. М. Клио на распутье // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. С. 285.

¹⁹⁷ Петров Е. В. Историческая наука российской эмиграции в США в первой половине XX века: историография проблемы // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2002. Вып. 4. С. 196.

политики и идеологии — обе ветви поколения «буржуазных» профессоров старались передать своим ученикам».¹⁹⁸

И те, и другие, преодолев хождения по мукам революции, гражданской войны, эмиграции или репрессий, в которых они тем не менее сохранили верность профессиональной деятельности, для будущих поколений исследователей стали продолжателями традиций дореволюционной исторической науки.

¹⁹⁸ Сидорова Л. А. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки. Историографический вестник. Москва: Наука, 2003. С. 188.

СТАТЬИ

Становление ученого: М. В. Бречкевич в Тартуском университете в начале XX века¹

Л. В. Дубьева

Приём в Тартуский (с 1893 г. Юрьевский) университет выпускников духовных семинарий был разрешен с 1897 г.² Это постановление кардинально изменило состав тартуского студенчества, среди которого некоторое время бывшие семинаристы даже преобладали до тех пор, пока в 1905 г. был разрешен приём семинаристов во все университеты. Однако это постановление дало возможность кардинально изменить свою судьбу и самим выпускникам духовных семинарий. Такой возможностью поспешил воспользоваться и будущий историк-славист, профессор Казанского и Киевского университетов Митрофан Васильевич Бречкевич (1870–1963). Тогда же, в 1897 г., он, к тому времени уже 27-летний выпускник Волынской духовной семинарии, с 1890 г. после её окончания подвизавшийся на педагогической работе в системе духовных учебных заведений, поступает на историко-филологический факультет Юрьевского университета.

Митрофан Васильевич Бречкевич родился 4 июня 1870 г. в селе Бакот Кременецкого уезда Волынской губернии в семье священника. Он рано потерял отца, но сумел пройти традиционный для представителей духовного сословия путь образования. Судя по формулярному списку о его службе,³ после окончания Волынской духовной семинарии, он в течение года работал учителем образцовой церковно-приходской школы при Волынской духовной семинарии, а затем надзирателем за учениками в Елизаветградском духовном училище. В 1897 г., в связи с поступлением в университет, в училище ему была выдана в высшей степени положительная характеристика, подписанная смотрителем училища священником Константином Бречкевичем.⁴ Не имея данных о родственных отношениях того, кто давал характеристику и характеризуемого, опираясь только на сходство имен, можем, тем не менее, высказать предположение, что для Митрофана Бречкевича поступление в Юрьевский университет означало не только смену внешней среды обитания, переезд на север, в одну из Остзейских губерний, но и смену жизненных ориентиров, на которые его программировала среда происхождения — духовное сословие. Поступле-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта GFLAJ 5810.

² Tartu ülikooli ajalugu. Tallinn: Eesti Raamat, 1982. Kd. 2. 1798–1918. Lk 278–279.

³ ИАЭ. 402-3-174. Л. 13–14.

⁴ *Ibid.*, л. 21.

ние в университет расширяло для него возможности светской карьеры, на которую он был нацелен, судя по тому, что он не принял священнического сана и уже в течение ряда лет занимался педагогической деятельностью.

На историко-филологическом факультете Юрьевского университета, куда поступил Бречкевич, в период его обучения историческая наука была представлена такими выдающимися учеными, как профессор А. Н. Ясинский (преподавал историю средних веков в 1896–1911 гг.), профессор Е. Ф. Шмурло (преподавал историю России в 1891–1903 гг.), профессор О. Э. Х. Вальц (преподавал историю нового времени в 1875–1900 гг.), профессор М. Н. Крашенинников (преподавал в 1896–1918 гг. классическую филологию, а также историю древнего мира). У профессора Ясинского Бречкевич в 1900 г. слушал общий курс истории средних веков, курсы латинской дипломатики и палеографии, а также спецкурс по истории Франции при первых Капетингах, и участвовал в практических занятиях.⁵ Профессор О. Э. Х. Вальц в 1900 г. закончил свою педагогическую работу и по выслуге 25 лет вышел на пенсию и вернулся в Германию. Бречкевич слушал его лекции по истории Европы и участвовал в проводимых им практических занятиях в последний год работы профессора Вальца в Юрьевском университете в осеннем семестре 1899 и был записан на его курс в весеннем семестре 1900 гг.,⁶ однако «с 7-го февраля 1900 г. проф. Вальц оставил службу в Юрьевском университете».⁷ Занимался Бречкевич и у профессора Шмурло,⁸ но особенно активно, из года в год, посещал он разнообразные курсы профессора Крашенинникова, в том числе спецкурсы по Геродоту, Фукидиду и Тациту.⁹ Слушал он и курсы тогдашнего ректора университета и известного слависта А. С. Будиловича «Введение в славянскую филологию» и «Обзор славянской истории».¹⁰

Историко-филологический факультет Юрьевского университета М. В. Бречкевич закончил со степенью кандидата истории,¹¹ которая была присуждена ему 16 ноября 1901 г.¹² Его исследовательский талант был

⁵ ИАЭ. 402-4-1266. Л. 56; 402-4-1267. Л. 44.

⁶ ИАЭ. 402-4-1254. Л. 75; 402-4-1266. Л. 51.

⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (бывшего Дерптского) университета за сто лет его существования (1802–1902). Под ред. Г. В. Левицкого. Т. 2. Юрьев, 1903. С. 401.

⁸ ИАЭ. 402-4-1253. Л. 81.

⁹ ИАЭ. 402-4-1240. Л. 75; 402-4-1241. Л. 79; 402-4-1253. Л. 79; 402-4-1267. Л. 43; 402-4-1279. Л. 43.

¹⁰ ИАЭ. 402-4-1230. Л. 67; 402-4-1266. Л. 52.

¹¹ Хотя по университетскому уставу 1884 г. ученая степень «кандидат» была упразднена, в Варшавском и Юрьевском (где действовал собственный устав 1865 г.) университетах она сохранилась. См. Иванов А. Е. Ученые степени Российской империи XVIII в. — 1917. Москва: Институт Российской истории, 1994. С. 42–43.

¹² ИАЭ. 402-3-174. Л. 35.

замечен уже в студенческие годы: работа Бречкевича «Опыт исследования истории славянского государства в Восточной Померании» была отмечена золотой медалью сенатора фон Брадке.

По рекомендации профессора Ясинского, под руководством которого Бречкевич специализировался по истории западных славян в средние века, последний был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. В своей рекомендации профессор Ясинский указывал, что Бречкевич «принадлежит к числу тех молодых людей, которые в силу природной склонности и влияния университетской среды решились посвятить свою жизнь изучению науки».¹³ Одновременно профессор Ясинский ходатайствует о предоставлении Бречкевичу стипендии. Бречкевич, который в процессе учебы в университете также неоднократно пользовался различными платежными льготами,¹⁴ стипендию получил: она была предоставлена ему с 1 января 1902 г. по 1 января 1904 г.¹⁵

В этот период он сдает магистерские экзамены и успешно занимается историей поморских славян. Его занятия и отчеты по ним получают в высшей степени одобрительные отзывы профессора Ясинского.¹⁶ Первый печатный труд — статью «Святополк, князь Поморский», — Бречкевич опубликовал в 1902 г. в «Сборнике Учено-литературного общества Императорского Юрьевского университета».¹⁷ В собственноручном отзыве профессор Ясинский пишет, что этот труд «является плодом внимательного изучения литературы и источников истории Восточного Поморского княжества и свидетельствует о талантливости автора».¹⁸

Осенью 1903 г., когда срок, предназначенный для приготовления к профессорскому званию, заканчивался, профессор Ясинский рекомендует предоставить Бречкевичу для завершения магистерской диссертации заграничную командировку для работы в библиотеках и архивах Северной Германии,¹⁹ однако на это ходатайство последовал отказ:²⁰ началась

¹³ *Ibid.*, л. 29.

¹⁴ ИАЭ. 402-5-1490. Л. 29; 402-5-1447. Л. 15, 272; 402-5-1295. Л. 461.

¹⁵ ИАЭ. 402-1-3202. Л. 120.

¹⁶ ИАЭ. 402-3-174. Л. 62, 93, 109.

¹⁷ Бречкевич М. В. Святополк, князь Поморский // Сборник Учено — литературного общества при Императорском Юрьевском Университете. Т. V. 1902. С. 123–154.

¹⁸ ИАЭ. 402-3-174. Л. 62об. Этот фрагмент как отзыв факультета опубликован в статье: Лаптева Л. П. М. В. Бречкевич как представитель позитивизма в русском славяноведении первой четверти XX в. // Славяноведение. 1995. № 1. С. 5. Приведенная в статье ссылка на лист 6 неверна, должна быть л. 62об. (Л. 6 этого дела содержит аттестат воспитанника Волынской семинарии Бречкевича.)

¹⁹ ИАЭ. 402-3-174. Л. 93; 402-1-3202. Л. 26.

²⁰ ИАЭ. 402-3-174. Л. 94; 402-1-3202. Л. 37–38.

русско-японская война и финансовое положение страны было затруднительным.²¹

И с 1904 г. Бречкевич возвращается к педагогической деятельности — он становится учителем Юрьевского реального училища: 5 апреля 1904 г. он допущен к пробным урокам,²² а 24 апреля 1905 г. датировано свидетельство о предоставлении ему звания учителя гимназии и прогимназии с правом преподавать историю.²³ В должности учителя истории Юрьевского реального училища он остается до 1 августа 1911 г., когда увольняется оттуда в связи с отъездом в заграничную командировку.²⁴

Параллельно Бречкевич продолжает работу над диссертацией и издает отдельной книгой её часть под заглавием «Первые поморские монастыри»,²⁵ которая была основана на глубоком исследовании большого количества источников. В рецензии на эту книгу А. А. Васильев²⁶ высказал пожелание, «чтобы в последующих трудах он критически относился к источникам и был более самостоятельным работником, чем в своем настоящем начальном труде»,²⁷ так как он находится в сильной зависимости от немецких авторов и не привлекает русской литературы вопроса. Тем не менее, рецензент положительно оценивает выбор темы, до сих пор не изученной, а также внимательное и детальное, более детальное, чем у немецких авторов, изучение текстов источников. Исследователь творчества Бречкевича А. Е. Москаленко позднее находил, что «Васильев не отметил главной тенденции в труде Бречкевича, правда, не очень ярко проявляющейся. Бречкевич хотел показать в противовес некоторым немецким ученым, выпячивающим якобы благотворное влияние немецкого духовенства на жизнь поморского славянства, что «монастыри XII века, оставаясь все время чуждыми для поморского населения и обособленными от него, явились... предвестниками и пионерами германизации Поморья» (стр. 47).²⁸ В этом выводе и заключается положитель-

²¹ Лаптева Л. П. С. 5.

²² ИАЭ. 402-3-174. Л. 125.

²³ *Ibid.*, л. 162.

²⁴ *Ibid.*, л. 270, 392об.

²⁵ Бречкевич М. В. Первые поморские монастыри. Очерк из истории Балтийского Поморья в XII в. Юрьев, 1905. 47 с.

²⁶ Васильев А. А. [Рец.] М. Бречкевич. Первые поморские монастыри. Очерк из истории Балтийского Поморья в XII в. Юрьев. 1905, 47 стр. 8° (с приложением карты.) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. IV. 1906. Июль. С. 175–179.

²⁷ *Ibid.*, с. 179.

²⁸ М. Бречкевич. Первые поморские монастыри. С. 47.

ное значение труда Бречкевича».²⁹ Излишнюю суровость рецензии А. А. Васильева отмечает и Л. П. Лаптева.³⁰

Работу «Первые поморские монастыри» Бречкевич представил историко-филологическому факультету в качестве диссертации *pro venia legendi*.³¹ Опираясь на отзыв профессора Ясинского, факультет признал эту работу удовлетворительной и назначил официальными оппонентами профессоров Ясинского и Васильева.³² Защита состоялась 13 декабря 1905 г.,³³ а 16 декабря 1905 г. М. Бречкевич подает прошение о зачислении его в приват-доценты всеобщей истории. Факультет удовлетворил это ходатайство, причем согласно произведенной баллотировке избирательных шаров оказалось 8, неизбирательных – 0.³⁴ И с 6 марта 1906 г. Советом университета М. В. Бречкевич был допущен к должности приват-доцента всеобщей истории.³⁵

Вступительная лекция приват-доцента М. В. Бречкевича в университете на тему «О религии балтийских славян» состоялась 29 сентября 1906 г.³⁶ На курс по истории славян, который читал Бречкевич в осеннем семестре 1906 г., было записано 28 студентов.³⁷ В дальнейшем число зарегистрированных на лекции Бречкевича студентов колебалось, доходя до 93 человек в весеннем семестре 1911 г., последнем, когда он читал лекции в Юрьевском университете. В разные годы название курса могло уточняться, например, «История славян», «История Польши», «История Чехии», «История балтийских славян», «История балканских славян», «История южных славян».³⁸ Это разнообразие названий курсов еще раз подчеркивает, что, как было подмечено исследовавшей его вклад в славяноведение Л. П. Лаптевой, «Бречкевич не видит возможности создания некоей общей истории славян и считает, что для «более совершенного» научного постижения славянских «ветвей» необходимо изучение истории каждого славянского народа и сопоставление её с развитием остальных славянских народов».³⁹

²⁹ Москаленко А. Е. М. В. Бречкевич (1870–1963) и его работы по истории поморских славян // Славянский сборник / Под. ред. А. И. Озолина. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972. С. 104.

³⁰ Лаптева Л. П. С. 6.

³¹ ИАЭ. 402-9-540. Л. 229об.–230.

³² ИАЭ. 402-9-540. Л. 245об., 246.

³³ ИАЭ. 402-3-174. Л. 121.

³⁴ ИАЭ. 402-9-542. Л. 2об–3.

³⁵ *Ibid.*, л. 9об.

³⁶ ИАЭ. 402-3-174. Л. 163–164.

³⁷ ИАЭ. 402-4-1357. Л. 38об.

³⁸ ИАЭ. 402-4-1360. Л. 52об.; 402-4-1370. Л. 52об.; 402-4-1410. Л. 57об.; 402-4-1411. Л. 61об.; 402-4-1419. Л. 60об.; 402-4-1420. Л. 43об.; 402-4-1434. Л. 65об.; 402-4-1435. Л. 54об., 56об.; 402-4-1447. Л. 95об.

³⁹ Лаптева Л. П. С. 10.

Среди студентов М. В. Бречкевича в 1909–1910 гг. был будущий доцент Тартуского университета Август Сильдник.⁴⁰ Осенью 1909 г. его лекции по «Истории западной церкви» слушал будущий академик АН Эстонии профессор Хендрик Сепп.⁴¹ Чтение лекций в Юрьевском университете приват-доцент М. В. Бречкевич закончил в весеннем семестре 1911 г., так как летом 1911 г. он получил заграничную командировку, и больше к чтению лекций в Юрьевском университете уже не возвращался.

Все это время М. В. Бречкевич продолжает работу над своей магистерской диссертацией, продолжая публиковать её по частям. Так, 17 мая 1910 г. он обращается в историко-филологический факультет с прошением о напечатании в Ученых Записках университета его работы «Очерки и исследования по социальной и государственной истории княжества Славии», которое факультет удовлетворяет.⁴² Эта работа под уточненным заглавием, и была напечатана, причем в личном деле М. В. Бречкевича вместе с напечатанной работой⁴³ сохранилась и рукопись её продолжения,⁴⁴ которое в дальнейшем также составит часть его диссертации.

Не оставляет он и попыток получить заграничную командировку, чтобы закончить свою магистерскую диссертацию. Еще в 1905 г. он имел возможность съездить в командировку в Берлин. В 1910 г. он ходатайствует о получении для заграничной командировки стипендии Геймбюргера, которую выдавал Юрьевский университет: 5 февраля им подано прошение о стипендии,⁴⁵ а уже 18 марта — прошение о снятии его кандидатуры на Геймбюргеровскую стипендию.⁴⁶ Видимо, к этому времени были получены сведения о том, что может быть реализовано его прошение о заграничной командировке, которое он подавал в министерство.⁴⁷ Заграничную командировку на два года М. В. Бречкевич получил с 1 июля 1911 года по 1 июля 1913 года.⁴⁸ Во время командировки он работал в архивах Берлина, Штеттина и Парижа, слушал лекции в Берлинском университете и участвовал в историческом семинаре проф. Шеффера. Отчеты о проделанной работе регулярно предоставлялись им в министерство и получали

⁴⁰ ИАЭ. 402-4-1419. Л. 62об.; 402-4-1420. Л. 43об.; 402-4-1435. Л. 54об, 56об.

⁴¹ ИАЭ. 402-4-1420. Л. 43об.

⁴² ИАЭ. 402-9-542. Л. 72об.–73.

⁴³ Бречкевич М. В. Очерки из социальной и государственной истории княжества Славии, или Западного Поморья, за первые полтора века со времени принятия христианства (1128 г. – 1278 г.). Часть I. Освоение и отчуждение деревень. Отдел I. Обзор источников и исторической литературы. Юрьев: К. Маттисен, 1911. 48 с. ИАЭ. 402-3-174. Л. 243–268.

⁴⁴ ИАЭ. 402-3-174. Л. 198–242.

⁴⁵ *Ibid.*, л. 183.

⁴⁶ ИАЭ. 402-9-542. Л. 60об.

⁴⁷ ИАЭ. 402-9-542. Л. 53об.; 402-3-174. Л. 188, 189; 402-9-543. Л. 53об.

⁴⁸ ИАЭ. 402-3-174. Л. 269.

одобрение.⁴⁹ В апреле 1913 г. он принял участие в работе Третьего международного исторического конгресса в Лондоне.⁵⁰ За период заграничной командировки Бречкевич написал две работы: «Первый поход Оттона I в Италию»,⁵¹ которая была приложена им еще к отчету за первый год командировки,⁵² и «Грамота папы Иннокентия II от 1140 года Волынскому епископу Адальберту».⁵³ Последняя содержит подробный анализ грамоты, выданной Иннокентием II первому поморскому епископу; к статье приложен и сам текст грамоты на латыни. Но важнейшим событием этого периода была защита М. В. Бречкевичем 2 мая 1912 г. магистерской диссертации «Введение в социальную историю княжества Славии или Западного Поморья»,⁵⁴ которая является его главным трудом о поморских славянах и для защиты которой он специально возвращался в Юрьев из заграничной командировки.

Прошение приват-доцента М. В. Бречкевича о допущении его к публичной защите диссертации «Введение в социальную историю княжества Славии или Западного Поморья» на степень магистра всеобщей истории рассматривалось факультетом еще 6 сентября 1911 г. Тогда же к профессорам А. Н. Ясинскому и А. А. Васильеву обратились с просьбой дать письменные отзывы о диссертации.⁵⁵ Однако осенью 1911 г. профессор Ясинский был назначен директором Педагогического института им. П. Г. Шелапутина в Москве и покинул Юрьев.⁵⁶ Только в феврале 1912 г. профессор И. И. Лаппо принял на себя поручение рассмотреть диссертацию.

⁴⁹ ИАЭ. 402-3-174. Л. 278, 300-361, 397, 398; 402-9-543. Л. 192об.

⁵⁰ Москаленко А. Е. С. 95.

⁵¹ Бречкевич М. В. Первый поход короля Оттона I в Италию // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1913. № 3, н. отд. [1]. С. 1–25.

⁵² ИАЭ. 402-3-174. Л. 397.

⁵³ Бречкевич М. В. Грамота папы Иннокентия II от 1140 года Волынскому епископу Адальберту // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XLIII. 1913. Январь. С. 1–22.

⁵⁴ Бречкевич М. В. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Исследование по истории прибалтийских поморян за первые века со времени принятия ими христианства (1128–1278). Юрьев: К. Маттисен, 1911. VI, 267 с.

Бречкевич М. В. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Исследование по истории прибалтийских поморян за первые века со времени принятия ими христианства (1128 г.–1278 г.) // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1912. № 5, прил. [4]. С. I–VI, 1–48; № 6, прил. [4]. С. 49–96; № 7, прил. [3]. С. 193–267.

⁵⁵ ИАЭ. 402-9-543. Л. 125об.–126.

⁵⁶ Dubjeva, L. Anton Nikitič Jasinskij als Professor für Allgemeine Geschichte an der Universität Jur'ev (Dorpat/Tartu) 1896–1911 // Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder. Olaf Mertelsmann (Hg.). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005. S. 122, 126. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 11.)

цию Бречкевича.⁵⁷ В то же время затягивалось и поступление отзыва профессора А. А. Васильева из-за командировок последнего.⁵⁸ Именно профессорам Васильеву и Лаппо и было предложено стать официальными оппонентами магистерской диссертации Бречкевича.⁵⁹ Защита диссертации Бречкевича была назначена на 23 апреля 1912 г., однако не состоялась из-за неявки официального оппонента А. А. Васильева.⁶⁰ Раздраженный этим декан М. Н. Крашенинников, который в то же самое время находился в переписке с ректором университета по поводу разрешения профессору А. А. Васильеву совместительства,⁶¹ в обращении к ректору на этот раз просил «в ограждение интересов приват-доцента Бречкевича принять зависящие меры к побуждению вышеозначенного профессора [Васильева — Л. Д.] ускорить свое возвращение в Юрьев с Афинского конгресса ориенталистов, закончившего свои заседания 1 апреля сего года».⁶² Защита М. В. Бречкевичем магистерской диссертации состоялась 2 мая 1912 г., и 11 мая 1912 г. Совет университета утвердил решение факультета.⁶³

В речи, произнесенной М. В. Бречкевичем перед защитой, диссертант подчеркивал, что при освещении социальной истории Западного Поморья выясняется «несоответствие между показаниями источников, хотя бы и недостаточными, и историческою литературою, которая со времени названных источников разрослась».⁶⁴ И автор поставил себе задачу «выяснить, в какой степени достоверны показания источников и все ли в них использовано должным образом»,⁶⁵ а также «собрать всё, относящееся к данному вопросу, подвергнуть тщательному анализу все показания, сопоставить их и понять их общее значение».⁶⁶

⁵⁷ ИАЭ. 402-9-543. Л. 155.

⁵⁸ ИАЭ. 402-9-543. Л. 159об.—160.

⁵⁹ ИАЭ. 402-9-543. Л. 161; 402-3-174. Л. 274.

⁶⁰ ИАЭ. 402-3-174. Л. 271-272, 276.

⁶¹ Обсуждение вопроса о разрешении профессору А. А. Васильеву преподавать кроме Юрьевского также и в Санкт-Петербургском университете рассмотрено в статье: Дубьева Л. В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета в 1904–1912 гг. А. А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Составитель и ответственный редактор проф. С. Исаков. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. С. 87–88, 90–96.

⁶² ИАЭ. 402-3-174. Л. 276.

⁶³ ИАЭ. 402-3-174. Л. 273; 402-1-3202. Л. 51.

⁶⁴ Бречкевич М. В. Речь, произнесенная 2 мая 1912 г. в публичном заседании историко-филологического факультета Императорского Юрьевского университета перед защитой магистерской диссертации «Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья». Юрьев, 1911. // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1912. № 8, оф. отд. [1]. С. 3–4.

⁶⁵ *Ibid.*, с. 4.

⁶⁶ *Ibidem.*

Свои основные выводы автор изложил в состоящем из 14 пунктов «Положении к диссертации М. В. Бречкевича: «Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Исследование по истории прибалтийских поморян за первые века со времени принятия ими христианства (1128–1278). Юрьев, 1911.»⁶⁷ Приведем некоторые из них:

«1. Поморское духовенство, стремившееся к умножению своих имуществ, в деле приобретения деревень нашло в поморских князьях деятельную, почти самоотверженную поддержку и не встретило сопротивления в туземном населении.

<...>

3. Известия о владениях и отчуждениях поморских деревень не дают опоры принятому историческою литературою мнению о распространенности славяно-поморского владения населенными имениями.

<...>

5. Господствующее в исторической литературе мнение о несвободном состоянии поморского славянства не опирается на источники.

6. Отчуждения множества поморских деревень, упоминаемые грамотами, не доказывают крепостного состояния деревенского населения.

<...>

10. Мнение историков о ревностном проповедании и просвещении поморского народа с 1140 года иноземным духовенством не подкрепляется достаточными ссылками на источники.

<...>

13. В деле приобретения деревень князь был орудием в руках церковных учреждений, которым нужны были как владения, так и титул прав на них.

14. На основании исторической литературы невозможно составить себе правильное и определенное понятие о социальном строе Поморья в XII веке.»

Высказанная в магистерской диссертации «точка зрения Бречкевича относительно свободного положения славян до принятия ими христианства и начала германизации противоречила мнению многих его предшественников по изучению проблемы, главным образом — немецких историков. Не встретила она сочувствия и у современников».⁶⁸ Анализируя возникшую по этому вопросу дискуссию, исследовательница творчества Бречкевича Л. П. Лаптева указывает, что «спор между Бречкевичем и сторонниками противоположного мнения по данной проблеме шел по существу не в социальном, а в национально-конфессиональном русле. Немецкие и некоторые другие историки высказывали свои соображения о наличии крепостной зависимости у поморских славян в первую очередь для того, чтобы показать, что немецкое завоевание, не лишив славян «свободы», принесло им «свет христианства» и

⁶⁷ ИАЭ. 402-3-174. Л. 280. По постановлению историко-филологического факультета от 20 апреля 1912 г. «Положение» было отпечатано.

⁶⁸ Лаптева Л. П. С. 9.

вообще высокую культуру. Бречкевич же стремился утвердить мысль о немецком завоевании как акте, приведшем, в конечном счете, к закреплению славян германцами. Таким образом, на выводы обеих сторон влияли априорные, тенденциозные концепции».⁶⁹

Тем не менее, Бречкевич сумел собрать в ходе своих исследований много фактического материала, причем отмечается, что в изучении социального строя прибалтийских славян «он показал себя глубоким знатоком актового материала и мастером тонкого источниковедческого анализа».⁷⁰ На основании анализа его работ делается также вывод, что «рассуждения Бречкевича свидетельствуют о его весьма трезвом, реалистическом взгляде на прошлое и настоящее славянского мира, взгляде, свободном от романтических иллюзий. Это говорит и о том, как далеко ушли русские слависты позитивистского направления в первой четверти XX столетия от славянофилов..., толковавших об общем славянском мире, якобы противоположном миру романо-германскому».⁷¹

После защиты магистерской диссертации М. В. Бречкевич подает прошение «о зачислении его в состав соискателей премии им. Роберта Геймбюргера в 1912 году за сочинение под заглавием: «Введение в социальную историю княжества Славии или Западного Поморья» (Юрьев, 1911)».⁷² Это ходатайство не встретило поддержки на факультете: при баллотировке оно получило 2 положительных и 6 отрицательных шаров, вследствие чего было отклонено как факультетом, так и Советом университета.⁷³

Как было отмечено выше, в период заграничной командировки М. В. Бречкевича, с отъездом его учителя профессора А. Н. Ясинского, который был профессором истории средних веков Юрьевского университета в 1896–1911 гг., в Москву, на кафедре всеобщей истории освободилась профессура по истории средних веков. Профессор А. Н. Ясинский предложил на неё кандидатуру своего ученика М. Ф. Бречкевича.⁷⁴ После защиты магистерской диссертации Бречкевич был реальным кандидатом на эту кафедру, однако, тем временем, после решения профессора А. А. Васильева в 1912 г. вернуться в Петербург, появилась и вторая вакансия по кафедре всеобщей истории — вакансия на должность профессора новой истории, поэтому в конкурсе одновременно приняли участие как историки, занимавшиеся средневековьем, так и исследователи проблем истории нового времени.

⁶⁹ *Ibid.*, с. 9–10.

⁷⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 511.

⁷¹ Лаптева Л. П. С. 10.

⁷² ИАЭ. 402-4-1462. Л. 271об.

⁷³ ИАЭ. 402-9-543. Л. 177об.–178, 196об.–197; 402-4-1462. Л. 272.

⁷⁴ Лаптева Л. П. С. 7.

Конкурс на место профессора всеобщей истории Юрьевского университета в 1912 г. был чрезвычайно напряженным и проходил в острой борьбе, как на факультете, так и в Совете университета. В нем приняли участие доктор всеобщей истории приват-доцент Петербургского университета Е. В. Тарле, магистр всеобщей истории приват-доцент Тартуского университета М. В. Бречкевич и магистр всеобщей истории византист П. В. Безобразов, а также член-корреспондент Петербургской АН магистр всеобщей истории В. Э. Регель. И на этот раз М. В. Бречкевич не нашел достаточной поддержки на факультете. Ни один из кандидатов не получил во время голосования на факультете необходимого большинства голосов, так что голосование было перенесено в Совет университета, где 7 декабря 1912 года двадцатью голосами «за» и двенадцатью «против» на место профессора всеобщей истории был избран доктор всеобщей истории Е. В. Тарле.⁷⁵ В. Э. Регель получил 11 «за» 21 «против».⁷⁶ Результаты голосования за остальных кандидатов в архивных материалах не отражены.

И Е. В. Тарле, и В. Э. Регель с осени 1913 г. приступили к чтению лекций в Юрьевском университете, тогда как магистр всеобщей истории надворный советник М. В. Бречкевич 23 июня 1913 г. был назначен на должность исправляющего обязанности экстраординарного профессора Казанского университета по кафедре всеобщей истории.⁷⁷ В Казани он проработал до 1923 г., и в дальнейшем работал на Украине: с 1923 г. в Днепропетровске в институте народного образования, с 1931 г. в Севастополе в музейном объединении, с 1938 г. в Киевском педагогическом институте, а с 1944 г. по 1950 г. — в Киевском университете, где с 1946 г. возглавлял кафедру истории средних веков.⁷⁸ По одним данным, в 1946 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Оборона Малахова кургана в 1854–1855 гг.»,⁷⁹ материалы для которой собирал, работая в Севастополе, по другим данным его докторская диссертация была отклонена.⁸⁰

⁷⁵ ИАЭ. 384-1-3421. Л. 1об.

⁷⁶ ИАЭ. 402-4-1462. Л. 294.

⁷⁷ ИАЭ. 402-3-174. Л. 381.

⁷⁸ Москаленко А. Е. С. 96–97; Рудь М. О. З історії славістики в Київському університеті. М. В. Бречкевич (1870–1963) // Вісник Київського Університету. Історія. 1995. Вип. 33. С. 41. По другим данным М. В. Бречкевич возглавлял кафедру истории Киевского университета с 1944 г. См.: Шевченко Л. В. Бречкевич Митрофан Васильович // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка: минуле й сьогодення (1834–2004 рр.) / За ред. Г. Д. Казмирчука. Київ, 2004. С. 161. В этой статье неверно указано, что М. В. Бречкевич был избран профессором в 1912 г. и с этого же года работал в Казанском университете.

⁷⁹ Шевченко Л. В. С. 161; Білан Ю. Я. Профессор М. В. Бречкевич // За радянські кадри. 1947. 1 травня. № 16 (55).

⁸⁰ Москаленко А. Е. С. 102.

М. В. Бречкевич прожил долгую жизнь, в ходе которой был свидетелем смены социально-политических эпох, двух мировых войн и других общественных потрясений, которые отразились как на его позиции ученого, так и на оценках, которые выносили его научному творчеству другие исследователи. Все они сходятся во мнении, что именно юрьевский период творчества М. В. Бречкевича и созданные им тогда работы по социальной истории поморских славян представляют собой наиболее ценную часть его вклада в историческую науку.⁸¹

⁸¹ Лаптева Л. П. С. 8; Москаленко А. Е. С. 102; Рудь М. О. С. 41–48; Історія Київського університету. Київ: Видавництво Київського університету, 1958. С. 531.

П. Н. Ардашев — профессор всеобщей истории Юрьевского университета в 1901–1903 гг.¹

Л. В. Дубьева

Первым профессором по кафедре всеобщей истории — истории нового времени в Тартуском (в 1802–1893 Дерптском, в 1893–1918 Юрьевском) университете был профессор Отто Эрнст Христиан Вальц (1844–1918), приглашенный из Гейдельбергского университета в 1875 г. и проработавший до 7 февраля 1900 г., когда «по выслуге 25-ти лет <...> проф. Вальц оставил службу в Юрьевском университете и возвратился в Германию».² В 1901–1903 гг. эту кафедру возглавлял выпускник Московского университета П. Н. Ардашев (1865–1924), работавший до этого приват-доцентом Петербургского и Новороссийского (Одесского) университетов и покинувший Юрьевский университет, чтобы занять место экстраординарного профессора всеобщей истории в Киевском университете. Творчество его при жизни получило признание современников и имело широкий международный резонанс, однако позднейшие историографические исследования обходили его стороной, ограничиваясь краткими упоминаниями. Причиной этого может быть общественно-политическая позиция работавшего в Киеве историка, занимавшего в национальном вопросе великодержавную шовинистическую позицию и известного как украинофоб и антисемит.³

О своем пути в науке вплоть до перехода в Киевский университет сам профессор П. Н. Ардашев рассказал в автобиографической статье опубликованной к столетнему юбилею возобновления деятельности университета в Тарту «Биографического словаря профессоров и преподавателей Юрьевского (бывшего Дерптского) университета за сто лет его существования (1802–1902)».⁴ Эти данные дополняются послужными⁵ и формулярным⁶ списками П. А. Ардашева, сохранившимися в его личных делах в Историческом архиве Эстонии (ИАЭ).

Павел Николаевич Ардашев родился 22 ноября 1865 г. в селе Биляр Вятской губернии в семье священника. Традиционное для выходца из

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта GFLAJ 5810.

² Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (бывшего Дерптского) университета за сто лет его существования (1802–1902). Под ред. Г. В. Левицкого. Т. 2. Юрьев, 1903. С. 401.

³ Урсу Д. П. Ардашев Павло Миколайович // Енциклопедія сучасної України. Київ, 2001. С. 635.

⁴ Биографический словарь... С. 401–405.

⁵ ИАЭ. 402-3-39. Л. 39–46; 402-3-40. Л. 52–62.

⁶ ИАЭ. 402-3-39. Л. 24–27.

среды духовенства образование он не закончил, перейдя из духовной семинарии в классическую гимназию в г. Уфе в 1884 г., закончив которую на следующий год он поступает на историко-филологический факультет Московского университета. В Московском университете его учителями были профессора В. И. Герье, П. Г. Виноградов и М. С. Корелин, а также В. О. Ключевский и П. Н. Милюков. За работу «Переписка Цицерона, как источник для истории Юлия Цезаря» он был удостоен факультетом золотой медали, по постановлению факультета эта работа была также напечатана в приложении к Ученым запискам Московского университета за 1890 г. После окончания университета в 1889 г. Ардашев был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Как ученик представителя «русской исторической школы» профессора В. И. Герье, Ардашев для своей диссертации избрал историю Франции в XVIII в. Во время заграничной командировки в 1896–1898 гг. он исследовал документы по административной истории Франции в Национальном архиве, Архиве Министерства иностранных дел и Национальной библиотеке в Париже, а также в провинциальных архивах в Шалоне, Дижоне, Марсели, Монпелье, Тулузе, Ренне, Сен-Бриё, Тарбе, По, Бурге, Маконе, Фуа и Мон-де-Марсана. Опираясь на свои архивные разыскания, он подготовил исследование о «Провинциальной администрации во Франции в последнюю пору старого порядка»,⁷ которое Московским университетом в 1900 г. было удостоено полной премии им. С. М. Соловьева. После публичного диспута, состоявшегося 19 февраля 1901 г. П. Н. Ардашев был удостоен за это сочинение степени магистра всеобщей истории.

К этому времени у него был уже и значительный преподавательский опыт. После возвращения из заграничной командировки с конца 1898 г. он становится приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. В это же время он читал курс новейшей истории Западной Европы великому князю Андрею Владимировичу. С января 1899 г. в течение пяти семестров он состоит приват-доцентом Новороссийского (Одесского) университета и принимает участие в конкурсе на кафедру всеобщей истории (новой истории) в Юрьевском университете, которая освободилась в 1900 г. в связи с уходом на пенсию профессора О. Вальца.

Конкурс на эту кафедру был объявлен летом 1900 г. Журнал заседаний историко-филологического факультета сообщает: «Заявления о желании принять участие в конкурсе поступили от приват-доцента Московского университета И. И. Иванова и приват-доцента Новороссийского университета П. Н. Ардашева... По ознакомлению членов факультета с отзывом ... профессора А. Н. Ясинского в заседании от 30 января с. г. [1901 г. — Л. Д.] произведена была баллотировка. И. И. Иванов получил избирательных

⁷ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). Провинциальные интенданты. Т. 1. Санкт-Петербург, 1900. XVI, 658 с.

голосов 2, неизбирательных 5; П. Н. Ардашев избирательных голосов 7, неизбирательных ни одного. На основании этой баллотировки факультетским кандидатом для замещения вакантной профессуры всеобщей истории был признан приват-доцент Новороссийского университета П. Н. Ардашев».⁸ Таким образом, избрание П. Н. Ардашева на факультете состоялось еще до публичного диспута и получения им степени магистра всеобщей истории. Только 30 мая 1901 г. он был утвержден в степени магистра всеобщей истории Советом Московского университета,⁹ поэтому первоначально — назначение состоялось 5 мая 1901 г.¹⁰ — он был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора Юрьевского университета. И только 29 октября 1901 г., когда все формальности были улажены, он был утвержден в должности экстраординарного профессора.¹¹

К чтению лекций в Юрьевском университете профессор П. Н. Ардашев приступил с 27 августа 1901 г., когда в актовом зале университета состоялась его вступительная лекция на тему «О прогрессе в исторической науке»,¹² тему, которой он будет уделять внимание и в дальнейшем.¹³ Всего в Юрьевском университете профессор П. Н. Ардашев преподавал в течение четырех семестров: осеннего семестра 1901 г., весеннего и осеннего семестров 1902 г. и весеннего семестра 1903 г. В каждом семестре он читал общий курс по истории Западной Европы в новое время. Кроме этого он вел спецкурсы по истории Франции в XVII веке в осеннем семестре 1901 г. и весеннем семестре 1902 г.¹⁴ и по истории Франции в XVIII веке в осеннем семестре 1902 г. и весеннем семестре 1903 г.¹⁵ В каждом семестре он вел практические занятия. По дополнительному поручению факультета читал историю западноевропейской литературы в весеннем семестре 1902 г. и историю французской литературы в весеннем семестре 1903 г.¹⁶ В осеннем семестре 1902 г. профессором Ардашевым был прочитан общий курс по древней (римской) истории.¹⁷ Чтобы обеспе-

⁸ ИАЭ. 403-3-39. Л. 4–5.

⁹ *Ibid.*, л. 6.

¹⁰ *Ibid.*, л. 8.

¹¹ *Ibid.*, л. 44об.

¹² *Ibid.*, л. 14.

¹³ Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омский государственный университет, Издательство Уральского университета, 2000. С. 181–183, 186; Урсу Д. П. С. 635.

¹⁴ ИАЭ. 402-4-1292. Л. 57; 402-4-1279. Л. 46. Обзорение лекций в Императорском Юрьевском университете. 1901 г. II семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1901. С. 10.

¹⁵ ИАЭ. 402-4-1293. Л. 50; 402-4-1310. Л. 47. Обзорение лекций в Императорском Юрьевском университете. 1903 г. I семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1903. С. 10.

¹⁶ ИАЭ. 402-4-1292. Л. 57; 402-4-1310. Л. 47; 402-4-1309. Лл. 8об.–9.

¹⁷ ИАЭ. 402-4-1293. Л. 50. См. также: Биографический словарь... С. 404.

чить учебный процесс необходимой учебной литературой, профессор Ардашев занимался и вопросами пополнения студенческой библиотеки историко-филологического факультета,¹⁸ а также дарил туда свои издания.¹⁹ Для проведения практических занятий он специально издавал тексты с комментариями.²⁰ В этот период он публикует и популярные издания,²¹ причем по вопросам, например, об абсолютной монархии, которые могли быть актуальны в атмосфере накануне революции. Активно участвовал профессор Ардашев и в работе историко-филологического факультета, в частности в обсуждение вопроса о том, кому должно быть поручено чтение курса «История славян».²²

Количество студентов, записывавшихся на общий курс истории нового времени достигало ста человек, на спецкурсы — 20-30 человек. Среди его студентов были будущий профессор Юрьевского и Воронежского университетов П. А. Яковенко и профессор Тартуского университета Олаф Сильд. В личном фонде будущего профессора Воронежского университета (и других вузов) Г. А. Замятина в Российской государственной библиотеке, сохранился конспект 18 лекций профессора Ардашева, которые были записаны в период с 4 сентября 1902 г. по 15 апреля 1903 г.²³ Большая часть его представляет собой изложение истории реформации, однако ему предшествует историко-философское введение, где разбираются идеи Гердера, Ранке и Шопенгауэра. В своем конспекте студент Замятин, слушая лекцию профессора Ардашева, записывал: «История — поле, где встречаются все науки <...>»,²⁴ «История познает посредством словесной и вещной громады источников. Каким образом с ними обращаться? Здесь уже дело исторической критики <...> в начале понятие исторического источника было узко <...> со временем все более и более расширялось <...> особенный толчок дало развитие археологии...»,²⁵ «Что касается упрека в том, что история знает только приблизительно, наполовину, то ведь знание идеал науки, наука сама есть собственно

¹⁸ ИАЭ. 402-5-1415. Лл. 54, 55, 62.

¹⁹ Dubjeva, L. Tartu Ülikooli Ajaloo-Keeleteaduskonna üliõpilasraamatukogu aastail 1899–1919 // Kleio. Ajaloo Ajakiri. 1997. Nr 4 (22). Lk 25.

²⁰ Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. Перевод с предисловием, введением и примечаниями проф. П. Н. Ардашева. Юрьев: К. Маттисен, 1902. 172 с.

Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. *Moria encomium sive stultitia laus*. Перевод с предисловием, введением и примечаниями П. Н. Ардашева // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1904. № 3, прил. [2]. С. 1–80; № 4, прил. [1]. С. 81–172.

²¹ Тарле Е. В. [Рец.] П. Н. Ардашев. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902 // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. Москва: Наука, 1981. С. 99–101.

²² ИАЭ. 402-9-541. Лл. 32–35.

²³ Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. 618-10-17. Лл. 15–44.

²⁴ *Ibid.*, л. 18.

²⁵ *Ibid.*, л. 160б.

искание истины».²⁶ На лекции, которая состоялась 4 сентября 1902 г., где речь шла о «прогессе научного знания <...> прогессе научного самосознания»,²⁷ студент Замятин записывал за профессором, что в росте научного достояния наблюдается прогресс количественный и качественный, причем первый заключается в увеличении всего исторического знания, второй же в усовершенствовании исторического синтеза.²⁸ Эти студенческие записи перекликаются с анализом исторического метода в позднейших исследованиях прогресса исторической науки: «П. Н. Ардашев выявляет две стороны прогресса метода. Одна сторона состоит в выработке принципов, в последовательном расширении понятия исторического источника, другая — во внесении психологической точки зрения в теорию исторического познания».²⁹

В течение всех четырех семестров, когда профессор Ардашев работал в Юрьевском университете, на его общий курс по истории нового времени записывался Гуго Земель, который позднее, в 1906 г. был оставлен на кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию.³⁰ В 1902/1903 учебном году Земель слушал также спецкурсы профессора Ардашева по истории Франции, слушал курс римской истории и посещал практические занятия, которые велись профессором Ардашевым. В опубликованном в 1918 г. обзоре истории Тартуского университета, составителем и одним из авторов которого был Гуго Земель, кратко характеризуется деятельность в Тарту профессоров А. Н. Ясинского, В. Э. Регеля, П. Н. Ардашева, А. А. Васильева, Е. В. Тарле, Е. Ф. Шмурло и И. И. Лаппо.³¹ Эти свидетельства ценны тем, что сам составитель опирается в своих описаниях на личный опыт, и, несмотря на их краткость, им, тем не менее, присущи черты мемуарного характера. Характеризуя состав исторических кафедр в конце XIX — начале XX вв., Земель пишет, что и вторая кафедра всеобщей истории (т. е. нового времени) в лице П. Н. Ардашева и А. А. Васильева была представлена достойным образом. С большим уважением он отзывается о вкладе русских историков в изучение «старого порядка» во Франции, подчеркивая и роль П. Н. Ардашева и Е. В. Тарле в этих исследованиях. Он пишет, что Ардашев и Тарле принадлежат к тем многочисленным русским историкам, которые в своих исследованиях отдали предпочтение изучению французской истории XVIII — начала XIX веков и достигли здесь таких ценных результатов, что, после французов, они в этом бесспорно стоят на

²⁶ *Ibid.*, л. 16.

²⁷ *Ibid.*, л. 15.

²⁸ *Ibid.*, л. 17.

²⁹ Корзун В. П. С. 183.

³⁰ ИАЭ. 402-9-542. Л. 27об.-28.

³¹ Die Universität Dorpat (1802–1918). Skizzen zu ihrer Geschichte von Lehrern und ehemaligen Schülern zusammengestellt unter der Redaktion von Hugo Semel. Dorpat: Druck von H. Laakmann's Buch- und Steindruckerei, 1918. S. 114–115, 119.

первом месте. Эта тематика была близка и самому Земелю, т. к. по ней он писал курсовую работу у профессора Ардашева.³² Земель отдельно подчеркивает, что Ардашев, на основании архивных источников, издал многотомный, в высшей степени обстоятельный и утомительный для чтения труд о провинциальной администрации Франции.³³ Здесь имеется ввиду трилогия Ардашева, первый том которой был защищен им как магистерская, второй, опубликованный в 1906 г. в Киеве, как докторская диссертация,³⁴ а третий том документов на языке оригинала был опубликован еще в Юрьеве.³⁵ Эта трилогия встретила похвальные отзывы в России, Франции и Англии, на неё было опубликовано около 30 рецензий.³⁶ В 1909 г. второй том был переведен на французский язык.³⁷

Уже после выхода первого и третьего томов этого исследования крупнейший представитель «русской исторической школы» Н. И. Кареев писал: «Главное достоинство труда проф. Ардашева в методологическом отношении состоит в том, что он строго держится хронологической и географической перспективы, постоянно различая эпохи и отдельные провинции и вместе с тем изучая конкретные факты, а не юридические формулы».³⁸ Позднее, Н. И. Кареев же подчеркивал: «На основании громадного количества источников и пособий и при помощи научно-исторического метода проф. Ардашев дал во многих отношениях все-таки более верное и точное изображение старого порядка вообще, нежели многие другие историки. Между прочим, он очень убедительно доказал, что внутри установившегося в общих чертах строя, называемого старым порядком, «происходила

³² ИАЭ. 402-9-590. Лл. 144об.-145.

³³ Die Universität Dorpat (1802–1918). S. 115.

³⁴ Ардашев П. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). Провинциальные интенданты. Т. 1–2. Санкт-Петербург, Киев, 1900–1906. Т. I. 658 с. Т. II. 733 с.

³⁵ Ардашев П. Материалы для истории провинциальной администрации во Франции в последнюю пору старого порядка. [Публ. материалов на фр. яз.] // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1902, 6, прил. [3], 1–80; 1903, 1, прил. [2], 91–144; 2, прил. [2], 145–176; 3, прил. [2], 177–240; 4, прил. [2], 241–272; 5, прил. [3], 273–320; 6, прил. [2], 321–384; 1904, 1, прил. [1], 385–480; 2, прил. [1], I–XI, 481–554.

Ardascheff P. Les Intendants de province sous Louis XVI / Par Paul Ardascheff. Tome III. Appendice. Youriev: K. Mattisen, [1903]. 554 p.

³⁶ Кареев Н. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911). Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1912. С. 14; Урсу Д. П. С. 635.

³⁷ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. Москва: Издательство АН СССР, 1963. С. 487.

³⁸ Кареев Н. И. Работы русских ученых по истории французской революции // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. Т. I. 1904. Вып. 3–4. С. 200–201.

постоянная хотя и медленная работа, — непрерывная, хотя и не бросающаяся в глаза эволюция, гораздо менее заметная в своем процессе, чем в своих результатах». <...> Совершавшаяся в старом порядке внутренняя эволюционная работа происходила, как это хорошо обосновано у автора, гораздо менее путем видимых реформ, путем законодательных изменений учреждений, чем путем фактических изменений в самом порядке вещей, независимых от воли и усмотрения законодателя, а вместе с тем и легко ускользающих от постороннего наблюдателя».³⁹

Именно изданию третьего тома и подготовке второго тома своего труда, который должен был стать докторской диссертацией, и посвящена научная работа профессора П. Н. Ардашева в юрьевский период его жизни. О работе над ними свидетельствуют как списки литературы, рекомендуемой им университетской библиотеке для приобретения, так и его заказы на отдельные издания из других библиотек. В списках литературы, рекомендуемой профессором П. Н. Ардашевым университетской библиотеке для приобретения преобладают издания по истории Франции.⁴⁰ Профессор П. Н. Ардашев, например, рекомендует заказать в 1901 г. (сведения об изданиях приводятся в той форме, в которой даны на бланках заказов):⁴¹

Aulard. Histoire politique de la Revolution fr.
Lacom-Gayet. L'éducation politique de Louis XIV. Hachett.
Sorel. Essais d'histoire et de critique. 2 ed.
Sorel. Lectures historiques. 2 ed.
Sorel. Nouveaux essais d'histoire et de critique.
Giraud. Essai sur H. Taine.
Espinas. La philosophie du socialisme au XVIII s.
Lichtenberger. Le socialisme et la Révolution française.
Wahl. Studien zur Vorgeschichte der Französischen Revolution. Tübingen: Mohr, 1901.
Woltmann. Der historische Materialismus. Michel, Düsseldorf.
Lamprecht. Die kulturhistorische Methode. Berlin: Gaertner.
Aubertin. L'esprit public au XVIII siècle.
Procès-verbaux de l'assemblée provinciale de Lyon, publiés par M. Guigue. 1898.
Correspondance de Turgot et Condorcet.

До 90-х гг. в. преподавание в университете велось на немецком языке, в соответствии с этим немецкой литературой и литературой на немецком языке комплектовалась и университетская библиотека. И здесь мы можем

³⁹ Кареев Н. Эпоха французской революции... С. 18–19.

⁴⁰ Отдел редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета. 4-1-861. Списки заказов. 1900–1903. Лл. 37–48, 71–76, 140–141.

⁴¹ *Ibid.*, л. 37–48.

найти одну из причин столь краткого срока работы профессора Ардашева в Юрьевском университете: ему не хватало здесь специальной литературы. Специалисту по истории Франции как воздух нужны были французские издания, которых он здесь не находил. Не все необходимые издания, особенно публикации документов, можно было рекомендовать для приобретения библиотекой: чаще всего их тиражи уже были распроданы. Поэтому профессор П. Н. Ардашев заказывает их на время из различных библиотек: из библиотеки Московского университета,⁴² из Петербурга, из Публичной библиотеки⁴³ и университетской библиотеки,⁴⁴ из Одессы, где для исследователя истории Франции имелся более богатый материал, откуда ему присылают целый ряд изданий и продляют срок пользования ими.⁴⁵ Нередко он получал и отказы, так как не все книги можно было выслать, и не все издания имелись в наличии. Получает он необходимую литературу и из Киева.⁴⁶ И в этом, видимо, кроется одна из причин того, что «в июне 1902 г. А[рдашев] выступил одним из конкурентов на кафедру всеобщей истории (новой) в И[мператорском] университете св. Владимира в Киеве и в декабре того же года был избран историко-филологическим факультетом на названную кафедру».⁴⁷

Как и в случае с избранием на кафедру в Юрьевском университете, на этот раз оформление избрания также занимает достаточно долгое время, и П. Н. Ардашев был только «29 августа 1903 г. ... назначен экстраординарным профессором Императорского университета Св. Владимира по кафедре всеобщей истории».⁴⁸ Последнее заседание историко-филологического факультета, на котором среди присутствовавших указан и П. Н. Ардашев, состоялось 13 сентября 1903 г.: обсуждался вопрос о его преемнике, которым станет А. А. Васильев.⁴⁹

Однако после отъезда профессора Ардашева в Киев, его связи с Юрьевским университетом сразу не прервались. Еще 25 декабря 1903 г. в Киеве он дает профессору А. Н. Ясинскому доверенность на получение всякого рода сумм из казначейства Юрьевского университета,⁵⁰ в переписке с профессором Е. В. Петуховым он состоял еще и в 1905 г.,⁵¹ и продолжал публиковаться в Юрьеве.⁵²

⁴² ИАЭ. 402-3-40. Лл. 6, 7.

⁴³ *Ibid.*, л. 16, 17, 21, 22, 34.

⁴⁴ *Ibid.*, л. 23, 38.

⁴⁵ *Ibid.*, л. 11, 12, 25–31.

⁴⁶ *Ibid.*, л. 9, 10, 13–15, 39, 50–53.

⁴⁷ Биографический словарь..., с. 404.

⁴⁸ ИАЭ. 402-3-39. Л. 45об.

⁴⁹ ИАЭ. 402-9-540. Л. 148об.

⁵⁰ ИАЭ. 402-4-1311. Л. 46.

⁵¹ Шор Т. Профессор Е. В. Петухов как историограф Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сбор-

В Киевском университете П. Н. Ардашев работал до провозглашения Украинской Народной Республики и украинизации высшей школы, после чего переехал в Крым и в 1918–1922 гг. работал в Таврическом университете; с 1923 г. он работал в педагогическом университете в Витебске, где в 1924 г. и умер.⁵³

П. Н. Ардашев был одним из представителей правого крыла «русской исторической школы», в духе которой уже в Киеве им была воспитана целая плеяда учеников.⁵⁴ В истории Киевского университета он характеризуется как единственный оставшийся в Киевском университете после отъезда из Киева Тарле и Лучицкого историк, который вел значительную педагогическую и научно-исследовательскую работу по истории нового времени, направленность которой была явно реакционной.⁵⁵ Ему бесспорно принадлежит заметное место в истории исторического факультета Киевского университета.⁵⁶ При оценке его вклада в историческую науку подчеркиваются основательная документированность его исследований и явная идеализация им бюрократической системы предреволюционной Франции.⁵⁷ Работая в Юрьевском университете, несмотря на краткость этого периода, он сделал значительный вклад в эти исследования. Для него же работа в Юрьевском университете была одним из этапов в его академической карьере, на котором он впервые получил место профессора, оставленное им, когда открылись лучшие возможности для продолжения научной работы.

ник научных статей. Вып. 7. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. С. 234–235.

⁵² Ардашев П. Н. Месяц во французской провинции // Сборник Учено — литературного общества при Императорском Юрьевском Университете. Т. VII. Юрьев, 1904. С. 85–130.

Отзыв о книге г. Миронова «Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность», представленный историко-филологическому факультету Имп. Юрьевского университета экстраординарным профессором П. Н. Ардашевым // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1905, 4, н. отд. [2], 1–12.

⁵³ Урсу Д. С. 635. В издании: Тартуский университет и Украина / Под ред. В. Оноприенко и Х. Танклера. Киев: ИИЦ Госкомстата Украины, 2004. С. 186, — указывается, что П. Н. Ардашев работал в Киевском университете в 1903–1917 гг., а в Симферопольском университете в 1921–1923 гг.

⁵⁴ Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб.: Санкт-Петербургский государственный технический университет, 1997. С. 6, 92–94.

⁵⁵ Історія Київського університету. Київ: Видавництво Київського університету, 1958. С. 211.

⁵⁶ Конта Р. М., Тіщенко І. І. Ардашев Павло Миколайович // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка: минуле й сьогодення (1834–2004 рр.) / За ред. Г. Д. Казьмирчука. Київ, 2004. С. 151.

⁵⁷ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. С. 486–487.

Akadeemik J. V. Tarle — Tartu Ülikooli üldajaloo professor 1913–1918¹

Ljudmila Dubjeva

Akadeemik Jevgeni Viktorovitš Tarle (1874²–1955), keda on nimetatud kõige kuulsamaks ja populaarsemaks nõukogude ajaloolaseks,³ oli aastatel 1913–1918 Tartu Ülikooli üldajaloo professoriks. Erakordselt populaarseks autoriks tegid Tarlet tema 1930-ndate aastate lõpus avaldatud ja maailmakuulsuse pälvinud raamatud Napoleonist ja Talleyrand'ist.⁴ Tartu Ülikooli professoriks valimise ajaks oli Tarle tuntud peamiselt kui rahvusvahelise mainega Prantsuse revolutsiooni uurija, aktiivne publitsist ja väga populaarne lektor Peterburi Ülikooli eradotsendina. Ehkki Tarle oli Kiievi Ülikooli vilistlane, kaitses ta Peterburi Ülikoolis oma doktori väitekirja,⁵ saades “Peterburi ajalookoolkonna orgaani-

¹ Artikkel on valminud grandi GFLAJ 5810 toel.

² J. V. Tarle elu viimastel aastakümnetel, aga ka hiljem, märgiti tema sünniaastaks 1875. aastat (näit., *Большая Советская Энциклопедия* 2. ja 3. trükk, ENE ja 1996. a *Eesti entsüklopeedia*, vt. ka Tarle E. B. Сочинения. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т. I. С. VII, XXXIV.). Vastavalt sellele peeti ka tema juubeli üritusi (näit., Tartu Riiklik Ülikool. 1975. 24. okt. Nr. 41; Kruus H. Mälestusi professor Jevgeni Tarlest: [100. sünniaastapäeva puhul] // Sirp ja Vasar. 1975. 21. nov. Nr. 47 (1667). Lk 12; <http://www.utlib.ee/ee/naitused/tarle.html> (2005–06–20)). On väidetud, et kuni 1930. aastani J. V. Tarle sünniaastaks on peetud aastat 1874 (Каганович Б. С. Евгений Викторович Tarle. Биографический очерк // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Tarle. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1998. С. LXVI). Tegelikult aasta 1874 esineb teatmeteostes sünniaastana u 1940-nda aastani (Hösch, E. Evgenij Viktorovič Tarle (1875–1955) und seine Stellung in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. S 14–15. (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Bd. 23). Vrdl ka: *Eesti entsüklopeedia* (1937) kd. 8, kus Tarle sünniaastaks on ka märgitud 1874). Aastat 1874 J.V. Tarle sünniaastatuna kinnitas sünnitunnistuse leid Kiievi Linnaarhiivis (Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Tarle. Москва: Наука, 1977. С. 7; Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Tarle. Орел, 1994. С. 5). Seda kinnitab ka J. V. Tarle teenistuskirja koopia, mis oli tehtud 1913. aastal seoses tema tööle asumisega Tartu Ülikooli professorina (EAA, 384–1–3421. L 12 pd.).

³ Каганович Б. С. Евгений Викторович Tarle. Биографический очерк. С. LXV.

⁴ Tarle, J. Napoleon. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1964. 459 lk.; Tarle, J. Talleyrand. Tallinn: Olion, 1993. 176 lk.

⁵ Tarle E. B. Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789–1799). Санкт-Петербург, 1909–1911. Ч. 1–2. 317; 581 с. Vt. ka: Tarle E. B. Сочинения. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т. II. 749 с.

liseks osaks”.⁶ Tartu Ülikooli tööle asumise ajaks sisaldas Tarle teenistuskiri, peale tema töö Peterburi Ülikooli eradotsendina 1903. aastast, sissekande ka tema valimisest Peterburi Kõrgemate Naiskursuste üldajaloo professoriks 3 augustil 1911 a ja tema tööst Peterburis asuva Vvedenski Kommertsikooli korralise ajalooõpetajana alates 1911 a. 17. novembrist.⁷ Silmapaistva pedagoogi ja hinnatud lektorina oli ta teretulnud õppejõud ka teistes Peterburi kõrgemates õppeasutustes: Psühhoneuroloogia instituudis, Lesgafti kursustel.⁸

Akadeemik J. Tarle elu ja tegevusele on pühendatud ulatuslik kirjandus.⁹ Ka on pälvinud uurijate tähelepanu tema elu Tartu periood, seda nii üldistavates biograafilistes teostes¹⁰ kui ka Tartu Ülikooli ajaloo käsitlustes,¹¹ samuti on sellele pühendatud ka omaette artikkel.¹² Sellele vaatamata nõuab terve rida momente, mis on seotud J. Tarle elu Tartu perioodiga, täiendavat täpsustust.

Tarle sidemed Tartuga on dokumenteeritavad 1909. aastast.¹³ See oli aeg, kus ühiskondlikus elus aktiivselt osalev Tarle oli üliõpilasauditooriumi jaoks oodatud lektor. Ülevenemaalise kuulsuse saavutas ta juba Esimese vene revolutsiooni ajal, kui ta sai raskesti haavata demonstratsiooni ajal Tehnoloogia instituudi juures Peterburis järgmisel päeval pärast 17. oktoobri manifesti avaldamist. Vasakpoolsete ringkondade kiirelt valmistatud postkaart, mille peal oli kujutatud Tarlet haiglas, sai laialdase leviku osaliseks.¹⁴ Esimeseks

⁶ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 108.

⁷ ЕАА 384–1–3421. L 19 pd-20 pd.

⁸ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк. С. LXXV. Hösch, E. S. 17.

⁹ Vt., näit.: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк. С. LXV. Чапкевич Е. И. Страницы биографии академика Е. В. Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 37.

¹⁰ Vt., näit.: Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... С. 58–60, 67; Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва-Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 325. (Summa culturologiae.); Троицкий Н. А. Тарле Евгений Викторович (1874–1955) // Историки России. Биографии. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 533.

¹¹ Tartu ülikooli ajalugu. Tallinn, 1982. Kd. 2. 1798–1918. Lk 325–326; История Тартуского университета 1632–1982. Таллин: Периодика, 1982. С. 141, 144; Эрингсон Л. Преподавание истории в Тартуском университете (1802–1918) // Tartu Ülikooli ajalo küsimusi. I. Тарту, 1975. С. 119–120.

¹² Лосиевский И. Я. Деятельность Е. В. Тарле в Тартуском университете // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. Москва: Наука, 1981. С. 199–203.

¹³ Huvitav on märkida, et *Большая Советская Энциклопедия* (1. tr., 1946) Tarlele pühendatud artiklis tema elu Tartu periood on dateeritud kui 1909–1918.

¹⁴ Сироткин В. Г. Предисловие // Тарле Е. В. Наполеон. Москва: Высшая школа, 1992. С. 6.

Сироткин В. Г. Академик Тарле — учитель «шестидесятников»
<http://www.lebed.com/2002/art2794.htm> (2005–06–20).

dokumendiks, kus on fikseeritud Tarle seos Tartuga, on Tartu ülikooli naisvabakuulajate kiri Tarlele, mis on kirjutatud enne 11. novembrit 1909,¹⁵ kust võib välja lugeda, et populaarset ja kuulsat lektorit on ka varem kutsutud Tartusse loenguid pidama. Kuna Tarle ei õelnud ära, aga ka selget nõusolekut pole andnud, siis nüüd kutsuti teda uuesti (säilinud on kirja mustand).¹⁶ Seekord oli akadeemilise ja ühiskondliku tegevusega hõivatud Tarle vastus eitav.¹⁷ Tema selle perioodi tegevusele heidab valgust üks Ajalooarhiivis säilitatav omapärane dokument. See on juba pärast Tarle Tartu Ülikooli professoriks valimist Riia õpperingkonna kuraatorile saadetud Peterburi siseasjade osakonna täiesti salajane teadaanne 26. jaanuarist 1913 selle kohta, et “veendumustelt on Tarle lähedane sotsiaal-demokraatliku partei menševike grupe; 1910. a. oli [Riigiduuma] sotsiaaldemokraatliku fraktsiooni majandus- ja rahandusnõunikuks”.¹⁸

Otseseks ajendiks, mis sundis aga Tarlet otsima professuuri väljaspool Peterburit, oli asjaolu, et parajasti oli Haridusministeeriumis ettevalmistusel määrus, mis oleks piiranud eradotsentide tegevust. Arvati, et see oli suunatud just Tarle ja veel mõnede Peterburi Ülikooli eradotsentide vastu, kelle loengud olid nii populaarsed, et üliõpilased nende pärast ei käinud korraliste professorite loengutel.¹⁹ Tarle oli küll naiskursuste professor, kuid ülikooliprofessori koha saamist Peterburis ta oma revolutsioonilise mineviku pärast loota ei saanud.²⁰ Tundes, et tema positsioon Peterburis on ohus, otsustas Tarle taotleda professuuri väljaspool Peterburit. Võimalus avaneski Tartus.

20. saj. alguses Tartu Ülikoolis töötanud ajaloolaste hulgas oli rida Peterburi Ülikooli vilistlasi, kes säilitasid tihedaid sidemeid oma *alma materiga*. Need olid vene ajaloo professor 1891–1903 Jevgeni Franzevitš Šmurlo, vene ajaloo professor 1905–1918 Ivan Ivanovitš Lappo, samuti 1904–1912 kuulus bütsantiniist Aleksandr Aleksandrovitš Vassilijev, kes luges aga Tartus uusaja ajalugu. Viimase sidemed Peterburiga olid eriti tihedat, kuna samaaegselt luges ta keskaja ajalugu ka Naiste Pedagoogilises Instituudis Peterburis, kus ta pärast Tartu Ülikoolist lahkumist 1912. aastal sai korraliseks professoriks ja dekaaniks.²¹ Oma järeltulijana Tartus soovis ta näha üldajaloo doktorit Tarlet.²²

¹⁵ Sest selle kuupäevaga on dateeritud J. V. Tarle enda vastus.

¹⁶ TÜR KHO, f. 67, sü. 6. L 10.

¹⁷ TÜR KHO, f. 67, sü. 6. L 11. Kirja fotokoopia on avaldatud: Tartu Ülikooli professorite, NSV Liidu Teaduste Akadeemia liikmete portreid ja autograafe / [Koostajad H. Tankler, H. Käsper.] Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1977. Lk [139]. (Publicationes Bibliothecae Universitatis Litterarum Tartuensis, III.)

¹⁸ EAA, 384–1–3421. L 7.

¹⁹ Лосиевский И. Я. С. 199–200. Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... С. 59.

²⁰ J. V. Tarle akadeemilist karjääri takistavatest teguritest vt: Maurer, T. Hochschul-lehrer im Zarenreich: ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. S. 733. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas; Bd. 27.).

²¹ Куклина И. В. А.А. Васильев: «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 329–330.

Pingelises konkursis, kus vakantsele üldajaloo professori kohale kandideerisid peale Tarlet veel Teaduste Akadeemia kirjavahetajaliige üldajaloo magister Vassili Eduardovitš Regel, üldajaloo magister Mitrofan Vassilijevitš Bretškevitš ja üldajaloo magister Pavel Vladimirovitš Bezobrazov, ükski kandidaatidest teaduskonnas nõutavat hääleteenamust ei saanud. 7. detsembril 1912 toimus hääletamine ülikooli nõukogus, kus kahekümne poolt ja kaheteistkümne vastu häälega valiti üldajaloo professoriks J. Tarle.²³ Nende valimiste keerdkäike on kirjeldatud rektori kirjas õpperingkonna kuraatorile 12. jaanuarist 1913, mis lõpeb taotlusega kinnitada seoses professor Jassinski lahkumisega vakantseks jäänud üldajaloo professuurile erakorraliseks professoriks üldajaloo doktor Tarle. Ja alles 13. mail 1913. a teatas Haridusministeerium Riia õpperingkonna kuraatorile, et “22 aprillist on /.../ Peterburi Ülikooli eradotsent /.../ üldajaloo doktor kolleegiuminõunik Tarle määratud Keiserliku Jurjevi Ülikooli üldajaloo õppetooli erakorraliseks professoriks.”²⁴

Nende valimiste puhul võib täheldada kõige pealt Tartu Ülikooli professuuri akadeemilisi eelistusi: üldajaloo doktor saavutas võidu Teaduste Akadeemia kirjavahetajaliikme, kuid ainult üldajaloo magistri, samuti veel kahe üldajaloo magistri ees. Samas ei eelistatud oma meest — Tartu Ülikooli eradotsenti M. Bretškevitšit — võõrale, kaalusid siiski üle Tarle teadustööde maht ja rahvusvaheline tunnustus. Sellega Tarle Tartusse tulek purustas potentsiaalset, alles kujunevat kohaliku ajalooteaduse koolkonda, lükates selle väljakujunemist edasi. Ei pääsenud valimiste tulemusena (valimiste käigus ilmnemine küll!) võidule ka poliitilised asjaolud: Tarle revolutsiooniline minevik ja aktiivsus ühes pedagoogilise töö keeluga aastatel 1900–1902²⁵ ei takistanud tal kokkuvõttes valimistel võitu saavutada. Vaatamata doktorikraadile ei saanud Tarle korraliseks professoriks enne 13. detsembrist 1916. a.²⁶ See leidis aset alles pärast korduvaid taotlusi ja pikkajalist, osalt ka salajast, kirjavahetust.²⁷

Tarle valimine Tartu Ülikooli professori kohale sai ootamatu ühiskondliku resonantsi osaliseks: hakkasid levima teda kompromiteerivad kuulujutud. Seoses sellega Tarle kirjutas 13. septembril 1913 kuulsale Peterburi medievistile Ivan Mihhailovitš Grevsile: “/.../ Akadeemilistes ringkondades levitab keegi kuulujutte, et ma “ütlesin oma vaadetest lahti” jms. laimu.”²⁸ Tarle püüdis ümber lükata lahtipääsenud kuulujutte, nagu oleks ta Jurjevi professuuri saamise nimel pidanud oma veendumusi reetma. 18. septembril 1913 kirjutas ta kuulsale ja autoriteetsele ajaloolasele Nikolai Ivanovitš Karejevile, kes oli olnud

²² EAA, 384–1–3421. L 1.

²³ EAA, 384–1–3421. L 1pd.

²⁴ *Ibid.*, L 9; vt ka 402–3–1633. L 1.

²⁵ EAA, 384–1–3421. L 13pd.

²⁶ *Ibid.* L 39.

²⁷ *Ibid.* L 27–28, 30, 33–34; 402–3–1633. L 2, 3.

²⁸ Tsitaat teosest: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк. С. LXXIX.

üheks tema doktoritöö oponendiks: “/.../. Mitte ainult mina ei ole kunagi lahti öelnud oma tõekspidamistest ja oma minevikust, vaid keegi pole kunagi sellise nõudmise või ettepanekuga minu poole ka pöördunud, ka pole keegi minuga minu poliitilistest tõekspidamistest juttu teinud, pole minult mingit “täieliku” või ebatäieliku alandlikkust nõudnud /.../. Palun teavitada selle kirja sisust neid, keda Teie õigeks peate ja üldse seda võimalikult laialdaselt avalikustada nendes ringkondades, kus see laim võib levida”.²⁹

Pärast Tartu Ülikooli professoriks valimist ei katkestanud Tarle oma sidemeid Peterburiga. Ta oli jätkuvalt Peterburi Ülikooli eradotsent ja õpetas ka naiskursustel. Tartus korraldas Tarle elu oma eelkäija professor A. Vassiljevi eeskujul järgi. Kuid kui Vassiljev käis Tartust Peterburi, siis Tarle veetis põhilise osa ajast Peterburis, käies Tartus ainult kaheks päevaks nädalas: tema loengud olid määratud reedele ja laupäevale, vastuvõtt — loengu päevadel,³⁰ mis lubaski tal alguses enamuse ajast veeta Peterburis. Hiljem, revolutsiooni päevil, seadis ta ennast Tartusse põhjalikumalt sisse. On teada kaks Tarle aadressi Tartus: Soola 1 (1913–1914, 1916) ja Päeva 1 (1915).³¹

Tartu periood Tarle elus langes kokku tema loomingulise aktiivsuse kõrgperioodiga. Veel enne siia tulekut, 27 aprillil 1911, kaitses Tarle Peterburi Ülikoolis oma doktoritööd teemal “Töölisklass Prantsusmaal revolutsiooni ajal”, milles ta järeldas, et tööstusrevolutsioon ei olnud siis Prantsusmaal veel toimunud, tööstustehnika oli väga madalal tasemel ning töölised revolutsioonis iseseisvat rolli ei etendanud. Omal ajal kutsusid need järeldused välja vastuväiteid, kuid tänapäeval on uurijad nendega päri.³²

Tartusse tuleku ajaks töötas Tarle aga juba uue uurimistemaatika kallal, olles pöördunud majandusajaloo ja rahvusvaheliste suhete ajaloo probleemide poole, säilitades küll ka endiselt huvi sotsiaalaialoo vastu. Juba 1912. aastal ilmus talt artikkel “Prantsusmaa ja Venemaa vahelised majandussuhted Napoleon I ajal”,³³ mis sisaldas järgmisel aastal ilmunud “Kontinentaalblokaadi”³⁴ omamoodi programmi. Tarle kuulus monograafia “Kontinentaalblokaad” ilmus 1913. aastal Moskvast ja on pühendatud Prantsuse tööstus- ja väliskaubandusajaloole Napoleon I ajal. Jätkates uurimistööd selles valdkonnas kavatses Tarle

²⁹ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. Москва: Наука, 1981. С. 200.

³⁰ Личный состав Императорского Юрьевского университета. 1913. Юрьев, 1913. С. 8; Личный состав... 1914. Юрьев, 1914. С. 9; Личный состав ... 1915. Юрьев, 1915. С. 8; Личный состав... 1916. Юрьев, 1916. С. 8.

³¹ *Ibid.*

³² Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк. С. LXXVI.

³³ Тарле Е. В. Экономические отношения Франции и России при Наполеоне I // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. Серия. 1912. Ч. 42. № 11. С. 54–93.

³⁴ Тарле Е. В. Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. С приложением неизданных документов. Москва: Задруга, 1913. 739 с.

ka välja anda terve rea uurimusi kontinentaalblokaadi mõjust Euroopa maade majandusele.³⁵

Tarle tööde bibliograafia aastatel 1913–1918 sisaldab 48 nimetust — monograafiaid, artiklite ja dokumentide kogumiku, retsensioone, eri ajastute dokumentide publikatsioone ja suurel hulgal teadus- ja publitsistlikke artikleid.³⁶ Tarle looming on pälvinud väga laialdase hinnangute spektri.³⁷ Tema puhul märgitakse liberaalset hoiakut, teda seostatakse vene liberaalse historiograafiaga,³⁸ aga rõhutatakse ka seost Peterburi ajalookoolkonnaga.³⁹ Tarle vaadetes ja seisukohtades 1905. a ja 1917. a revolutsioonide vahel nähakse tänapäeval tugevat positivismi mõju,⁴⁰ mis oli omane “vene ajalookoolkonnale”,⁴¹ mille rüpes on toimunud ka Tarle teadlaseks kujunemine.⁴² “Igal juhul see seos *école russe*’ traditsiooniga on järjekindlam ja selgem, kui viitamine kaasaegsetele mõjudele, mis ei ole küll välistatavad, aga ei ole ka täpselt tõendatavad”,⁴³ kuigi märkimata ei jää ka, et ta “kaldus “legaalsete marksistide” rühmituse poole /.../ ja oli tänuvõlgu siin omandatud revisionistlike ideede olulistele impulssidele”.⁴⁴

³⁵ Vt. näit.: Тарле Е. В. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. С приложением неизданных документов. Юрьев: К. Маттисен, 1916. X, 532 с. (Континентальная блокада, II). (Учен. Зап. Имп. Юрьевского Ун-та. 1916. № 1, 4.); Tarle, Eugen. Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen zur napoleonischen Zeit // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. 38. Jahrgang. Zweites Heft. München und Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1914. S. 143–202.

³⁶ Евгений Викторович Тарле. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. С. 30–34. (Материалы к библиографии ученых СССР. Серия история. Вып. 3.)

³⁷ Vt. näit.: Троицкий Н. А. С. 532.

³⁸ Мягков Г. П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Издательство Казанского университета, 1988. С. 14.; Helme, R. C. M. Talleyrand’ist ja J. Tarlest // J. Tarle. Talleyrand. Tallinn: Olion, 1993. Lk 4.

³⁹ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 108; Anan’ich, B., Paneiakh, V. The St. Petersburg school of history and its fate // Historiography of Imperial Russia: the professsion and writinfg of history in a multinational state / edited by Thomas Sanders. New York; London: M. E. Sharpe, 1999. P. 149, 151.

⁴⁰ Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... С. 53.

⁴¹ Мягков Г. П. С. 114–115.

⁴² Hösch, E. S. 16.; Мягков Г. П. С. 14; Погодин С. Н. [Рец.] Е. И. Чапкевич. *Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел. Полигр.-изд. Предприятие «Орел». 1994. 189 с.; Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С.-Петербург. Изд-во “Дмитрий Буланин». 1995. 144 с. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 169. Тырсенко А. В. Тарле Евгений Викторович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Москва: Издательство Московского университета; Издательство РОССПЭН, 2004. С. 448.*

⁴³ Hösch, E. S. 67–68.

⁴⁴ *Ibid.*, S. 47.

Ka Itaalia ajaloolane Franco Venturi ütles oma veel 1956. a Tarle kohta kirjutatud töös: “19. sajandi lõpu “revisionismist” inspireeritud ajalugu.”⁴⁵ Kaasaegsete hinnangu Tarle tööle leiame aga Tartu Ülikooli rektori poolt 19. septembril 1916 Riia õpperingkonna kuraatorile esitatud taotluses Tarle korraliseks professoriks määramise kohta. Selles öeldakse, et “professor J. Tarle on üks kõige intensiivsemalt töötavaid, produktiivsemaid ja andekamaid uurijaid. Peale doktoritöö kaitsmist /.../ on ta avaldanud kolm teadustööd: 1) «*L’industrie rurale en France vers la fin de l’ancien régime*», 150 lk., 2) 1913 a Kontinentaalblokaad. Kd. I /.../, ja 3) Kontinentaalblokaad. Kd. II /.../.

Neist esimese teadusliku väärtuse objektiivseks näitajaks on asjaolu, et selle avaldamise võttis enda peale Prantsusmaa Haridusministeerium. See töö ilmus kuulsas sarjas: *Bibliothèque de l’histoire moderne*. Paris, 1911.

Kaht järgmist on teaduskriitika üksmeelselt tunnistanud kui Euroopa historiograafias esimest Prantsusmaa ja Itaalia kontinentaalblokaadi aegse majandusajaloo uurimust, mille väärtus seisneb kasutatud arhiivimaterjali uudsuses ja täielikkuses, teadusliku meetodi ranguses ja saadud järelduste produktiivsuses.”⁴⁶ Samas on kõrgelt hinnatud ka tema õppejõu meisterlikkust ja märgitud, et tema auditoorium on tavaliselt tulvil täis Ajaloo-Keele- ja Õigusteaduskonna üliõpilasi.

Algul pidas Tarle nädalas 4 tundi loenguid (üldkursus) ja 2 tundi oli ette nähtud praktikumidele, mis olid pühendatud prantsuse-vene suhetele Napoleon I ajal.⁴⁷ Kuid juba 1914. a. sügissemestrist jaotati koormus ümber ja üldkursuse kahe tunni kõrval luges ta algul (1914–1915) Inglismaa ajalugu 16–18. sajandil⁴⁸ ja hiljem (1916–1917) Prantsuse revolutsiooni ajalugu ja Euroopa ajalugu Prantsuse revolutsiooni ajal.⁴⁹ Seega luges Tarle esimese maailmasõja ajal erikursuste raames Venemaa liitlaste ajalugu. Taoline temaatika nendel ärevatel aegadel oli muidugi väga populaarne ja see soodustas veelgi tema üliõpilasauditooriumi suuruse kasvu.

Akadeemik Hans Kruus, kes oli aastast 1914 Ajaloo-Keeleteaduskonna üliõpilane, meenutas: “Teine loengutsükel, mida otsustasin esimesel semestril kuula-

⁴⁵ Venturi, F. Evgenij Viktorovic Tarle // Rivista Storica Italiana. Anno XVIII. Fascicolo II. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, MCMLVI. P. 196.

⁴⁶ EAA, 384–1–3421. L 33 pd-34.

⁴⁷ Обзорение лекций в Императорском Юрьевском университете. 1913 г. II семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1913. С. 11; Обзорение лекций... 1914 г. I семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1914. С. 11; EAA, 402–4–1479. L 85; 402–4–1489. L 45.

⁴⁸ Обзорение лекций... 1914 г. II семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1914. С. 10; Обзорение лекций... 1915 г. I семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1915. С. 11; Обзорение лекций... 1915 г. II семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1915. С. 11; EAA, 402–4–1501. L 93; 402–4–1502. L 95.

⁴⁹ Обзорение лекций... 1917 г. I семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1917. С. 10; Обзорение лекций... 1918 г. I семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1918. С. 9; EAA, 402–4–1516. L 62; 402–4–1517. L 56 pd.

ta, oli professor Jevgeni Tarlett. Ta luges sel poolaastal Suure Prantsuse revolutsiooni ajalugu (nagu järgmistelgi semestritel). Kuulsin vanematelt üliõpilastelt temast kui hiilgavast lektorist, sädelevast, suure veenmisvõimega oraatorist. Juba esimesel Tarle loengul sai mulle selgeks, et selline iseloomustus ja hinnang selle professori kohta on kõigiti paikapidav.

Professor Tarle kuju ja käituminegi mõjusid isepäraselt. Tema mõnevõrra lihavat nägu ja laia otsmikku kroonis tihe, peaaegu must, ülespoole soetud juuksepahmak. Professori elavad mõttlikud silmad olid alati liikuvad, kui tema paksuvõitu huultelt voolas lakkamatu sõnajuga, esitades uusi fakte, haaravalt maalitud pilte ja lühikesi kirjeldusi ning üllatavaid mõtisklusi. Loengut pidades hoidis Tarle alati ühes käes valget väikeseformaadilist paberilehte. Kuigi ta vahetevahel pilgu sellele heitis, polnud siiski märgata, et ta sealt midagi oleks lugenud. Paaril korral unustas professor loengult lahkudes käeshoitud paberilehe kantslisse. Siis selgus, et see leht oli täiesti puhas, ilma ühtegi märkusetal!⁵⁰ Ka 1913. a sügissemestril Tartus Tarlet kuulunud tulevane Tartu Ülikooli professor Peeter Tarvel “ühes hilisemas elulookirjelduses märgib /.../ Tartu õppejõududest ainukesena Jevgeni Tarle nime.”⁵¹

Praktikumide temaatika — Napoleoni sõdade aegsed rahvusvahelised suhted — demonstreeris aga Tarle võetud uut uurimissuunda, nimelt huvi rahvusvaheliste suhete ajaloo vastu, mis tulevikus sai üheks tema põhiliseks uurimisvaldkonnaks ja tõi talle suurt tunnustust. Praktikumidel tegeleti ka erinevate ajaloo ja majandusteooriate analüüsiga (näit füsiokraadid⁵²). Seega tundis ta endiselt huvi ühiskondlik-poliitilise mõtte ajaloo vastu, mis oli omane talle juba üliõpilaspõlves. Seda kinnitavad ka tema poolt täidetud ülikooli raamatukogule ostmiseks soovitatud kirjanduse tellimisedelid, mis on säilinud Tartu Ülikooli raamatukogu käsikirjade osakonnas: näiteks, soovitas ta ülikooli raamatukogule tellida 1914 a Ed. Fux'i *Иллюстрированная история нравов*; V. M. Hvastovi *Теория исторического процесса* (ilmunud Moskvast 1914); Ruffini raamatut *Религиозная свобода*.⁵³

Hans Kruusi mälestustes on jäädvustatud ka Tarlega praktikumi ajal juhtunud kurioosne intsident: “Nii hiilgav ja võluv kui Tarle lektorina oli, hakkas mul ometi juba esimese semestri keskpaiku tekkima kahtlusi tema kui üliõpilaste praktiliste tööde juhendaja suhtes. Huvitusin oma lemmikuks kujuneva professori seminarist, millest võtsid osa vanemad üliõpilased. Küllastasin seminariistungit, kus parajasti arutati minu tuttava üliõpilase O. Mälgu tööd Suurest Prantsuse revolutsioonist. Teadsin, et autor, endine Tartu Õpetajate Seminari kasvandik ja pärastine rahvakooliõpetaja, oli aus töömees, kes oli selle referaadi koostamisel palju vaeva näinud. Tundsin huvi, kuidas töö oli

⁵⁰ Kruus, H. Ajaratta uutes ringides. Mälestusi 1907–19017. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. Lk 136.

⁵¹ Kivimäe, J. Peeter Tarveli elu ja töö I // Akadeemia. 1989. Nr. 9. Lk 1917.

⁵² Обзорение лекций... 1914 г. II семестр. Юрьев: К. Маттисен, 1914. С. 10.

⁵³ TÜR KHO, 4–1–862. L 302, 305, 309.

õnnestunud. Pealegi võis Tarle seminari külastamine olla õpetlik seks puhuks, kui kord endal tuleb sellest osa võtta.

Kaks professori poolt määratud oponenti norisid O. Mälgu umbes 50–60-leheküljelise töö kallal nii, kuidas vaja, ja nii, kuidas igaühe nökk võimaldas. Referent pareeris vastuväited arukalt ja edukalt. Mõlemad oponendid tunnistasid töö õnnestunuks. Nüüd tuli professori kord öelda oma sõna. Siis juhtus aga midagi üsna veidrat. Tarle asus lahkama üht väidet, mis oli Mälgu seminaritöös umbes 10. leheküljel, ja noomis autori põhjalikult läbi. Mälk kuulas professori tiraade ilmse ükskõiksusega. Ja kui need olid lõppenud, vastas ta suurimas rahus tsitaadiga N. Gogoli “Revidendist”: “Aleksander Suur oli suur inimene. No kas maksab sel puhul toole purustada?!” Tarle ajas silmad punni ja jäi sõnatult üliõpilasele otsa vahtima. Lugu lõppes professori armetu lüüasaamisega. Selgus, et üliõpilane Mälk oli oma seminaritöö 10. leheküljel ainult refereerinud kellegi autori teost, selle seisukohti omaks võtmata, ja neid koguni kritiseerinud, oma töö 15. leheküljel aga püüdnud need lõplikult kummutada. Et Tarle seda polnud märganud, tuli sellest, et ta tudengi töö lugemisega polnud 15. leheküljeni jõudnudki. Vastu seina surutud professor oli sunnitud seda tunnistama, vabandades oma lohakust ajapuudusega. Vanemad üliõpilased teadsid kõnelda veel mitmest anekdootlikust faktist, mis andsid tunnistust Tarle lohakusest õppetöös. Muidugi ei tulnud see silmapaistva professori, suure sõna- ja stiilimeistri autori-teedile kasuks.

Too vahejuhtum üliõpilaste seminaris süvendas minus juba varem tärganud kriitilist suhtumist professor Tarlesse kui lektorisse. Üha kiusavamaks sai kahtlus, kas pole nii mõndagi sõnaosava professori loenguteski savist jalgadel, nagu see sai avalikuks lausa skandaalselt tema esinemises O. Mälgu referaadi puhul. Ja mulle tundus nii mõnigi kord, et Tarle oma väliselt hiilgavas ettekandes, selle asemel et käsitledava probleemi puhul teostada vajalikku sügavküündi, lihtsalt äestas selle siledaks oma ilukõnega.

Pärastpoole need kriitilised meeleolud siiski lahtusid.”⁵⁴

Üliõpilastööde analüüs ja nende hindamine oli üks professori õppetegevuse tahkudest: Ajalooarhiivis on säilinud nii lühemaid, üliõpilastööde endi peale kantud Tarle resolutsioone,⁵⁵ kui ka pikemaid arvamusi kandidaaditööde kohta.⁵⁶

Hans Kruusi kõrval olid Tarle õpilasteks Tartu Ülikoolis ka sellised nimekad eesti ajaloolased nagu tulevane Tartu Ülikooli professor ja akadeemik Hendrik Sepp, tulevane Tartu Ülikooli professor Peeter Tarvel (kes pärast seda jätkas oma õpinguid ka Petrogradi Ülikoolis), samuti tulevane Tartu Ülikooli dotsent August Sildnik. 1921. aastal Tartu Ülikoolis kaitstud kandidaaditöös,⁵⁷ mis oli

⁵⁴ Kruus, H. Lk. 137–138.

⁵⁵ EAA, 402–1–31458. L 34; 402–1–15992. L 45.

⁵⁶ EAA, 402–1–7903. L 131; 402–1–9746. L 32; 402–1–3827. L 136.

⁵⁷ Kivimäe, J. Peeter Tarveli elu ja töö I // Akadeemia. 1989. Nr. 9. Lk 1924–1925; Kivimäe, J. Peeter Tarveli elu ja töö II // Akadeemia. 1990. Nr. 1. Lk 90–91.

pühendatud jakobiinide ideoloogia historiograafiale, pühendas Peeter Tarvel, kõrvuti Mignet', Buchez', Louis Blanc'i, Sybel'i, Tocqueville'i, Taine'i, Sorel'i, Aulard'i ja Kropotkini vaadete analüüsi peatükkidega, omaette peatükki ka Tarle esitatud jakobiinide majanduspoliitika mõjule Prantsusmaa töölisklassi olukorrale Suure Prantsuse revolutsiooni ajal.⁵⁸ Tartus Tarle juures õppinud üliõpilastest, kes jätsid ajalooteadusse märgatava jälje, võiks nimetada veel ka bütsantinisti, hilisemat ajaloodoktorit ja Uurali Ülikooli professorit Mihhail Jakovlevitš Sjuzjumovit.

Kuid eri aegadel oli Tarle aktiivsus Tartus erinev. Ajaloo-Keeleteaduskonna istungite protokollide⁵⁹ järgi 1914. aasta sügissemestril võttis ta, näiteks, teaduskonna istungitest osa vaid ühel korral (4. detsembril 1914), puudus aga 7 korral. Kogu 1915. aasta jooksul osales ta teaduskonna istungitel vaid 4 korral, puudus 8 korral, 1916. aastal oli ta kohal 4 korral, puudus — 8 korral, kuid 1917 aastal, kus ta oli juba korraline professor, hakkas pilt muutuma: ta oli kohal juba 7 korral ja puudus sama palju. 1918. aastal aga, ainult kevadsemestri jooksul, oli ta kohal kõigil 10 korral.⁶⁰ Siit näeme ka, et aastatel 1917–1918 muutus Tarle püsivamaks tartlaseks. Ka ülikooli raamatukogu värskete ajakirjade laenutusžurnaal kinnitab seda — Tartus hakkas ta lugema värsked ajakirju *Русская мысль*, *Русская свобода*, *Старые годы*, *Русский Библиофил*, *Исторические Известия*, *Голос минувшего*.⁶¹ 3. märtsil 1917 esines ta Tartus tsaarivalitsuse kukutamisest teate saabumise peale organiseeritud miitingul.⁶²

Tartust saadeti Tarle 1913. aastal IV rahvusvahelise ajalookongressi ettevalmistusnõupidamisele Peterburi. 1914. aastal esindas ta Tartu Ülikooli oma õpetaja Kiievi Ülikooli professor Ivan Vassiljevits Lutsitski 50. tööjuubeli pidustustel.⁶³ Endiselt püüdis ta pääseda arhiivimaterjalide juurde. Pärast sõja algust, oktoobris 1914, taotles ta luba tutvuda Välisministeeriumi arhiivis Vene-maa ja Preisimaa vaheliste suhete kohta 1814–1870 käivate dokumentidega.⁶⁴ Tartus aga taotles ta koos üldajaloo õppetooli magistrandiga eradotsent German Andrejevits Zamjatiniga⁶⁵ 1917. aasta septembris töö võimaldamist De la

⁵⁸ Tarvel (Treiberg), P. Jakobiinid ja jakobinism tähtsamate Prantsuse revolutsiooni uurijate valgustusel. Kandidaadi töö. Tartu, 1920. Lk 271–280. (Käskikirj TÜR-s: Diss. Tart. 272 224.) Kandidaaditöö põhjal kirjutatud artiklis J. V. Tarlele pühendatud osa ei olnud avaldatud. Vt.: Tarvel (Treiberg), P. Prantsuse revolutsiooni historiograafia ülevaade // Ajalooline Ajakiri. 1925. Nr 1, lk 24–36; nr 3, lk 102–116; nr 4, lk 148–160.

⁵⁹ EAA, 402–9–544. 200 l.

⁶⁰ *Ibid.*, 402–9–544. L 179pd-200.

⁶¹ TÜR KHO, 4–1–990. L 8pd, 13pd, 20, 21.

⁶² Tartu ülikooli ajalugu. Tallinn, 1982. Kd. 2: 1798–1918. Lk. 315.

⁶³ Лосиевский И. Я. С. 201.

⁶⁴ EAA, 402–9–544. L 162pd.

⁶⁵ Dubjeva, L. G. A. Zamjatin (1882–1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Festschrift für Helmut Piirimäe zum 75. Geburtstag. Hg. von Mati Laur und Enn Küng in Verbindung mit Stig Örjan Ohlsson. Tartu: Akadeemiline Ajalooselts, 2005. S. 502–521. (Nordistica Tartuensia; 13.)

Gardie arhiivi dokumentidega. Taotlust arutati Ajaloo-Keeleteaduskonna 21. septembri istungil.⁶⁶ Evakueeritutena olid need dokumendid sel hetkel hoiul Arheograafia Komisjonis Petrogradis, kuhu raamatukoguhoidja vanemabi eradotsent G. Zamjatin komandeeritigi 23. septembril täitmaks seda taotlust. Zamjatin toimetas need dokumendid Tartusse 29. septembriks. Kuid juba 3. oktoobril Zamjatin uuesti komandeeritakse Petrogradi, et tagastada need De la Gardie arhiivi materjalid Arheograafia Komisjoni. Dokumentide nii kiire tagastamise vajadust põhjendas Tarle Petrogradist 30. septembril ülikooli valitsusele saadetud kirjas,⁶⁷ mis saabus Tartusse just 3. oktoobril ja mille peale need De la Gardie arhiivi materjalid viiaksegi Arheograafia Komisjoni tagasi. Kirjast selgub, et neid kolme De la Gardie arhiivi köidet vajasid Tartus oma tööks nii Tarle, kui ka Zamjatin, kes oli sel hetkel lõpetamas oma 17. sajandi alguse vene-rootsi suhetele pühendatud magistritööd, kus ta neid dokumente kasutas. Tarle kirjutas: “Äkitselt halvenenud üldine strateegiline olukord (peale vaenlase dessanterimist Saaremaale ja Hiiumaale) võib oluliselt raskendada ülikooli vara evakueerimist Tartust”.⁶⁸ Seepärast pidas Tarle hädavajalikuks tagastada need De la Gardie arhiivi köited viivitamatult Arheograafia Komisjoni Petrogradis ja võttis transpordi kulud enda kanda. Kirja toon oli väga pealetungiv ja murelik, ja professori nõue täidetigi kohe.⁶⁹ Selgusetuks jääb vaid mil määral jõudis Tarle tegelikult tutvuda nende materjalidega,⁷⁰ sest oma postuumselt ilmunud Põhjasõjale pühendatud raamatus ta küll suunas vene-rootsi suhete ajaloost huvitatud lugejat teiste hulgas ka De la Gardie kogu juurde,⁷¹ aga avaldas ka kahetsust, et seni on jäänud avaldamata De la Gardie arhiivi uurinud G. Zamjatinini töö.⁷² Tartus valminud Zamjatinini magistritöö oponendiks oli Tarle määratud veel 1918. aasta kevadsemestril, kuid, vaatamata sellele, et see töö oli kaitsmisele lubatud,⁷³ ülikooli evakuaatsiooni tõttu Voronežisse ja samuti kodusõja sündmuste tõttu kaitsmine lükkus edasi ja toimus seal alles 29. detsembril 1921 aastal, kus Tarle, asudes juba Petrogradis, Zamjatinini magistritöö kaitsmisest ei osalenud.⁷⁴ Küll on aga akadeemik J. Tarle isikufondis Venemaa Teaduste Akadeemia arhiivis Moskvas säilinud eksempl-

⁶⁶ EAA, 402–5–1591. L 288, 295–298.

⁶⁷ *Ibid.*, 402–5–1591. L 299.

⁶⁸ *Ibid.*

⁶⁹ *Ibid.*, L 300.

⁷⁰ Vrdl: “Eriti palju aega veedab ta siin [Tartus — L. D.] 1917. a sügisel, töötades De la Gardie arhiivis.” - Лосиевский И. Я. С. 202–203. Vrdl ka: Лосиевский И. Я. С. 201.

⁷¹ Tarle E. B. Северная война и шведское нашествие на Россию. Москва: Соцэргиз, 1958. С. 13. Tarle E. B. Сочинения. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т. X. С. 371, 816.

⁷² Tarle E. B. Сочинения. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т. X. С. 816.

⁷³ EAA, 402–9–544. L 195; 402–3–637. L 3.

⁷⁴ Venemaa Riigiraamatukogu Käsikirjade osakond. Fond 618. Замятин Герман Андреевич. Karton 2. S. 2. L 1; Karton 9. S. 4. L 26–27.

lar.⁷⁵ Zamjatini doktoritööst, mille kaitsmisel 14. juunil 1943 Moskva Ülikoolis Tarle siiski esines oponendina ja mille avaldamist ta ka soovitas.⁷⁶

Tarle aktiivne osavõtt ülikooli elus 1918. aasta kevadel väljendus ka selles, et 3. märtsil koos bütsantinisti professor V. Regeliga esines ta initsiatiiviga luua Ajaloo-keeleteaduskonna juures Bütsantsi ajaloo õppetool.⁷⁷ Teaduskond ühel häälel nõustus professorite Regeli ja Tarle ettepanekuga ja otsustas edastada see ülikooli Nõukogusse.⁷⁸ Samal ajal tegid Regel ja Tarle ettepaneku esitada loodava Bütsantsi ajaloo õppetooli professoriks värskelt magistritööd kaitsnud dotsent Pjotr Aleksandrovitš Jakovenkot.⁷⁹ Teaduskonnas läbiviidud hääletamise tulemusena Jakovenko osutus valituks ka ühehäälselt.⁸⁰ Kuid kõik see toimus saksa vägede poolt okupeeritud Tartus, kus okupatsiooni võimude poolt võeti ette kõik meetmed ülikooli peatseks sulgemiseks.⁸¹ Seetõttu 8. märtsil 1918 ülikooli Nõukogu valis dotsent Jakovenkot üldajaloo õppetooli erakorraliseks professoriks ja Bütsantsi ajaloo õppetooli moodustamist ei toimunud,⁸² kuid see initsiatiiv näitas nii bütsantinistika tähtsust ajalooteaduse arengus Tartu Ülikoolis sellel perioodil, kui ka Tarle hinnangut selle osatähtsusele siin.

Tarle patriootilist positsiooni, millele ta oli asunud Esimese maailmasõja puhkemisest peale, on täheldanud mitmed uurijad.⁸³ Hans Kruus on meenutanud Tarle esinemist kohe peale maailmasõja algust: "Semestri algupoole oli mul juhus kuulata professor Tarlet ka ülikooli aulas, kus ta esines rektoraadi poolt seoses sõjaga korraldatud pidulikul "patriootilisel" kokkutulekul. Sõnavõtte oli mitmelt ülikooli paremalt kõnemehelt. Tarle ületas neid kõiki. Tema kõnest jäi kõlama väide: Venemaa on niisama võitmatu, nagu ta oli seda Napoleon I sissetungi ajal. Autori peaaugmendiks oli Venemaa tohutu territoorium."⁸⁴ Samast vaimust on kantud ka Tarle kirjad professor Vladimir Emmanuilovitš

⁷⁵ Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века. Молотов, 1940. 468 с. (Masinakiri, köidetud.) Venemaa Teaduste Akadeemia Arhiiv (Moskva), 627–5–44.

⁷⁶ Москаленко А. Е., Степанова С. В. О научном наследии профессора ВГУ Г. А. Замятина (1882–1953) // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972. С. 174. Venemaa Riigiraamatukogu Käsikirjade osakond. Fond 618. Замятин Герман Андреевич. Karton 9. S. 5. L 1pd, 5.

⁷⁷ EAA, 402–4–1530. L 108pd–109; 402–9–544. L 190.

⁷⁸ EAA, 402–9–544. L 191.

⁷⁹ Dubjeva, L. Üliõpilasest professoriks: Pjotr Jakovenko Jurjevi Ülikoolis // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Vihik XXXIII. Tartu, 2004. Lk 162–163.

⁸⁰ EAA, 402–9–544. L 190pd–191.

⁸¹ Сент-Илер К. К истории Воронежского университета. 1. История последних дней русского Юрьевского университета // Труды Воронежского государственного университета. Т. 1. Воронеж, 1925. С. 370–373.

⁸² EAA, 402–3–2048. L 12; 402–4–1530. L 109pd–110.

⁸³ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк. С. LXXX–LXXXII. Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... С. 61–62. F. Venturi räägib "professorlikust natsionalismist" (Venturi, F. P. 203).

⁸⁴ Kruus, Hans. Lk 136–137.

Grabarile 12. septembrist ja 8 oktoobrist 1914,⁸⁵ mis olid saadetud Sõjavägede Ülemjuhataja Peakorterisse, kus prof Grabar oli rahvusvahelise õiguse spetsialistina ajavahemikul 15. augustist 1914 kuni 5. maini 1915 juriskonsuldiks,⁸⁶ lootuses, et kolleegina aitab Grabar selgitada Tarle saksa vangi langenud venna arst A. Tarle saatust. Tarle isamaakaitsmismeelsed positsioonid ei jäänud märkamata: arvatakse, et just need aitasid tal saada ammuoodatud korralise professori koha.⁸⁷

25. oktoobril 1917 viibis Tarle Tartus, võttes osa Ajaloo-Keeleteaduskonna nõukogu istungist, mida tõestab ka tema allkiri.⁸⁸ Päev varem, 24. oktoobril, laenutas Tarle ülikooli raamatukogust ajakirja *Русская мысль* kõige värskema numbriga — 1917. aasta nr 7/8, mille ta tagastas küll alles 13. detsembril.⁸⁹

Aastatel 1917–1918 jätkus Tarle koostöö Petrogradi ajakirjandusega, eriti aktiivne oli kaastöö ajalehtedele, kuid revolutsiooni tervitavat tooni asendasid neis kirjutistes peagi pessimistlikud meeleolud. Näiteks, Tarle 21. detsembril 1917 parempoolsete menševike ajalehes *День* antud päevapoliitilise situatsiooni analüüs on vappustav ajaloolise prognoosi võime poolest: “Meie jaoks kaotatud sõda (Esimene maailmasõda — L. D.) /.../ on, arvatavasti, esimene nende konfliktide seerias /.../, mis jätkuvad ka tulevikus Saksa ja Inglise suurriikide grupeeringute vahel /.../. Lähimatel aastatel toimuvad Venemaal veel suuremad vapustused /.../. Nii meie, kui ka kogu Euroopa seisame mitte kiirgava kevade, vaid pikka polaaröö ees.”⁹⁰

Täpsustamist vajab Tarle Tartust lahkumise aeg. Selleks on peetud 1918. aasta veebruarit⁹¹ või laiemalt 1918. aasta kevadet.⁹² Moskva Ülikooli, kus Tarle oli Ajalooteaduskonna professoriks aa 1945–1955, 250. juubeliks väljaantud ühes biograafialeksikonis on Tarle Tartu professuuri ajaks märgitud koguni aastad 1913–1917.⁹³ Nagu nähtub Tartu Ülikooli Ajaloo-Keeleteaduskonna istungite protokollidest, oli Tarle 1918. aasta kevadsemestril kohal 10 korral, pole kordagi puudujaks märgitud ja osales ka viimasel istungil 28. mail.⁹⁴ Kohalolekut kinnitavad tema allkirjad. Ka on 31. mail Tartu Ülikooli

⁸⁵ TÜR KHO, f. 38, sü. 345. L 1–4.

⁸⁶ TÜR KHO, f. 38, sü. 50. L 32–34.

⁸⁷ Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... С. 62.

⁸⁸ ЕАА, 402-9-544. L 167–169pd.

⁸⁹ TÜR KHO, 4-1-990. L 20.

⁹⁰ Tsitaat teosest: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк. С. LXXXIV-LXXXV.

⁹¹ Лосиевский И. Я. С. 203; Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... С. 64.

⁹² Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк. С. LXXX.

⁹³ Ученые Московского университета — действительные члены и члены-корреспонденты Российской академии наук (1755–2004). Биографический словарь / Автор-составитель Ю. М. Канцур. Москва: Изд-во МГУ, 2004. С. 400.

⁹⁴ ЕАА, 402-9-544. L 179pd-200.

Nõukogu eraviisilise⁹⁵ nõupidamise protokollis (okupatsiooni võimude poolt juba suletud ülikooli Nõukogu ei saanud korraldada enam ametliku istungit) professor Tarle märgitud kui kohalviibija.⁹⁶

Ajalooarhiivi toimik, mis sisaldab loetelu evakuatsiooni kaasa võetud isikutoimikutest,⁹⁷ on dateeritud 3. juuniga 1918. Loetelu ise, kus on mainitud ka Tarle isikutoimikut, on dateeritud 8. juuniga 1918.⁹⁸ Selles toimikus on aga veel üks dateerimata saksakeelne nimekiri ülikooli rektori professor Vissarion Grigorjevitš Aleksejevi allkirjaga, milles teavitatakse saksa okupatsiooni võime Tartus hetkel viibivatest õppejõududest (*«welche sich gegenwärtig in Jurjew befinden»*), kelle hulgas oli mainitud ka Tarle.⁹⁹

Professor Konstantin Karlovitš Saint-Hilaire artiklis, mis on pühendatud vene Jurjevi Ülikooli viimastele päevadele, on juuli alguses (4. ja 8. juuli sündmuste kirjelduse vahel) kujunenud olukorra iseloomustuse juures juttu ka Tarle ärasõidust, mis on aga täpsemalt dateerimata: “Ettevalmistused ärasõiduks venisid väga pikaks /.../. Reale Venemaale sõitvale isikule anti ülesandeks selgitada olukorda kohapeal /.../. Taolised ülesanded anti ka iseseisvalt ärasõitvatele professoritele A. I. Juštšenkole ja J. V. Tarlele. Mingeid teateid nendelt isikutelt aga ei laekunud /.../.”¹⁰⁰ Nii meenutas 1918. aasta sündmusi nende kaasaegne ja vahetu osavõtja 1925. aastal. Tarle biograaf aga märgib, et “Tarle, kasutades oma vana tutvust hariduse rahvakomissari Lunatšarskiga, aitas kolleege välja nõuda ešelone evakuatsiooniks, ise aga eelistas jääda Petrogradi, kus talle anti professori pajuk — nael kaera päevas.”¹⁰¹

Tartu professuuri on õigusega vaadeldud Tarle elus kui tema karjääri vähemtähtsat keerdkäiku. Samas iseloomustab see, milliseid võimalusi pakkus Tartu Tarlele ja kuidas viimane neid võimalusi ära kasutab täiendavalt nii tema eluhoiakut, kui ka teadlasteed. Tartust lahkumine Tarle jaoks oli kriitiline hetk: siit võis ta evakueeruda Voronežisse,¹⁰² kus aga kodusõja tingimustes võis tee

⁹⁵ “31. mail lõppeski ametlikult nn. vene ülikooli tegevus Tartus.” — Tartu ülikooli ajalugu. Tallinn, 1982. Kd. 2. 1798–1918. Lk 319.

⁹⁶ ЕАА, 402–4–1530. L 258.

⁹⁷ *Список личных дел профессоров, доцентов, приват-доцентов и оставленных для приготовления к профессорскому званию, взятых в Россию Юрьевским университетом из канцелярии Совета. 3.06.1918.* — ЕАА, 402–5–2041. 3 l.

⁹⁸ *Ibid.* L 1pd.

⁹⁹ *Ibid.* L 2–3.

¹⁰⁰ Сент-Илер К. К истории Воронежского университета. 1. История последних дней русского Юрьевского университета. С. 395.

¹⁰¹ Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... С. 67.

¹⁰² Vaatamata sellele, et Tarle ei evakueerunud Voroneži, säilitas ta sidemeid sinna läinud Tartu kolleegidega. Vt. nt.: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). Москва: Индрик, 2004. С. 93–95, 139.

viia ka emigratsiooni (prof I. Lappo näide¹⁰³); ta võis jääda Eestisse ja siit emigreeruda. Valik oli tema teha — Tarle pöördus Petrogradi tagasi.

Ees oli tal veel pikk ja keeruline elu, kus oli koht pärastrevolutsioonigaegsele loomingulisele kriisile, välismaa uurimisreisidele, repressioonidele, tagasipöördumisele teadustegevuse juurde, hiilgava, terava ja iroonilise mõistuse viljana loodud teostele, laiale populaarsusele kodumaal ja (tolle aja kohta) erakorraliselt ulatuslikule rahvusvahelisele tunnustusele.

¹⁰³ Дубьева Л. «Отдаюсь науке совсем...»: И. И. Лаппо — профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 386–387.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1) Неопубликованные архивные источники

Исторический архив Эстонии (Тарту).

Фонд 402. Дерптский (с 1893 г. Юрьевский) университет (1799–1918).

Фонд 384. Попечитель Дерптского/Рижского учебного округа (1803–1918).

Фонд 2100. Тартуский университет (1918–1944).

Фонд 3469. Юрьевское педагогическое общество.

Государственный архив Эстонии (Таллинн).

Фонд 3164. Женская торговая школа Маргенса 1905–1916. Женская торговая и хозяйственная школа Тартуского 2-го общества учителей 1916–1918. Женская торговая школа Тартуского просветительного общества 1918–1920. (Переведен в 2002 г. из Исторического архива Эстонии, ранее фонд 4406).

Библиотека Тартуского университета (Тарту). Отдел редких книг и рукописей.

Фонд 4. Библиотека Тартуского университета.

Фонд 6. Де ла Гарди.

Фонд 31. Гаусманн, Рихард.

Фонд 37. Пассек, Евгений.

Фонд 38. Грабарь, Владимир.

Фонд 55. Тартуский университет.

Фонд 65. Собрание фотографий.

Фонд 67. Вольнослушательницы Юрьевского университета.

Тартуский городской музей (Тарту).

Собрание фотографий.

TMF 989:9; TMF 989:85; TMF 989:75.

Государственный архив Российской Федерации (Москва).

Фонд Р-5965. Шмурло Е. Ф. (1853–1934).

Архив Российской АН (Москва).

Фонд 627. Тарле Е. В. (1874–1955).

Российская государственная библиотека (Москва). Научно-исследовательский отдел рукописей.

Фонд 618. Замятин Г. А. (1869–1953).

Латвийский государственный исторический архив (Рига).

Фонд 2600. Гаусманн Р. (1842–1918).

Центральный государственный архив Литвы (Вильнюс).

Фонд 631–3. Каунасские Высшие курсы в Каунасе (1920–1922). Литовский университет в Каунасе (1922–1930). Университет Витаутаса Великого в Каунасе (1930–1944).

Библиотека АН Литвы (Вильнюс). Отдел рукописей.

Фонд 211. Лаппо И. И. (1869–1944).

Библиотека Вильнюсского университета (Вильнюс). Отдел рукописей.

Фонд 6–63. Письма И. Я. Спрогису.

2) Печатные источники

а) Произведения историков, работавших в конце XIX — начале XX веков в Тартуском университете, а также писавших о них современников

Ардашев П. Материалы для истории провинциальной администрации во Франции в последнюю пору старого порядка. [Публ. материалов на фр. яз.] // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1902, 6, прил. [3], 1–80; 1903, 1, прил. [2], 91–144; 2, прил. [2], 145–176; 3, прил. [2], 177–240; 4, прил. [2], 241–272; 5, прил. [3], 273–320; 6, прил. [2], 321–384; 1904, 1, прил. [1], 385–480; 2, прил. [1], I–XI, 481–554.

Ардашев П. Н. Отзыв о книге г. Миронова «Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность», представленный историко-филологическому факультету Имп. Юрьевского университета экстраординарным профессором П. Н. Ардашевым // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1905, 4, н. отд. [2], 1–12.

Ардашев П. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). Провинциальные интенданты. Т. I. 658 с. Т. II. 733 с. Санкт-Петербург, Киев, 1900–1906.

Ардашев П. Н. Месяц во французской провинции // Сборник Учено — литературного общества при Императорском Юрьевском Университете. Т. VII. Юрьев, 1904. С. 85–130.

Безобразов П. Рец. А. Васильев. Лекции по истории Византии. I. // Византийское обозрение. Т. III. Вып. 1–2. Юрьев, 1917. С. 21–27.

Бороздин И. [Рец.] П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908 // Византийский временник. Т. XV. Вып. 1. (1908). 1909. С. 150–153.

Бречкевич М. В. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Исследование по истории прибалтийских поморян за первые века со времени принятия ими христианства (1128 г.–1278 г.) // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1912. № 5, прил. [4]. С. I–VI, 1–48; № 6, прил. [4]. С. 49–96; № 7, прил. [3]. С. 193–267.

Бречкевич М. В. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Исследование по истории прибалтийских поморян за первые века со времени принятия ими христианства (1128–1278). Юрьев: К. Маттисен, 1911. VI, 267 с.

- Бречкевич М. В. Очерки из социальной и государственной истории княжества Славии, или Западного Поморья, за первые полтора века со времени принятия христианства (1128 г. — 1278 г.). Часть I. Освоение и отчуждение деревень. Отдел I. Обзор источников и исторической литературы. Юрьев: К. Маттисен, 1911. 48 с.
- Бречкевич М. В. Первые поморские монастыри. Очерк из истории Балтийского Поморья в XII в. Юрьев: Эд. Бергман, 1905. 47 с.
- Бречкевич М. В. Первый поход короля Оттона I в Италию // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1913. № 3, н. отд. [1]. С. 1–25.
- Бречкевич М. В. Речь, произнесенная 2 мая 1912 г. в публичном заседании историко-филологического факультета Императорского Юрьевского университета перед защитой магистерской диссертации «Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья». Юрьев, 1911. // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1912. № 8, оф. отд. [1]. С. 1–8.
- Бречкевич М. В. Святополк, князь Поморский // Сборник Учено — литературного общества при Императорском Юрьевском Университете. Т. V. 1902. С. 123–154.
- Васильев А. А. Агапий Манбиджский, христианский арабский писатель X века // Византийский временник. Т. XI. Вып. 3–4. 1904. С. 574–587.
- Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1900. XI, 210, 183 с.
- Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI Философ и Константин VII Багрянородный. (867–959 г.). Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1902. VIII, 320, 220.
- Васильев А. А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.) / Вступительная статья, примечания, научная редакция, перевод с английского языка и именной указатель А. Г. Грушевого. Санкт-Петербург: Алетей, 1998. 490, 22 с.
- Васильев А. А. История Византийской империи. От начала крестовых походов до падения Константинополя / Вступительная статья, примечания, научная редакция, перевод с английского языка и именной указатель А. Г. Грушевого. Санкт-Петербург: Алетей, 1998. 581 с.
- Васильев А. А. Несколько заметок по поводу появления статьи Г. Земеля «Э. Долэ в исторической литературе» // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1912. № 4. С. 1–16.
- Васильев А. А. [Рец.] М. Бречкевич. Первые поморские монастыри. Очерк из истории Балтийского Поморья в XII в. Юрьев. 1905, 47 стр. 8° (с приложением карты.) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. IV. 1906. Июль. С. 175–179.
- Васильев А. А. [Рец.] П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908 // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XX. 1909. Апрель. С. 430–436.
- Васильев А. А. Памяти П. А. Яковенко // Анналы. 1922. № 2. С. 258–259.

- Васильев А. А. 50-летний юбилей Мельбурнского университета // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. VIII. 1907. Март. С. 29–46.
- Васильев А. А. Семнадцатый Международный конгресс американистов в Буэнос-Айресе с 16/3 по 21/8 мая 1910 года // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XXX. 1910. Ноябрь. С. 19–35.
- Васильев А. А. XIV Интернациональный конгресс ориенталистов в 1905 г. // Византийский временник. Т. XII. 1905. С. 573–576.
- Гневушев А. [Рец.] Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев. 1913 г. Стр. 141, IV // Голос минувшего. 1913. № 11. Ноябрь. С. 259–260.
- Гневушев А. М. Новые труды по истории Смутного времени // Научный исторический журнал. Т. I. Вып. 2. (1913). 1914. С. 81–98.
- Дьяконов М. А. Заповедные и выходные лета. Петроград, 1915. 20 с.
- Дьяконов М. А. Избрание Михаила Федоровича на царство. Санкт-Петербург, 1913. 32 с.
- Замятин Г. А. Два документа к истории Земского собора 1616 г. // Труды Воронежского государственного университета. Т. 1. Воронеж, 1925. С. 299–310.
- Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев: Типография Г. Лаакман, 1913. 141, VI с.
- Замятин Г. А. К истории земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. Т. III. Воронеж, 1926. С. 1–74.
- Замятин Г. А. «Новый летописец» о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. L. 1914. Март. С. 63–87.
- Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века. Молотов, 1940. 468 с. (Машинопись, в переплете. Архив РАН. Ф. 627. Оп. 5. Д. 44.)
- Земель Г. Э. Долэ в исторической литературе // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XXVIII. 1910. Август. С. 308–344.
- Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. Москва: Наука, 1981. 391 с.
- Кареев Н. И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911). Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1912. 115 с.
- Кареев Н. И. Работы русских ученых по истории французской революции // Известия Санкт-Петербургского Политехнического института. Т. 1. 1904. Вып. 1–2. С. 41–73. Вып. 3–4. С. 155–202.
- Квачала И. Первые философские занятия Яна Гуса и новое критическое издание сочинений Викилифа (Wiclif-Society). Петроград, 1915. 13 с.
- Лаппо И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-Русский повест и его сеймик. Юрьев: К. Маттисен, 1911. XIII, 1, 624, 191, 1 с.
- Лаппо И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1912. № 2, прил., [паг. 3-ая]. С. 1–80; № 3, прил., [паг. 3-ая]. С. 81–144; № 4, прил., [паг. 3-ая]. С. 145–208; № 5, прил., [паг. 3-ая]. С. 209–304; № 6, прил., [паг. 3-ая]. С. 305–336; № 7, прил., [паг. 2-ая]. С. 337–432; № 8, прил., [паг. 2-ая]. С. 433–528; № 9,

- прил., [паг. 2-ая]. С. 529–624; № 10, прил., [паг. 2-ая]. С. 1–80; № 11, прил., [паг. 2-ая]. С. 81–152; № 12, прил., [паг. 1-ая]. С. 153–192.
- Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 780 с.
- Лаппо И. Витебский центральный архив и его издание // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCLII. 1904. Апрель. С. 326–356.
- Лаппо И. Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XIII. 1908. Январь. С. 51–113.
- Лаппо И. И. Полоцкая ревизия 1552 года. К изданию подготовил И. И. Лаппо. Москва: Университетская типография, 1905. 237 с.
- Лаппо И. И. История русской церкви. По лекциям профессора И. И. Лаппо. Юрьев: Литогр. Э. Бертельсона в г. Юрьеве, 1909. 183, [1] с.
- Лаппо И. И. Конспект по русской истории. (Продолжение). Юрьев: Литогр. Э. Бертельсон, 1909. 148 с. (Отдел рукописей Библиотеки АН Литвы. Ф. 211–86).
- Лаппо И. И. Отзыв о труде г. Кордта “Материалы по истории русской картографии. 2-ая сер. Вып. 1. Карты всей России, Северных её областей и Сибири. Киев, 1906” // Ученые записки Юрьевского университета. 1908. № 1, н. отд., [паг. 1-ая]. С. 1–22.
- Лаппо И. Отчет о десятом [на титульном листе “девятом” - Л. Д.] присуждении премии Г. Ф. Карпова Императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском университете. Москва, 1903. 78 с.
- Лаппо И. Отчет проф. Имп. Юрьевского университета И. Лаппо по ревизии преподавания истории в средних учебных заведениях Рижского учебного округа. Юрьев: Бергман, 1912. I, 128 с.
- Лаппо И. Речь, произнесенная 21 февраля 1913 года на торжественном акте Императорского Юрьевского университета, посвященном чествованию 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1913. № 2, офиц. отд. [паг. 1-ая]. С. С. 1–23.
- Лаппо И. Современное состояние науки русской истории и задача её университетского преподавателя. Вступ. публ. лекция (11 окт. 1905 г.). Юрьев: К. Маттисен, 1906. 20 с.
- Левицкий И. В. Несколько документов XVI века из флорентийского государственного архива // Записки Императорского Русского Археологического общества. Новая серия. Т. 7. 1894. С. 111–146.
- Литовская метрика. Отд. 1. Часть первая. Книга записей. Т. 1. [Ред. И. И. Лаппо.] Санкт-Петербург, 1910. IX, 871, 150 с. (Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 27.)
- Литовская метрика. Отд. 1–2. Часть третья. Книга записей. Т. 1. [Ред. И. И. Лаппо.] Юрьев, 1914. IV, 895, 44 с. (Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 30.)
- Описание Полоцких владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 года. К изданию подготовил И. И. Лаппо. [Издание Имп. Общ. Истории и Древностей Росс. при Моск. Ун. Тип. Штаба Моск. Воен. Округа], 1907. IV, 25 с.

- Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. 2. В последний период своего существования (1865–1902). Санкт-Петербург, 1906. 211, VII с.
- Пушкинский сборник, изданный Императорским Юрьевским университетом по случаю столетней годовщины дня рождения А. С. Пушкина 26 мая 1899 г. Юрьев, 1899. 129 с.
- Регель В. О хронике Козьмы Пражского // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCLXX. 1890. Август. С. 221–262. Ч. CCLXXI. 1890. Сентябрь. С. 108–148.
- Тарановский Ф. В. Отзыв о сочинении В. И. Сергеевича: «Древности русского права», составленный проф. Ф. В. Тарановским по поручению юридического факультета Императорского Юрьевского университета для присуждения премии графа Сперанского. Юрьев: К. Маттисен, 1911. 114 с.
- Тарле Е. В. Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. С приложением неизданных документов. Москва: Задруга, 1913. 739 с.
- Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789–1799). Ч. 1–2. Санкт-Петербург, 1909–1911. Ч. 1. 317 с.; Ч. 2. 581 с.
- Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. Москва: Соцэргиз, 1958. 480 с.
- Тарле Е. В. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. С приложением неизданных документов. (Континентальная блокада, II.) Юрьев: К. Маттисен, 1916. X, 532 с.
- Тарле Е. В. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. С приложением неизданных документов. (Континентальная блокада, II) // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1916. № 2, прил. [2]. С. I–X, 1–112; № 3, прил. [2]. С. 113–304; № 4, прил. [1], С. 305–532.
- Тарле Е. В. Экономические отношения Франции и России при Наполеоне I // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 42. 1912. № 11. С. 54–93.
- Филиппов А. Н. [Рец.] Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев. 1913 г. // Юридический вестник. 1913. Кн. II. С. 276–278.
- Шмурло Е. Библиографический список литературных трудов Киевского митрополита Евгения Болховитинова. Вып. I. Санкт-Петербург, 1888. 76 с.
- Шмурло Е. Восток и Запад в русской истории. Публичная лекция. Юрьев, 1895. 37 с.
- Шмурло Е. Восьмой археологический съезд (9-го-24-го января 1890 г.). Санкт-Петербург, 1890. 110 с.
- Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1. Возникновение и образование русского государства (862–1462). Санкт-Петербург: Алетей, 1999. 542 с.
- Шмурло Е. Ф. Курс Русской истории. Т. 2. Русь и Литва. Санкт-Петербург: Алетей, 1999. 443 с.
- Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 3. Московское царство. Санкт-Петербург: Алетей, 1999. 436 с.
- Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 4. Спорные и невыясненные вопросы русской истории. Санкт-Петербург: Алетей, 1999. 329 с.

- Шмурло Е. А. Г. Брикнер (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCIX. 1897. Август. С. 117–157.
- Шмурло Е. Голодный год (1898–1899). Письма в «С.-Петербургские Ведомости». Москва, 1900. 198, VI с.
- Шмурло Е. Горные проходы в Южном Алтайском хребте. Б. м., б. г. 12 с. (Отт.: Известия Императорского Русского Географического Общества. Т. 34, вып. 5)
- Шмурло Е. Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящиеся в Библиотеке Императорского Юрьевского Университета. Юрьев, 1899. 32 с.
- Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. Санкт-Петербург, 1888. 455 с.
- Шмурло Е. Ф. Об учреждении русской исторической комиссии в Риме // Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Т. 2. 1899. Москва, 1902. С. 18–26.
- Шмурло Е. Описание пути между Алтайскою станицею и Кош-Агачем в Южном Алтае. Б. м., 1898. 53 с.
- Шмурло Е. Ф. Отзыв о сочинениях Е. В. Петухова: 1) «Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Исторический очерк. Юрьев, 1902» и 2) «Статистические таблицы и личные списки по Императорскому Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету (1802–1901). Юрьев, 1902» (приложение к предыдущему сочинению). Отдельный оттиск из «Отчета о присуждении премий имени графа Д. А. Толстого». Санкт-Петербург, 1905. 22 с.
- Шмурло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. VII, 416 с.
- Шмурло Е. Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. (с 1 фототипией). Юрьев, 1895. С. 88–120.
- Шмурло Е. П. В. Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. 167 с.
- Шмурло Е. Пушкин в развитии нашего самосознания. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Юрьевского университета 26 мая 1899 г. Юрьев, 1899. 18 с.
- Шмурло Е. Русские поселения за южным алтайским хребтом на китайской границе. Омск, 1899. 64 с.
- Шмурло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897 // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1899. № 3, прил. [1]. С. 1–416.
- Шмурло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. VII, 416 с.
- Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого = E. Schmourlo. Recueil des documents et matériaux se rapportant à l'histoire du règne du Tsar Pierre le Grand. [1693–1700.] // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1898. № 5, add. [3]. Р. 1–192; 1899. № 5, add. [2]. Р. 193–224; 1900. № 4, add. [2]. Р. 225–560; 1902. № 1, add. [2]. Р. 561–656; 1903. № 5, add. [3]. Р. 657–704; № 6, add. [3]. Р. I–XLV, 705–728.
- Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Собрал Е. Шмурло. Т. 1. Юрьев, 1903. 728 с.

- Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. Перевод с предисловием, введением и примечаниями проф. П. Н. Ардашева. Юрьев: К. Маттисен, 1902. 172 с.
- Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. *Moria encomium sive stultitia laus*. Перевод с предисловием, введением и примечаниями П. Н. Ардашева // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1904. № 3, прил. [2]. С. 1–80; № 4, прил. [1]. С. 81–172.
- Яковенко П. А. Исследование в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на острове Хиос. Юрьев, 1917. VIII, 207 с.
- Яковенко П. К истории иммунитета в Византии. Юрьев: Эд. Бергман, 1908. 72 с.
- Яковенко П. А. Отчет о научных занятиях по истории Византии // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XL. 1912. Август. С. 85–102.
- Яковенко П. А. Сельское население в Руюнском (Rügen) княжестве во время правления местных князей // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XXIX. 1910. Октябрь. С. 209–250.
- Ясинский А. Н. Возраст, как показатель или мера успешности учащихся // Сборник женской гимназии А. С. Пушкина в г. Юрьеве. Под редакцию председателя Педагогического Совета А. Н. Ясинского. Т. II. Юрьев: Эд. Бергман, 1908. С. 103–118.
- А. Я. [Ясинский А. Н.] Законы и распоряжения об устройстве и порядке учебного дела в женских гимназиях // Сборник женской гимназии А. С. Пушкина в г. Юрьеве. Под редакцию председателя Педагогического Совета А. Н. Ясинского. Т. I, оф. ч. Юрьев: Эд. Бергман, 1906. С. 69–115.
- Ясинский А. Н. История Германии при императорах салической династии. (Лекции проф. А. Н. Ясинского). Юрьев: Лит. Э. Бертельсона, 1908. [2], 60 с. (РГБ: И 24/486)
- Ясинский А. Н. История крестовых походов. Лекции проф. Ясинского. [Юрьев: литография Э. Бертельсона, 1911.] 246 с. (РГБ: И 77/2)
- Ясинский А. Н. Лекции по истории средних веков. Издание студентов. На правах рукописи. Юрьев: Эд. Бергман, 1907. 242 с.
- Ясинский А. Н. Лекции по истории средних веков. Раннее средневековье. (Печатано по запискам студентов). Юрьев, 1910. 403 с.
- Ясинский А. Н. Об охране и заселении степной окраины Московского государства в конце XVI и начале XVII веков. Речь, читанная на акте 13 октября 1896 г. преподавателем Киевской 1-й гимназии А. Н. Ясинским. Киев, 1900. [С. 113–125].
- Ясинский А. Н. Об этнографических и культурных отношениях в средние века: вступительная лекция А. Н. Ясинского, прочитанная 11 ноября 1896 года в Императорском Юрьевском университете // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1897. № 2, н. отд., паг 3-я. С. 1–19.
- Ясинский А. Н. Объяснительная записка к проекту Временного Положения о Педагогических курсах // Временное положение о Педагогических курсах с приложением временного штата и объяснительной записки. Юрьев: Эд. Бергман, 1909. С. 11–62.
- Ясинский А. Н. Основание женской гимназии А. С. Пушкина в г. Юрьеве // Сборник женской гимназии А. С. Пушкина в г. Юрьеве. Под редакцию председателя Педагогического Совета А. Н. Ясинского. Т. I, оф. ч. Юрьев: Эд. Бергман, 1906. С. 3–47.

- Ясинский А. Н. Основные черты развития права в Чехии XIII–XV в. // Сборник Учено — литературного общества при Императорском Юрьевском Университете. Т. V. Юрьев, 1898. С. 23–61.
- Ясинский А. Н. Отзыв о сочинении Г. Земеля // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1911. № 5, оф. отд. С. 1–16.
- Ясинский А. Н. Отношение к учебным планам и примерным программам закона и школьной практики // Сборник женской гимназии А. С. Пушкина в г. Юрьеве. Под редакцию председателя Педагогического Совета А. Н. Ясинского. Т. II. Юрьев: Эд. Бергман, 1908. С. 83–93.
- Ясинский А. Н. Отчет о постановке преподавания истории в Рижском учебном округе (22 ноября. 14 декабря 1903 г.). Приложение к «Циркулярам по Рижскому учебному округу за 1905 г.» Рига: Типография Л. Бланкенштейна, 1905. 49 с.
- Ясинский А. Н. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Т. 1. Основы социального строя чешского народа в эпоху господства обычного права. Юрьев: К. Маттисен, 1901. VIII, 327 с.
- Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.) Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1895. 193 с.
- Ясинский А. Н. Причины падения древней Ливонии. Публичная лекция. Юрьев: К. Маттисен, 1898. 32 с.
- Ясинский А. Н. Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря // Сборник Учено-литературного общества при Императорском Юрьевском Университете. Т. I. Юрьев, 1898. С. 125–144.
- Ясинский А. Н. Федор Яковлевич Фортинский, как ученый и профессор // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. XVII. Вып. 2. Киев, 1903. С. 27–63.
- Ясинский А. Н. Чешское свидетельство XIV в. о русском металлическом производстве // Сборник Учено-литературного Общества при Императорском Юрьевском Университете. Т. I. Юрьев, 1898. С. 51–60.
- Ardascheff P. Les Intendants de province sous Louis XVI / Par Paul Ardascheff. Tome III. Appendice. Youriev: K. Mattisen, [1903]. 554 p.
- Regel, W. Ueber die Chronik des Cosmas von Prag: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Magisters der allgemeinen Geschichte / Verfasst und mit Genehmigung Einer Hochverordneten Historisch-Philologischen Facultät der Kaiserlichen Universität zu Dorpat zur öffentlichen Verteidigung bestimmt von Wilhelm Regel; Ordentliche Opponenten: Cand. C. v. Stern.- Prof. Dr. O. Waltz.- Prof. Dr. R. Hausmann. Dorpat: Druck von H. Laakmann's Buch und Stein-druckerei, 1892. 105 S.
- Tarle, Eugen. Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen zur napoleonischen Zeit. Sonderdruck aus Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. 38. Jahrgang. Zweites Heft. München und Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1914. S. 143–202.
- Tarvel (Treiberg), P. Jakobiinid ja jakobinism tähtsamate Prantsuse revolutsiooni uurijate valgustusel. Tartu, 1920. 310 lk. (Käikiri Tartu Ülikooli Raamatukogus: Diss. Tart. 272 224.)
- Tarvel (Treiberg), P. Prantsuse revolutsiooni historiograafia ülevaade // Ajalooline Ajakiri. 1925. Nr 1, lk 24–36; nr 3, lk 102–116; nr 4, lk 148–160.

б) Автобиографии и воспоминания

- [Автобиография Ясинского] // Вопросы историографии и истории СССР. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969. С. 264–267. (Труды Воронежского государственного университета; т. 85)
- Букатевич Н. И. Минувших дней воспоминания // ТГУ [Тартуский государственный университет]. 1977. 13 мая. № 10; 1977. 26 мая. № 11; 1977. 24 июня. № 12.
- Грабарь В. Э. Четверть века в Тартуском (Дерптском, Юрьевском) университете // Труды историко-филологического факультета. Таллинн, 1954. С. 55–76. (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 35.)
- Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве // Памяти новых мучеников за веру, пострадавших в Юрьеве 14 января 1919 г. Проповеди протоиерея о. Михаила Блейве, настоятеля Юрьевск[ого] Успенского собора. [Юрьев]: Издание Приходского Совета Юрьевского Успенского Собора, [1928]. С. 13–22.
- Сент-Илер К. К истории Воронежского университета. 1. История последних дней русского Юрьевского университета // Труды Воронежского государственного университета. Т. 1. Воронеж, 1925. С. 362–397.
- Шестакова Е. В. Воспоминания вольнослушательницы // Таллин. 1982. № 5 (26). С. 93–109.
- Kruus, H. Ajaratta uutes ringides. Mälestusi 1907–1917. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. 196 lk.
- Kruus, H. Ajaratta uutes ringides. Mälestusi 1907–1917 // Mälestusi Tartu ülikoolist, 1900–1944. Koostanud Sergei Issakov ja Hillar Palamets. Tallinn: Olion, 1992. Lk 195–204.
- Kruus, H. Mälestusi professor Jevgeni Tarlest: [100. sünniaastapäeva puhul] // Sirp ja Vasar. 1975. 21. nov. Nr. 47 (1667). Lk 12.

в) Газеты

- А. М. Проф. А. А. Васильев о Петсерском монастыре, Старом Изборске, своих трудах и пр. // Вести дня. 1938. 8 авг. № 177. С. 1.
- А. М. Проф. А. А. Васильев о Петсерском монастыре, Старом Изборске и пр. // Русский Вестник. 1938. 10 авг. № 61. С. 2.
- Білан Ю. Я. Профессор М. В. Бречкевич // За радянські кадри. 1947. 1 травня. № 16 (55).
- Quidam. Маленькие заметки // Вести дня. 1938. 10 июня. № 129. С. 2.
- Отъезд проф. А. А. Васильева // Старый Нарвский листок. 1938. 10 авг. № 89. С. 2.
- Профессор А. А. Васильев прибыл в Эстонию // Вести дня. 1938. 1 авг. № 171. С. 1.
- Профессор А. А. Васильев прибыл в Эстонию // Русский Вестник. 1938. 3 авг. № 59. С. 2.
- Sada aastat J. Tarle sünnist // Tartu Riiklik Ülikool. 1975. 24. okt. Nr. 41.
- Kodumaa ülikooli kaitseks // Postimees. 1918. 5. apr. (23. märts). Nr. 29.
- Seletus [Ajalehes „Postimees“ 1918. 5. apr. (23. märtsil) ilmunud artikli „Kodumaa ülikooli kaitseks“ kohta] // Postimees. 1918. 16. (3.) apr. Nr. 38.
- Zum Schutz der Heimatsuniversität // Dorpater Zeitung. 1918. 10. Apr. № 36.

г) Прочие печатные источники

- Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (бывшего Дерптского) университета за сто лет его существования (1802–1902). Под ред. Г. В. Левицкого. Т. 1–2. Юрьев, 1902–1903. Т. 1. 666 с. Т. 2. 1903. 656 с.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1896–1898. Т. 1. 419 с. Т. 2. М.-Я. 373 с.
- Временное положение о Педагогических курсах // Временное положение о Педагогических курсах с приложением временного штата и объяснительной записки. Юрьев: Эд. Бергман, 1909. С. 3–10.
- Иван Лаппо. Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1907). Публикация и комментарий Л. В. Дубевой.
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_3.html
(2005–08–30)
- Иван Лаппо. Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1908–1909). Публикация и комментарий Л. В. Дубевой.
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_4.html
(2005–08–30)
- Иван Лаппо. Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1910). Публикация и комментарий Л. В. Дубевой.
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_5.html
(2005–08–30)
- Иван Лаппо. Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1911–1912). Публикация и комментарий Л. В. Дубевой.
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_6.html
(2005–08–30)
- Каталог русских книг Библиотеки Императорского Юрьевского Университета: С основания университета по 31 декабря 1908 года. Юрьев, 1910. VIII, 653 с.
- Ключ к систематическому каталогу Библиотеки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1900. 55 с.
- Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. Москва: Наука, 1981. 391 с.
- Краткий отчет Императорского Юрьевского университета за 1909 г. // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1910. № 2, оф. отд. С. 36.
- Личный состав Императорского Дерптского университета. Дерпт, 1892.
- Личный состав Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1893–1917.
- Обозрение лекций в Императорском Дерптском университете. Дерпт, 1891–1893.
- Обозрение лекций в Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1893–1918.
- Особый протокол заседания Совета Императорского Юрьевского университета 24 сентября 1916 г. по вопросу о командировании приват-доцента Императорского Юрьевского университета Г. А. Замятина в город Нижний Новгород, с научной целью, и по возникшему в связи с этим вопросу об осмотре эвакуированного в Нижний Новгород ценного университетского имущества, с точки зрения сохранности этого имущества внутри упаковочных ящиков, где ему угрожает опасность // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1916. № 10, оф. отд., паг 1-я. С. 1–15.

- Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1896. № 3, [неоф. отд. 1.] С. 1–80.
- Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Посвящается X-ому археологическому съезду в г. Риге. С приложением двух фототипических таблиц. Юрьев, 1896. 80 с., 2 л. ил.
- Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1912). Публикация и комментарий Л. В. Дубьевой // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 392–408.
- Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник / Сост. Проф. С. Г. Исаков. Тарту, 1994. 114 с.
- Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.). Словник. Изд. 2-ое, испр. и доп. / Сост. Проф. С. Г. Исаков. Таллинн, 1996. 140 с.
- Устав Императорского Дерптского университета 1865 года. Дерпт, 1865. 85 с.
- Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1893–1917.
- Хроника // Русский исторический журнал. Кн. 8. Петроград, 1922. С. 325.
- Cordt, B. Mittheilungen aus dem Briefwechsel des Grafen Jakob De la Gardie / [Предисл.] В. А. Кордт. Из семейного архива графов Де Ла Гарди // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. № 2, [прил. 2]. С. 1–112.
- Cordt, B. Mittheilungen aus dem Briefwechsel des Grafen Jakob De la Gardie: Nebst einem Anhang betreffend Correspondenzen des Grafen Johann Oxenstjerna. Leipzig, 1894. 112 S.
- Lossius, J. Die Urkunden der Grafen de Lagardie in der Universitätsbibliothek zu Dorpat. Dorpat, 1882. 158 S.
- Personal der Kaiserliche Universität zu Dorpat. Dorpat, 1883–1891.
- Tartu Ülikooli professorite, NSV Liidu Teaduste Akadeemia liikmete portreid ja autograafe / [Koostajad H. Tankler, H. Käsper.] Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1977. 13 lk, [64] l. (Publicationes Bibliothecae Universitatis Litterarum Tartuensis, III.)
- Verzeichniss der Vorlesungen an der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1891.

Исследования

- Акиньшин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 173–178.
- Акиньшин А., Карпачев М. Исторический факультет: вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета. Биографический справочник сотрудников. 1940–2001 / Ред.-сост. А. Н.
- Акиньшин. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2003. С. 9–49.
- Амусин И. Д. Об одной забытой публикации тартуского профессора Александра Васильева // Труды по знаковым системам. VII. Тарту, 1975. С. 296–301. (Ученые записки Тартуского государственного университета; 365.)

- Ананьич Б. В., Панях В. М. О петербургской исторической школе и её судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.
- Анфертьева А. Н. М. Н. Крашенинников: к портрету ученого и человека // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. С. 375–419.
- Басаргина Е. Ю. Ф. И. Успенский: обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 45–57.
- Басаргина Е. Ю. Ф. И. Шмит: материалы к биографии // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. С. 478–496.
- Беленький И. Л. Отечественная историческая наука XIX–XX вв. как проблема социологии знания. (Предварительные заметки.) // Ad fontem / У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова / Институт всеобщей истории. Москва: Наука, 2005. С. 435–445.
- Беляев С. А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. Москва: Наука, 2003. С. 149–157.
- Бойков В. Историк В. Э. Регель и Тартуский (Юрьевский) университет // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. XVI. Tartu, 1985. Lk 90–95.
- Бойко Е. С. К типологии научных школ // Социально-психологические проблемы науки: ученый и научный коллектив. Москва: Наука, 1973. С. 202–209.
- Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман. Москва: РОССПЭН, 1997. С. 259–286.
- Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 384 с.
- Брачев В. С. «Наша университетская школа русских историков» и её судьба. Санкт-Петербург: Стомма, 2001. 243 с.
- Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Санкт-Петербург: Наука, 2000. С. 7–106.
- Вернадский Г. Русская историография. Москва: Аграф, 1998. 448 с.
- Вилинбахов В. Б. Балтийские славяне в русской историографии // Источники и историография славянского средневековья. Москва: Наука, 1967. С. 191–206.
- Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. Москва: Советская наука, 1958. 174 с.
- Горелова С. И. Исторические взгляды Е. Ф. Шмурло. (07.00.02 — Отеч. история.) Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1999. 23 с.
- Горяинов А. Н., Иванов Ю. Ф. Новое об академике В. И. Пичета // Вопросы истории славян. Вып. 16. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2004. С. 3–34.
- Грушевой А. Г. К переизданию цикла общих работ А. А. Васильева по истории Византии // Васильев А. А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.) / Вступительная статья, примечания, научная

- редакция, перевод с английского языка и именной указатель А. Г. Грушевого. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. С. 5–28.
- Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. Москва: Высшая школа, 1974. 299 с.
- Гутнов Д. А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 3. С. 41. Гутнов Д. А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 3. С. 40–53.
- Дубьева Л. В. Библиотекарь Тартуского университета в 1908–1918 гг. А. Т. Расторгуев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 2. С. 201–219.
- Дубьева Л. В. Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник научных статей. Вып. 7. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. С. 105–134.
- Дубьева Л. В. Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891–1903 гг.
<http://museum.guru.ru/data/base.phtml?folder=biblioteka&subfolder=default>
(2003–10–22)
- Дубьева Л. «Отдаюсь науке совсем...»: И. И. Лаппо — профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг.
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_1.html
(2005–08–30)
- Дубьева Л. «Отдаюсь науке совсем...»: И. И. Лаппо — профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 374–391.
- Дубьева Л. В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета в 1904–1912 гг. А. А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Составитель и ответственный редактор проф. С. Исаков. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. С. 79–103. (Тартуский университет; Национальный архив Эстонии.)
- Евгений Викторович Тарле. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. 65 с. (Материалы к библиографии ученых СССР. Серия история; вып. 3.)
- Жебелёв С. В. Э. Регель // Вестник АН СССР. 1933. № 5, стлб. 51–54.
- Заборов М. А. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в. // Византийский временник. Т. XXV. 1964. С. 121–141.
- Заливалова Л. Н. Х. М. Лопарев: ученый и его рукописное наследие // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 213–225.
- Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. Москва: Высшая школа, 1987. 160 с. (Библиотека историка).
- Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX–XX начале века. Москва: Институт истории СССР, 1991. 392 с.
- Иванов А. Е. Ученые степени Российской империи XVIII в. –1917. Москва: Институт Российской истории, 1994. 198 с.

- Иванов Ю. Ф. О политических взглядах А. Н. Ясинского (1864–1933) // Вопросы истории славян. Вып. 14. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1999. С. 153–170.
- Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 160 с.
- Исаков С. Г. Учено-литературное общество при Тартуском университете (1897–1917) // *Filoloogiateadused Tartu Ülikoolis. (Konverentsi teesid — 15. dets. 1982).* Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1982. Lk 51.
- Історія Київського університету. Київ: Видавництво Київського університету, 1958. 628 с.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. Москва: Восточная литература, 1997. 534 с.
- История Тартуского университета 1632–1982. Таллин: Периодика, 1982. 279 с.
- Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1998. С. LXV–CXXXI.
- Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. 135 с.
- Казакова М. А. Исторические взгляды А. Н. Ясинского // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 3. С. 140–153.
- Карпачев М. Д. Воронежский университет: начало пути. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1998. 112 с.
- Карпов С. П. А. А. Васильев о вкладе русских ученых в развитие византиноведения // *Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина.* Москва: Восточная литература, 2003. С. 279–280.
- Карпов С. П. Материалы А. А. Васильева в архиве Dumbarton Oaks (Вашингтон) // Византийский временник. Т. 58 (83). 1999. С. 117–127.
- Каухчишвили С. Г. Григорий Филимонович Церетели. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1969. 21 с.
- Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. Москва: Наука, 1983. 214 с.
- Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. Москва: Наука, 1990. 264 с.
- Коваленко Г. М. История Новгорода в работах Г. А. Замятина // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. С. 239–247.
- Коваленко Г. М. Фонд Г. А. Замятина в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина // Археографический ежегодник за 1989 год. Москва: Наука, 1990. С. 234–236.
- Конта Р. М., Тищенко І. І. Ардашев Павло Миколайович // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка: минуле й сьогодні (1834–2004 рр.) / За ред. Г. Д. Казьмирчука. Київ, 2004. С. 151.
- Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омский государственный университет, Издательство Уральского университета, 2000. 226 с.

- Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1950. 298 с.
- Критский Ю. М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в. — 1917 г.) // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. Москва: Наука, 1975. С. 85–112.
- Куклина И. В. А. А. Васильев: «труды и дни ученого» в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 313–338.
- Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. 256 с.
- Ланге К. А. Организация управления научными исследованиями. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1971. 247 с.
- Лаптева Л. П. В. Э. Регель как исследователь «Хроники» Козьмы Пращского и её оценка в современной историографии // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Вып. 2. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1997. С. 93–105.
- Лаптева Л. П. В. Э. Регель как византист // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византистов. Москва: Издательство Московского университета, 1991. С. 130–140.
- Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. Москва: Индрик, 2005. 847 с.
- Лаптева Л. П. М. В. Бречкевич как представитель позитивизма в русском славяноведении первой четверти XX в. // Славяноведение. 1995. № 1. С. 3–11.
- Лаптева Л. П. Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX — начала XX века // Вопросы истории славян. Вып. 15. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2001. С. 117–134.
- Ласинкас П. Русские историки-эмигранты в Литве // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 409–447.
- Лосиевский И. Я. Деятельность Е. В. Тарле в Тартуском университете // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. Москва: Наука, 1981. С. 199–203.
- Лотман Ю. М. Клио на распутье // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. С. 275–286.
- Мадиссон Ю. К. Источники по истории Швеции в архивах и книгохранилищах г. Тарту // Скадинавский сборник. Вып. I. Таллин: Эстонское государственное изд-во, 1956. С. 216–225.
- Мадиссон Ю. Молодой Куторга // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 43. Тарту, 1956. С. 3–39.
- Медведев И. П. В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 157–180.
- Медведев И. П. И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. С. 207–240.
- Медведев И. П. К истории основания «Византийского временника»: неизвестные документы и факты // Россия и христианский Восток. Москва: Индрик, 1997. Вып. 1. С. 226–244.

- Медведев И. П. Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: итоги столетия // Исторические записки. Вып. 3 (121). Москва: Наука, 2000. С. 30–47.
- Медведев И. П. Недодуманные мысли. Письма русских антиковедов и византинистов как особый жанр историографии (на примере переписки И. В. Помяловского) // Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. Москва: Восточная литература, 2003. С. 300–310.
- Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). Москва: Прометей; Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического университета, 1996. 186 с.
- Михальченко С. И. Киевская школа. Очерки об историках. Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического университета, 1994. 163 с.
- Москаленко А. Е. М. В. Бречкевич (1870–1963) и его работы по истории поморских славян // Славянский сборник / Под. ред А. И. Озолина. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972. С. 92–108.
- Москаленко А. Е. Наука всеобщей истории в Воронежском университете за 50 лет // Из истории Воронежского края. Вып. 3. Воронеж, 1969. С. 3–20.
- Москаленко А. Е. К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского (1864–1933) // Вопросы историографии и истории СССР. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. С. 252–264. (Труды Воронежского государственного университета; 85).
- Москаленко А. Е., Степанова С. В. О научном наследии профессора ВГУ Г. А. Замятина (1882–1953) // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972. С. 164–177.
- Москаленко А. Е. П. А. Яковенко (1879–1920) и его работа по истории полабских славян // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов (Минск 31 января — 3 февраля 1968 г). Минск, 1969. С. 549–555.
- Мошкова Г. Ю. Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 131–141.
- В. П. Мякишев. И. И. Лаппо — ученый с живым чувством исторической действительности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 162–176.
- Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Издательство Казанского университета, 2000. 298 с.
- Мягков Г. П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Издательство Казанского университета, 1988. 200 с.
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. Москва: Издательство АН СССР, 1963. 830 с.
- Павловская А. И. Константин Константинович Зельин // Портреты историков: время и судьбы. В 2 т. Т. 2. Всеобщая история. Москва — Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 94–104.
- Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. Москва: Наука, 1991. 398 с.
- Петров Е. В. Историческая наука российской эмиграции в США в первой половине XX века: историография проблемы // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2002. Вып. 4. С. 190–198.

- Петровская И. Ф. Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. Санкт-Петербург: Издательство «Logos», 2003. 490 с.
- Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный технический университет, 1997. 377 с.
- Погодин С. Н. [Рец.] Е. И. Чапкевич. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел. Полигр.-изд. предприятие «Орел». 1994. 189 с.; Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С.-Перербург. Изд-во «Дмитрий Буланин». 1995. 144 с. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 166–169.
- Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. Москва: Издательство Прогресс-Академия, 1994. 293 с.
- Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). Москва: Индрик, 2004. 429 с.
- Розенберг Т. Русско-балтийская историография во второй половине XIX – начале XX века // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее и будущее. Сборник статей. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. С. 140–145.
- Рубинштейн Н. Л. Русская историография. Москва: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 659 с.
- Рудь М. О. З історії славістики в Київському університеті. М. В. Бречкевич (1870–1963) // Вісник Київського університету. Історія. 1995. Вип. 33. С. 41–48.
- Русские в Праге 1918–1928 гг. Praha, 1995. 343 с. Факсимильное воспроизведение издания: Прага, 1928.
- Саханеев В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская — Нарва, 1937. С. 27–79.
- Сидоров А. В., Старостин Е. В. Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) // Историки России. Биографии. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 369–377.
- Сидорова Л. А. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки. Историографический вестник. Москва: Наука, 2003. С. 168–191.
- Сироткин В. Г. Предисловие // Тарле Е. В. Наполеон. Москва: Высшая школа, 1992. С. 3–27.
- Сироткин В. Г. Академик Тарле — учитель «шестидесятников»
<http://www.lebed.com/2002/art2794.htm> (2005–06–20).
- Славяноведение в дореволюционной России: изучение южных и западных славян. Москва: Наука, 1988. 414 с.
- Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. Москва: Наука, 1979. 426 с.
- Сухарев Ю. Н. К истории русского научного зарубежья. Кн. 1. Москва: Российский архив, 2002. 605 с.
- Тарле Евгений Викторович // Ученые Московского университета — действительные члены и члены-корреспонденты Российской АН (1755–2004). Биографический словарь / Автор-составитель Ю. М. Канцур. Москва: Издательство Московского университета, 2004. С. 400–401.

- Тартуский университет и Украина / Под ред. В. Оноприенко и Х. Танклера. Киев: ИИЦ Госкомстата Украины, 2004. 211 с.
- Троицкий Н. А. Тарле Евгений Викторович (1874–1955) // Историки России. Биографии. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 531–539.
- Тырсенко А. В. Тарле Евгений Викторович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Москва: Издательство Московского университета; Издательство РОССПЭН, 2004. С. 448–449.
- Умбрашко К. Б. Научные школы XIX в. в современной историографии // Изучение истории России: наиболее актуальные историографические тенденции. Материалы 33-й Всероссийской заочной научной конференции / Под редакцией С. Н. Полторака. Санкт-Петербург: Нестор, 2004. С. 32–36.
- Урсу Д. П. Ардашев Павло Миколайович // Енциклопедія сучасної України. Київ, 2001. С. 635.
- Фихман И. Ф. Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 226–258.
- Фихман И. Ф. Григорий Филимонович Церетели (1870–1939) // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Альманах. Вып. II. Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana; Алетейя, 2000. С. 207–217.
- Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Гл. 3. Формирование преемственных научных школ в первые две трети XIX в. 4. Университетская наука об античности. М.С.Куторга и его школа <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/frolov/frol0013.htm> (2006–06–12)
- Хайтун С. Д. Об историческом развитии понятия научной школы // Школы в науке. Москва: Наука, 1977. С. 275–285.
- Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии XIX – начала XX вв. Томск: Издательство Томского университета, 1978. 172 с.
- Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Ленинград: Наука, 1985. 331 с.
- Цамутали А. Н. Петербургская школа византиноведения // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXIII. XVIII международный конгресс византистов (Москва, 8–15 августа 1991). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 5–19.
- Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. Москва: Наука, 1977. 125 с.
- Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва-Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 322–333. (Summa culturologiae.)
- Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел: Полиграфически-издательское предприятие «Орел», 1994. 190 с.
- Чапкевич Е. И. Страницы биографии академика Е. В. Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 37–57.
- Чесноков В. И. Начало советского архивного строительства в Воронежской губернии // Записки воронежских краеведов. Вып. 3. 1987. С. 59–84.
- Шевченко Л. В. Бречкевич Митрофан Васильович // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка: минуле й сьогодні (1834–2004 pp.) / За ред. Г. Д. Казьмирчука. Київ, 2004. С. 161.

- Шмидт С. О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. С. 177–205.
- Шор Т. Выпускники Петербургского университета — профессора и преподаватели Тартуского университета 1900–1930 // Труды русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 1 / Сост. В. Бойков. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2001. С. 105–122.
- Шор Т. Личные фонды русских деятелей в эстонских архивохранилищах // Балтийский архив. Т. I. Таллинн: Авенариус, [1996]. С. 7–25.
- Шор Т. Профессор Е. В. Петухов как историограф Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник научных статей. Вып. 7. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. С. 210–235.
- Щербань Т. Социальные и гуманитарные науки // Тартуский университет и Украина / Под ред. В. Оноприенко и Х. Танклера. Киев: ИИЦ Госкомстата Украины, 2004. С. 144–165.
- Эрингсон Л. К. Из истории эвакуации Тартуского университета (1915–1918 гг.) // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 258. 1970. С. 288–313.
- Эрингсон Л. Преподавание истории в Тартуском университете (1802–1918) // *Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi*. I. Tartu, 1975. Lk 112–122.
- Эрингсон Л. К. Тартуский университет в период первой русской революции 1905–1907 гг. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Науч. рук. доктор исторических наук проф. Г. Мосберг. Тарту, 1957. 351 с. (Машинопись. Библиотека Тартуского университета: 241 981.)
- Эрингсон Л. Тартуский университет в 1905 г. // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 56. 1957. 63 с.
- Ястребицкая А. Л. Историческая наука в Московской Духовной Академии в первые полтора десятилетия XX столетия: организация профессионального преподавания и обучения // *Munuscula: к 80-летию Арона Яковлевича Гуревича* / Российская академия наук, Институт всеобщей истории. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2004. С. 100–123.
- Almquist, H. *Sverige och Ryssland 1595–1611*. Uppsala, 1907. 273 s.
- Almquist, H. *Die Carenwahl des Jahres 1613. Die schwedische Thronkandidatur und ihre Vorgeschichte* // *Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*. 1913. Bd. III. S. 160–202.
- Anan'ich, B., Paneiakh, V. *The St. Petersburg school of history and its fate // Historiography of Imperial Russia: the professsion and writinfg of history in a multinational state* / Edited by Thomas Sanders. New York; London: M. E. Sharpe, 1999. P. 146–162.
- Bentley, M. General Introduction: The Project of Historiography // *Companion to Historography*. Michael Bentley (ed.) London; New York, 1997. P. XII–XVII.
- Bergland, B. A. *Historiography* // *Encyclopedia of Life Writing. Autobiographical and Biographical Forms*. Margareta Jolly (ed.) Vol. 1. London, Chicago: Fitzroy Dearborn, 2001. P. 430–433.
- Československé práce o jazyce, dějinach a kultuře slovanských narodu od r. 1760. Biograficko-bibliograficky slovník. Praha, 1972. S. 461.

- Dubjeva, L. Anton Nikitič Jasinskij als Professor für Allgemeine Geschichte an der Universität Jur'ev (Dorpat/Tartu) 1896–1911 // Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder. Olaf Mertelsmann (Hg.). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005. S. 109–126. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 11.)
- Dubjeva, L. G. A. Zamjatin (1882–1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Festschrift für Helmut Piirimäe zum 75. Geburtstag. Hg. von Mati Laur und Enn Küng in Verbindung mit Stig Örjan Ohlsson. Tartu: Akadeemiline Ajalooselts, 2005. S. 502–521. (Nordistica Tartuensia; 13.)
- Dubjeva, L. Tartu Ülikooli Ajaloo-Keeleteaduskonna üliõpilasraamatukogu aastail 1899–1919 // Kleio. Ajaloo Ajakiri. 1997. Nr 4 (22). Lk 23–26.
- Dubjeva, L. Üliõpilasest professoriks: Pjotr Jakovenko Jurjevi Ülikoolis // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. XXXIII. Tartu, 2004. Lk 148–165.
- Dubjeva, L. V. Ë. Regel — Professor der allgemeinen Geschichte der Jurjewer (Tartuer) Universität in den Jahren 1913–1918 // Byzantino-Nordica 2004. Papers presented at the international symposium of Byzantine studies held on 7–11 May 2004 in Tartu, Estonia. Edited by Ivo Volt and Janika Päll. Tartu: Tartu University Press, 2005. P. 136–157. (Morgensterni seltsi toimetised = Acta Societatis Morgensternianae, 2.)
- Dubjeva, L. "Õnnelikul kombel tunnen ma raamatukoguhoidjat...": A. T. Rastorgujev — Tartu Ülikooli Raamatukogu raamatukoguhoidja aa. 1908–1918 // Ajalooline Ajakiri. 2002. Nr ½ (116/117). Lk 193–206.
- Eesti Vabariigi Tartu Ülikool 1919–1929. Tartu, 1929. 432 lk. (E. V. Tartu Ülikooli Toimetused; C X).
- Engelhardt, R. v. Die deutsche Universität Dorpat in ihrer geistesgeschichtlichen Bedeutung. München: Verlag von Ernst Reinhardt in München, 1933. 570 S.
- Garleff, M. Geschichtschreibung der Neuzeit in den baltischen Provinzen 1870–1918 // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / Hrsg. von G. von Rauch. Köln ; Wien, 1986. S. 233–271. (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart; 20).
- Hallik, M., Klaassen, O.-M. Keiserlik Tartu Ülikool (1802–1918) ja Orient. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. 426 lk.
- Hallik, M. Tartu Ülikooli õppejõudude ja kasvandike osast humanitaarorientalistikas (1802–1940). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2001. 262 lk. (Dissertationes historiae Universitatis Tartuensis; 4.)
- Hans Kruus. Personaalnimestik / Eesti NSV Teaduste Akadeemia Teaduslik Raamatukogu; [koostanud A. Klaassen.] Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1988. 214 lk.
- Helme, R. C. M. Talleyrand'ist ja J. Tarlest // J. Tarle. Talleyrand. Tallinn: Olion, 1993. Lk 4–5.
- History of Tartu University, 1632–1982. Tallinn: Perioodika, 1985. 293 p.
- Hösch, E. Evgenij Viktorovič Tarle (1875–1955) und seine Stellung in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. 172 S. (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München; Bd. 23.)
- Iggers, G. G. Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1993. 130 S.

- Kivimäe, J. Peeter Tarvel: Le doyen des historiens estoniens // *Akadeemia*. 1989. Nr 1. Lk 44–46.
- Kivimäe, J. Peeter Tarveli elu ja töö I // *Akadeemia*. 1989. Nr 9. Lk 1913–1941.
- Kivimäe, J. Peeter Tarveli elu ja töö II // *Akadeemia*. 1990. Nr 1. Lk 89–112.
- Laigna, K. Eesti ajaloolise mõtte areng kuni a. 1917. Dissertatsioon ajalooteaduste kandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks. Tartu, 1952. 452 lk. (Masinakiri. Tartu Ülikooli Raamatukogu: Diss. Tart. 299736.)
- Lasinskas, P. Ivanas Lappo — Vytauto Didžiojo universiteto professorius // *Lituanistica*. 1998. № 3 (35). P. 3–20.
- Lenz, W. “Alt-Livland” in der deutschbaltischen Geschichtsschreibung 1870–1918 // Georg von Rauch (Hg.) *Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung*. Köln; Wien, 1986. S. 203–232. (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart; 20).
- Lutz, R. *Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme: Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart*. München: Verlag C. H. Beck, 2003. 293 S.
- Martinson, K. Teadustegevuse institutsionaliseerumine Eestis XVII sajandist 1917. aastani. Tallinn: Eesti NSV TA Ajaloo Instituut, 1988. 470 lk.
- Maurer, T. Hochschullehrer im Zarenreich: ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. 959 S. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas; Bd. 27.)
- Michelson, R. Raamatukoguhoidja Wolfgang Schlüter ehk raamatukogust sada aastat tagasi // Tartu Ülikooli Raamatukogu aastaraamat 2000. Tartu, 2001. Lk 135–187.
- Noodla, K. TRÜ Teadusliku Raamtukogu käsikirjad ja fotod. Tartu, 1970. 31 lk.
- Parmas, R. Publikatsioonide vahetamine Tartu Ülikoolis XIX sajandi teisel poolel ja XX sajandi algul // Teadusliku Raamatukogu töid. 2. Tartu, 1969. Lk 27–95. (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised; 278.)
- Pochljobkin, W. W. The Development of Scandinavian Studies in the U.S.S.R. (1917–1965) // *Scandinavica*. 1966. Vol. 5. N 1. P. 15–40.
- Ragauskas, A. Istorikas Ivanas Lappo (1869–1944) ir Lietuva // *Lietuvos istorijos metraštis*. 1993 metai. Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1994. P. 81–90.
- Rosengren, H. Karl X Gustaf för Tronbestigningen Pfalzgreven intill Tron förljarvalet 1649. Uppsala: K. W. Appelbergs Boktryckeri, 1913. 261 s.
- Rosenberg, T. Die russische baltische Historiographie in der zweiten Hälfte des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // *Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder*. Olaf Mertelsmann (Hg.). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005. S. 77–108. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 11.)
- Rosenberg, T. Professor Arno Rafael Cederberg — Eesti ajaloo uurimise koolkonna rajaja Tartu Ülikoolis // *Ajalooline Ajakiri*. 1999. Nr 2 (105). Lk 79–90.
- Rosenberg, T. Tartu Ülikooli Vene ajaloo professor Aleksander Brückner (1834–1896) // *Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat*. 2002. Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 2004. Lk 42–58.
- Tamul, S. Eraülikool ja kõrgemad naiskursused Tartus // *Vita academica, vita feminea: artiklite kogumik*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Lk 127–141.
- Tamul, S. Donatsioonid Tartu Ülikoolile aastatel 1808–1918 // *Ajalooline Ajakiri*. 2002. Nr. ½ (116/117). Lk 189–191.
- Tartu ülikooli ajalugu. Kd. 2. 1798–1918. Tallinn: Eesti Raamat, 1982. 432 lk.
- Tartu ülikooli ajalugu, 1632–1982. Tallinn: Perioodika, 1985. 280 lk.

- Teder, O. Põhijooni vene bütsantinistikast ja Tartu Ülikooli roll selles XIX–XX saj. algul (kuni 1918. aastani). Magistritöö. Tartu, 1998. 215 lk. (Tartu Ülikooli Raamatukogu: Diss. B-623.)
- Tering, A. De la Gardie fond kui ajalooallikas Vene-Rootsi suhete ja Kolmekümne-aastase sõja probleemide käsitlemisel. Tartu, 1972. 148 lk. (Masinkirjas. Tartu Ülikooli Raamatukogu: Auhinnatöö 407 697.)
- Trass, H. Koolkondadest teaduses (geobotaanika näitel) // Teaduslugu ja nüüdisaeg. Tallinn, 1982. Lk 4–8.
- Trumpa, V. Prof. Jonas Lappo (60 metu amž. sukakus) // Praeitis. 1930. T. 1. P. 343–346.
- Die Universität Dorpat (1802–1918). Skizzen zu ihrer Geschichte von Lehrern und ehemaligen Schülern zusammengestellt unter der Redaktion von Hugo Semel. Dorpat: Druck von H. Laakmann's Buch- und Steindruckerei, 1918. 173 S.
- Venturi, F. Evgenij Viktorovic Tarle // Rivista Storica Italiana. Anno XVIII. Fascicolo II. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, MCMLVI. P. 186–219.

KOKKUVÕTE

Ajalooteadus Tartu Ülikoolis 19. saj. lõpus – 20. saj algul

19. sajandil omandas ajalooteadus tänapäevase teaduslik-professionaalse staatuse. Tartu Ülikoolis saab selles arengus eristada nelja perioodi: 1) 1802–1820, mil Filosoofiateaduskonna koosseisus olid kompleksed professorid, kelle pädevusse kuulus muuhulgas ka ajalugu; 2) 1820–1853, mil (kuni 1850. aastani eksisteerinud) Filosoofiateaduskonna koosseisus oli kõiki ajalooteadusi hõlmav ajaloo õppetool; 3) 1853–1880, kui Ajaloo-keeleteaduskonnas (loodud 1850) töötas kaks õppetooli — üldajaloo ja vene ajaloo õppetool (olukord, mille fikseeris 1865. a Tartu Ülikooli statuut); 4) 1880–1918, mil lisandus veel üks üldajaloo õppetool uusaja õpetamiseks, seni eksisteerinud üldajaloo õppetool aga keskendus keskajale.

Seega töötasid Tartu Ülikoolis 19. saj. lõpus ja 20. saj. alguses Ajaloo-keeleteaduskonnas kaks üldajaloo õppetooli — keskaja ja uusaja oma, — samuti vene ajaloo õppetool. Õppetoolide õppekoosseisu väljavahetamine ja üleminek vene õppekeelele toimus sujuvalt ligi kümne aasta jooksul, alates 1891. aastast, mil prof A. Brückneri asemele tuli prof J. F. Šmurlo (1853–1934, Tartus 1891–1903). R. Hausmannit asendas 1896. a prof A. N. Jassinski (1864–1933, Tartus 1896–1911) ja O. Waltzi alles 1901. aastal prof P. N. Ardašev (1865–1924, Tartus 1901–1903). Üleminek toimus vastavalt sellele, kuidas senised professorid, teeninud välja pensioni, erru siirdusid. 1890-ndad olid ka Ajaloo-keeleteaduskonna madalseisu aeg (1896. a oli 33 üliõpilast).

Niisiis osutus ajalooteaduse arengus Tartu Ülikoolis 19. saj. lõpus ja 20. saj. alguses ülikooli reformimise ja õppekeele muutumise tingimustes määravaks järkjärguline õppejõudude kaadri uuenemine. Et ajaloo õppetoolides toimus see vaadeldava perioodi alguses nii Peterburi kui ka Moskva ja Kiievi ülikoolide kasvandikega, said siin esindatuks erinevad koolkonnad.

Oluline on ka asjaolu, et mõistel *teaduskoolkond* — vaatamata sellele, et seda tänapäeva teaduses laialt kasutatakse — puudub üheselt mõistetav tähendus. Tähendus, mida sellele omistati 19. saj lõpus ja 20. saj alguses, on eranditult seotud kõrgkooli (ülikooli) seinte vahel toimuvaga: koolkonna raames omandavad õpilased (üliõpilased) õpetajalt teadusliku loomingu oskused ja kogemused, et liituda antud teaduskollektiiviga. Ka historiograafias on koolkonna eristamise kriteeriumiks olnud nii teadlaste grupeeringule omased ühised meetodilised võtted, ühine temaatika, kui ka see, et nad koonduvad ühe nimeka teadlase või siis ühe ülikooli juurde. Ka ülikooli nime kandev koolkond võib jaotuda vastavalt sellele, missuguse konkreetse teadlase või millise temaatika ümber see teadlaste grupeering ülikoolisiselt kujuneb. Tuleb ette ka teistsugustel alustel eristatud koolkondi.

Esimesena määrati Peterburi ajalookoolkonna esindajatest 19. saj lõpus Tartu Ülikooli vene ajaloo õppetooli erakorraliseks professoriks Jevgeni Frantsevitš **Šmurlo**.

J. F. Šmurlo (akadeemik K. N. Bestužev-Rjumini õpilane), lõpetas 1878. a Peterburi Ülikooli Ajaloo-keeleteaduskonna kandidaadikraadiga ja kaitses seal 1888. a magistrikraadi vene ajaloo historiograafiast. Tartu Ülikoolis oli J. F. Šmurlo 1891–1895 erakorraline professor ja 1895–1903 korralise professori kohusetäitja. Aastail 1895–1900 töötas ta Tartu Ülikooli raamatukogu direktorina. 1892. aastal valiti ta Padua ülikooli audoktoriks. Oma teadustöös läks J. F. Šmurlo vene ajaloo historiograafia temaatikalt üle Peeter Suure ajastu ning Venemaa ja Euroopa laienevate sidemete uurimisele, vaadeldes Venemaa ja Lääne-Euroopa poliitilisi ja kultuurikontakte laiemaski kronoloogilises aspektis (ka 16–17. saj). J. F. Šmurlo teaduslikud uurimused tuginesid nii Venemaa kui ka välismaa arhiivide materjalidele. Seadnud endale eesmärgiks selgitada katoliikliku Euroopa mõju Peeter Suure reformides, jõudis ta oma teadlaskarjääri peamise saavutuseneni — avastas Venemaa ajaloo jaoks Itaalia arhiivid, tegeledes sealt pärinevate dokumentide publitseerimisega ja aktiivse toomisega teaduskäibesse. Just Tartu perioodil selles valdkonnas tehtud avastused tagasid teenitud tunnustuse, mis väljendus J. F. Šmurlo valimises 1903. aastal Venemaa Teaduste Akadeemia õpetatud kirjasaatjaks asukohaga Roomas (kuhu ta jäi 1924. aastani), samuti tema valimises Venemaa Teaduste Akadeemia kirjavahetajaliikmeks 1911. a.

Pärast J. F. Šmurlo lahkumist Rooma oli vene ajaloo õppetool vakantne 13. maini 1905, mil sinna määrati uus professor, vene ajaloo magister Ivan Ivanovitš **Lappo** (1869–1944, Tartus 1905–1918), kes (nagu J. F. Šmurlogi) oli Peterburi Ülikooli kasvandik, K. N. Bestužev-Rjumini õpilase prof S. F. Platonovi õpilane ja Peterburi koolkonna esindaja. Platonovi koolkonnale olid omased Bestužev-Rjuminilt päritud riiklik-patriootiline orientatsioon, rõhutatud objektivism, allikaõpetuslik kallak. 1902 kaitses Lappo magistritööd Peterburi Ülikoolis. Enne Tartusse määramist oli ta Peterburi Ülikoolis eradotsent. Tartu Ülikoolis oli I. I. Lappo aastail 1905–1911 erakorraline professor ja (pärast doktoriväitekirja kaitsmist) 1911–1918 korraline professor. Tartus jätkas ta Leedu suurvürstiriigi (peamiselt 16. saj) ajaloo juba Peterburis alustatud uurimist. 1911. aastal kaitses I. I. Lappo doktoritöö Moskva Ülikoolis, avaldas Leedu õigusajaloo allikaid. Tema rikkalikul allikalisel baasil rajanevad uurimused on kirjutatud riiklik-juriidilisele koolkonnale tüüpilises õigusajaloolises vaimus. 1918. a evakueerus I. I. Lappo koos ülikooliga Voroneži ja emigreerus kodusõja tingimustes — algul Prahasse, hiljem Kaunasesse.

Seega olid kogu vaadeldava perioodi jooksul vene ajaloo õppetooli eesotsas Peterburi ajalookoolkonna esindajad.

Ka õigusajaloolased avaldasid Tartus sel perioodil uurimusi ja allika-publikatsioone vene ajaloost. Peterburi ülikooli vilistlane oli ka Mihhail Aleksandrovitš **Djakonov** (1855–1919), kes töötas Tartu Ülikoolis aastatel 1889–1900 erakorralise ja 1901–1904 korralise vene õiguse ajaloo professorina.

Tema sõprussuhted J. F. Šmurloga tekkisid juba Peterburi Ülikoolis, kus mõlemad osalesid ajalooringis. Õigusteaduskonna vilistlase ja prof Vassili Ivanoviš Sergejevitši (1832–1910) õpilasena oli M. A. Djakonov riiklik-jurii-dilise koolkonna esindaja, kuid oma uurimustes talurahva ajaloost on ta lähtunud V. O. Kljutševski talupoegade sunnismaiseks muutumise kontsept-sioonist, näidates, et see toimus seadusandlikult vormistamata. 1905. a valiti M. A. Djakonov Venemaa Teaduste Akadeemia adjunktiks ja 1912. aastal akadee-mikuks. Pärast M. A. Djakonovi lahkumist luges 1907. aastal vene õiguse aja-lugu I. I. Lappo.

Aastatel 1908–1917 vene õiguse ajaloo professorina töötanud Fjodor Vassiljevitš **Taranovski** (1875–1936) oli Varssavi Ülikooli vilistlane. Kiievi koolkonna käsitlustes liigitatakse ta Kiievi koolkonna haru — lääne-vene õiguse ajaloo koolkonna — noorema generatsiooni esindajate hulka. Peale neoposi-tivismi seisukohtadelt kirjutatud õigusfilosoofilisi käsitlusi ja õigusentsüklo-peedia õpiku on ta avaldanud uusi andmeid 1649. a Maakogu seaduse kohta, samuti uurimuse revolutsioonielse Prantsusmaa riigiõigusest. Tartu professuuri kõrval on F. V. Taranovski pidanud loenguid mitmes Peterburi kõrgkoolis. 1917. aastast töötas ta Petrogradi Ülikoolis.

Vene ajaloo problemaatikat käsitles ka riigiõiguse kateedri professor, Moskva Ülikooli kasvandik Aleksandr Nikitiš **Filippov** (1853–1927). Töötades Tartus 1892–1903, uuris ta kõrgemate riigiorganite ajalugu 1730. aastail, samuti tegeles vene õiguse ajaloo allikate publitseerimisega, oli prorektor ja rektor. 1903. aastal siirdus A. N. Filippov Moskva Ülikooli. 1914. aastal valiti ta Venemaa Teaduste Akadeemia kirjavahetajaliikmeks.

Kui vene ajaloo õppetool oli kogu vaadeldava perioodi jooksul Peterburi ajaloo koolkonna esindajate käes, siis ü l d a j a l o o õppetoolile määrati kõigepealt mitte Peterburi, vaid teiste ülikoolide kasvandikud.

Aastail 1896–1911 töötas Tartu Ülikoolis keskaja ajaloo professorina Kiievi Ülikooli kasvandik Anton(i) Nikitiš **Jassinski** (1864–1933), olles 1896–1901 erakorraline ja (pärast doktoriväitekirja kaitsmist) 1901–1911 korraline pro-fessor. Tšehhi ajaloo parima spetsialistina Venemaal tegeles ta selle varajase keskaja uurimisega ka Tartu perioodil. Tema doktoridissertatsioonina kaitstud monograafia Tšehhi sotsiaal-majandusliku ajaloo kohta keskajal sisaldab Tšehhi küla agraarkorra detailse analüüsi, tõestab selle iseseiseva arengu. Autor jõudis järeldusele, et Tšehhi sotsiaalareng toimus samu teid pidi nagu teisteski Kesk-Euroopa riikides. A. N. Jassinski teosed Tšehhi ajaloo kohta kujutavad endast nii Euroopa kui ka vene historiograafia silmapaistvat saavutust ja kuuluvad Tšehhi ajaloo kohta kirjutatud uurimuste paremiku hulka. Tema panus ajaloo uurimisse leidis ka rahvusvahelist tunnustust, mis väljendus valimises Tšehhi Kuningliku Teaduste Seltsi kirjavahetajaliikmeks 1902 ja kinnitamises Kaiser Franz-Josephi Tšehhi Teaduste ja Kunstide Akadeemia liikmeks 1907. 1911. a määrati ta Šelaputini-nimelise Pedagoogika Instituudi direktoriks Moskvast. Keskaja professor jäi Tartu Ülikoolis kuni 1912. aastani vakantseks, sest ooda-ti tema õpilase, Tartu Ülikooli eradotsendi Mitrofan Vassiljevitš Bretškevitši

tagasipöördumist välismaalt. M. V. Bretškevitš oli seal parajasti lõpetamas prof A. N. Jassinski juhendamisel alustatud lääne-slaavi rahvaste ajaloo alast magistriväitekirja, mille ta kaitses aastal 1912. Prof A. N. Jassinski soovis teda näha oma järglasena Tartu Ülikoolis.

Kuid 1912. a detsembris valiti keskaja ajaloo professoriks hoopis Peterburi TA kirjavahetajaliige üldajaloo magister Vassili Eduardovitš **Regel** (1857–1932), kes kinnitati sellele kohale aprillis 1913. Prof V. E. Regel oli välja-paistva bütsantinisti, akadeemik V. G. Vassiljevski õpilane. Ülemaailmse kuulsuse pälvinud bütsantinistika ajakirja “*Византийский временник*” toime-tajana hakkas prof V. E. Regel ka Tartus Esimese maailmasõja sõjaraskustele vaatamata välja andma uut bütsantinistika alast ajakirja “*Византийское обозрение*”. Tartu Ülikoolis asus ta tööle 1913. a sügissemestrist ja jõudis peale ülikooli professuuri olla Tartus ka naiskursuste viimaseks direktoriks. Regelgi evakueerus 1918. a koos ülikooliga Voroneži. Seal töötas ta aastail 1918–1925 uue Voroneži Ülikooli esimese rektorina. V. E. Regelil õnnestus lahkuda veel enne repressioonide algust 1920-ndate aastate lõpus poja juurde Kaunasesse, kus ta ka suri.

Esimeseks uusaja ajaloo professoriks Tartu Ülikoolis sai 1880 Otto Ernst Christian **Waltz** (1844–1918), kes töötas Tartu Ülikoolis 1875. a (tuli Heidelbergi Ülikoolist) ja pöördus pärast ametiaja täitumist 1900. a tagasi Saksamaale. 1901. a määrati uusaja ajaloo erakorraliseks professoriks Moskva Ülikooli vilistlane üldajaloo magister Pavel Nikolajevitš **Ardašev** (1865–1924), kes prof V. I. Gerje õpilasena esindas „vene ajalookoolkonda”. 19. sajandi teisel poolel kujunes vene ajalooteaduses Prantsusmaa 18. sajandi ja Prantsuse revolutsiooni uurimise koolkond, mida prantsuse ajaloolased ise on nimetanud „vene ajaloo-koolkonnaks”. Selle koolkonna nimekamad esindajad on olnud Nikolai Ivanovitš Karejev, Ivan Vassiljevitš Lutšitski ja Maksim Maksimovitš Kovalevski, kuid sinna kuulub ka P. N. Ardašev. Ta uuris 18. sajandi provintsiaaladministratsiooni Prantsusmaal, töötades 1890. aastatel pikemat aega Prantsusmaa arhiivides. Magistritöö kaitses ta 1901 ja doktoritöö 1906. a. 1898. aastal oli P. N. Ardašev Peterburi Ülikooli eradotsent, siirdus sealt 1899. aastal Novo-rossiiski (Odessa) ülikooli eradotsendiks ja sai 1901. aasta mais Tartu Ülikooli üldajaloo professoriks. Kuid juba 1902. aastal osales ta konkursil Kiievi Üli-kooli üldajaloo professori kohale, võitis selle ja siirduski 1903. aasta sügissemestrist Kiievisse.

1904. a määrati Tartu Ülikooli uusaja korraliseks professoriks üldajaloo doktor Aleksandr Aleksandrovitš **Vassiljev**, Peterburi Ülikooli kasvandik ja (nagu Regelgi) akadeemik V. G. Vassiljevski õpilane. A. A. Vassiljev oli juba tuntud arabist ja bütsantinist, kellest hiljem sai bütsantinistika rajaja ka USA-s. Tartus arendas ta laiahaardelist tegevust. Lisaks õppetööle oli ta 1906–1909 ülikooli raamatukogu direktor. Seoses ajaloo õpetamise kaasajastamisega süvenes ta pisisajadeni ka Ajaloo-keeleteaduskonna üliõpilasraamatukogu töö korraldusse. Samas olid tema teaduslikudki sidemed väga ulatuslikud. Need ulatusid Melbourne’ini Austraalias ja Buenos-Aireseni Argentiinas, kus ta käis

teaduskongressidel, osaledes taolistel üritustel aktiivselt ka Euroopas. Tartu-aastail jätkas A. A. Vassiljev 10. sajandi araabia kristliku ajaloolase Membidj'i Agapiuse „Ülemaailmse kroonika” varem alustatud uurimist, mida ta publitseeris Pariisis väljaande «*Patrologia orientalis*» köidetes V, VII, VIII, XI aastail 1910–1915. Selle töö eriline tähtsus seisneb selles, et Agapiusel on säilinud Josephus Flaviuse Jeesus Kristuse maapealsele elule ja surmale pühendatud teksti nn *Testimonium Flavianum*'i araabiakeelne versioon, mis erineb traditsioonilisest kreekakeelsest. Prof A. A. Vassiljev tegi nende tekstide erinevuse kindlaks, kuid probleemiga tegelevad teadlased tänapäevani.

Bütsantinistina pidas A. A. Vassiljev uut aega enda jaoks kaugeks — kuigi ta teadlikult tuli siia uusaja professoriks — ja palus endale keskaja ajaloo professuuri, kui see Jassinski lahkumise järel vabanes, kuid siirdus Peterburi enne, kui keskaja ajaloo professuuri küsimus oli Tartus lahendunud. Lahkunud 1912. aastal Tartust, sai temast Peterburi Naiste Pedagoogilise Instituudi korraline professor ja dekaan. Oma järeltulijana Tartus soovis ta näha Jevgeni Viktorovitš Tarlet. J. V. **Tarle** oli sel ajal eradotsent Peterburi Ülikoolis, kus ta kaitses ka oma doktoritöö ja sai Peterburi ajalookoolkonna orgaaniliseks osaks, kuigi oli Kiievi ülikooli vilistlane.

Prof A. A. Vassiljevi tagasipöördumisega Peterburi vabanes Tartu Ülikooli üldajaloo õppe toolis teinegi professor, mistõttu konkursil nende kohtade täitmiseks osalesid nii keskaja kui ka uusaja ajaloo uurijad. Konkurss üldajaloo professori kohale oli väga pingeline ja selle ümber toimus nii teaduskonnas kui ka ülikooli nõukogus terav võitlus. Peale J. V. Tarle osalesid selles ka Venemaa Teaduste Akadeemia kirjavahetajaliige üldajaloo magister V. E. Regel, Tartu Ülikooli eradotsent üldajaloo magister M. V. Bretškevitš ja üldajaloo magister P. V. Bezobrazov, kes, nagu ka A. A. Vassiljev ja V. E. Regel, oli akadeemik V. G. Vassiljevski õpilane. Ükski neist kandidaatidest ei saanud teaduskonnas nõutavat hääletenamust, nii et 7. detsembril 1912 toimus hääletamine ülikooli nõukogus, kus kahekümne poolthäälega kaheteistkümne vastu valiti üldajaloo professoriks üldajaloo doktor J. V. Tarle. Teiseks üldajaloo professoriks sai 1913. aasta sügisest V. E. Regel. Eradotsent M. V. Bretškevitš oli selleks ajaks juba valitud ja kinnitatud haridusministri käskkirjaga 23. juunist 1913 Kaasani Ülikooli erakorralise professori kohusetäitjaks. Prof Tarle oli 22. aprillist 1913 Tartu Ülikooli erakorraline ja 13. detsembrist 1916 korraline professor; ta jäi siia 1918. aasta suveni.

Tartu Ülikooli professorina ei katkestanud J. V. Tarle, nii nagu tema eelkäija A. A. Vassiljevgi, oma sidemeid Peterburiga. Jätakuvalt oli ta Peterburi Ülikooli eradotsent. Oma tööd Tartus korraldas ta nii, et loengupäevadeks olid reede ja laupäev, ja vastuvõtutunnid samadel päevadel pärast loenguid. Nii sai ta alguses suurema osa aega viibida Peterburis. Hiljem, revolutsioonipäevil, viibis J. V. Tarle Tartus pikemaajaliselt, kuid ei sõitnud koos ülikooliga evakuatsiooni, vaid pöördus 1918. a tagasi Petrogradi.

Tartu periood langes J. V. Tarle elus kokku tema loomingulise aktiivsuse kõrgperioodiga. Tartusse tuleku ajaks pöördus ta majandusajaloo ja rahvus-

vaheliste suhete ajaloo probleemide poole, säilitades küll endiselt huvi ka sotsiaalajaloo vastu. J. V. Tarle kuulus monograafia “Kontinentaalblokaad” ilmus 1913. a Moskvas ning käsitleb prantsuse tööstus- ja väliskaubandust Napoleon I ajal. Jätkates tööd selles valdkonnas, kavatses Tarle välja anda terve rea uurimusi kontinentaalblokaadi mõjust Euroopa maade majandusele. “Kontinentaalblokaadi” teine köide ilmus Tartus. J. V. Tarle vaadetes ja seisukohtades 1905. a ja 1917. a revolutsioonide vahel nähakse tänapäeval tugevat positivismi mõju, mis oli omane “vene ajalookoolkonnale”, mille rüpes toimus ka Tarle teadlaseks kujunemine, oli ta ju prof I. V. Lutšitski õpilane. Samas ei saa eitada tema mõjutatust ka legaalsest marksistidest. J. V. Tarle oli kõrgelt hinnatud suurepärase õppejõunagi.

Peterburi ajalookoolkonna mõju all toimus ka uusaja õppetooli dotsent G. A. Zamjatini teadlaseks kujunemine. G. A. Zamjatin õppis 1902–1905 Tartu Ülikoolis, alates 1906 aga Peterburi Ülikoolis, mille lõpetas prof S. F. Platonovi juures, kelle mõju võib täheldada ka tema magistritöö teema — Vene-Rootsi suhted 17. saj algul — valikul. Seevastu uusaja õppetooli kauaaegne magistrant A. T. Rastorgujev A. Brückneri, R. Hausmanni ja O. Waltzi õpilasena ühendas oma isikus reformieelset ülikooli reformijärgsega.

Niisiis, tegutsesid vaadeldava perioodi alguses Tartu Ülikooli ajaloo õppetoolidel nii Peterburi kui ka Moskva ja Kiievi ülikooli vilistlased, perioodi lõpus aga valiti nendele Peterburi ajalookoolkonna esindajaid. Oma osa selles, et siin Peterburi ajalookoolkonna esindajad olid enamuses, etendasid selle koolkonna kõrge teaduslik autoriteet ja tema esindajate hiilgav ettevalmistus. Olu-line oli samuti geograafiline asukoht, mis 20. saj alguse kiire ja mugava rongiühendusega lähendas Tartut Peterburile. Ka Tartus töötanud Peterburi ajalookoolkonna esindajate jätkuvad intensiivsed teaduskontaktid Peterburiga andsid lähendamisse oma panuse.

Peterburi ajalookoolkonnale omased konkreetne historism, orienteeritus faktile ja allikale, samuti allikate uurimise filigraansed meetodid olid iseloomulikud ka selle Tartus töötanud esindajatele, kes osutasid suurt tähelepanu ajalooallikate publitseerimisele ja andsid välja ajaloodokumentide kogumikke. Need Peterburi ajalookoolkonnale omased jooned võtsid samuti üle selle esindajate Tartu õpilased, kelle arvel hakkasid vähehaaval täienema ka Tartu Ülikooli ajaloo õppejõudude read. Et neist vähemalt üks — prof P. A. Jakovenko 1918. aastal — sai vaadeldava perioodi lõpuks *alma mater*’i professoriks, võib täheldada ka kohaliku ajalookoolkonna kujunemise tunnuseid.

Olukord, milles arenes ajalooteadus Tartu Ülikoolis 19. saj lõpus ja 20. saj alguses, loodi administratiivsete meetmetega — ülikoolireformi ja õppekeele muutumise tingimustes toimus järkjärguline õppejõudude kaadri uuenemine. Samuti administratiivsete meetmetega — evakuatsioon 1918. a Saksa okupatsiooni tingimustes — see areng ka katkestati. Nimetatud ajavahemiku jooksul ei toimunud muutusi ajaloo õppetoolide struktuuris, lisandusid vaid mõneks ajaks pärast veerandsajandi pikkust vaheaega mõned eradotsentide ja dotsentide kohad. Siin töötanud ajaloolaste jaoks oli Tartu aastate osatähtsus erinev:

P. A. Jakovenko jaoks oli see elutöö, A. N. Jassinski jaoks oluline osa tema elust, P. N. Ardaševi ja J. V. Tarle jaoks üks elu episood, kuid kellelegi ei möödunud nad märkamatuks. Vaadeldava perioodi jooksul töötasid Tartu Ülikooli õppetoolides Peterburi, Moskva, Kiievi ja ka Tartu ülikooli vilistlased, Tartu Ülikoolist lahkusid nad, sõltuvalt olukorrast, Peterburi, Moskva, Kiievi ja Kaasani kõrgkoolidesse. Peterburi ajalookoolkond, mis oli esindatud Tartu Ülikoolis kogu vaadeldava perioodi jooksul, domineeris siin perioodi lõpus. Terve käsitletava perioodi vältel toimus Tartu Ülikoolis aktiivne ja kõrgetasemeline teadustöö. Rohkearvulised ajalooallikate, samuti perioodiliste väljaannete publikatsioonid ja ajalookaadri ettevalmistus kandsid endas tõsist potentsiaali edaspidisegi arengu jaoks, mida kinnitab Tartu Ülikoolis 19. saj lõpus ja 20. saj alguses töötanud ja õppinud ajaloolaste edaspidine saatus.

CURRICULUM VITAE

Фамилия, имя, отчество: **Дубьева Людмила Васильевна**

Время и место рождения: 30.07.1954 Тарту

Гражданство: Эстония

Семейное положение: незамужняя

Адрес, телефон: Тяхе 56–11, 50 103 Тарту. Тел.: 7 349 261

Место работы:

С 1977 — сектор систематизации Отдела каталогизации, с 1999 Отдел систематизации Библиотеки Тартуского университета на разных должностях, с 01.01.2002 — библиотекарь.

Библиотека Тартуского университета, Отдел систематизации

Струве 1, 50103 Тарту

Тел.: 7 375 759

e-mail: ljudmila.dubjeva@ut.ee

Образование:

С 2002 г. Тартуский университет, Философский факультет, Отделение истории, докторант

1999 Таллинский педагогический университет, Социальный факультет, Отделение информационных наук, МА (библиотековедение); (“Traditsiooniliste infootsisüsteemide kujunemine Tartu Ülikooli Raamatukogus 19. saj.–20. saj. algul”)

1977 Тартуский университет, Отделение истории

1971 4 средняя школа г. Тарту

Научная работа

Dubjeva, L. V. È. Regel — Professor der allgemeinen Geschichte der Jurjewer (Tartuer) Universität in den Jahren 1913–1918 // Byzantino-Nordica 2004. Papers presented at the international symposium of Byzantine studies held on 7–11 May 2004 in Tartu, Estonia. Edited by Ivo Volt and Janika Päll. Tartu: Tartu University Press, 2005. P. 136–157. (Morgensterni seltsi toimetised = Acta Societatis Morgensternianae, 2.)

Дубьева Л. «Отдаюсь науке совсем...»: И. И. Лаппо — профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. //

Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 374–391.

http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_1.html
(2005-08-30)

Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1912). Публикация и комментарий Л. В. Дубьева // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 392–408.

http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_3.html
(2005-08-30)

http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_4.html
(2005-08-30)

http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_5.html
(2005-08-30)

http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_6.html
(2005-08-30)

Дубьева Л. В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета в 1904–1912 гг. А. А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии века XX / Составитель и ответственный редактор проф. С. Исаков. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. С. 79–103.

Dubjeva, L. Anton Nikitič Jasinskij als Professor für Allgemeine Geschichte an der Universität Jur'ev (Dorpat/Tartu) 1896–1911 // Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder. Olaf Mertelsmann (Hg.). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005. S. 109–126. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 11.)

Dubjeva, L. Üliõpilasest professoriks: Pjotr Jakovenko Jurjevi Ülikoolis // Tartu Ülikooli jaloo küsimusi. Vihik XXXIII. Tartu, 2004. Lk 148–165.

Дубьева Л. В. Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. // Российские университеты в XVIII–XX веках: сборник научных статей. Вып. 7. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. С. 105–134.

<http://museum.guru.ru/biblioteka/ocherki/shmurlo.phtml> (2006-06-19)

Дубьева Л. Проблемы формирования научной школы: историческая наука в Тартуском университете в начале XX в. // Science, Higher Education, Technologies, Medicine, Humanities in the Baltics — Past and Present. Abstracts of the 21st International Baltic Conference on the History of Science. Riga, 13–15 October, 2003. Riga, 2003. P. 187–188.

Дубьева Л. Письма издаека: переписка аадемика Ю. В. Готье и У. Г. Иваска в 1920–1921 гг. // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 2. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, INGRI, 2003. С. 198–207.

Дубьева Л. В. Библиотекарь Тартуского университета в 1908–1918 гг. А. Т. Расторгуев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 2. С. 201–219.

Dubjeva, L. "*Õnnelikul kombel tunnen ma raamatukoguhoidjat...*": A. T. Rastorgujev — Tartu Ülikooli Raamatukogu raamatukoguhoidja aa. 1908–1918 // Ajalooline Ajakiri. 2002. Nr. 1/2 (116/117). Lk. 193–206.

Dubjeva, L. Traditsiooniliste infootsüsteemide rolli muutumine üleminekul integreeritud raamatukogusüsteemile // Trükiväljaandest digitaalseni. Tartu Ülikooli Raamatukogu 2002. Ettekanded. Tartu: Tartu Ülikooli Raamatukogu, 2002. ISBN 9985–874–16–1. Lk. 184–194.

Dubjeva, L. Traditsiooniliste infootsüsteemide rolli muutumine üleminekul integreeritud raamatukogusüsteemile // Trükiväljaandest digitaalseni. Tartu Ülikooli Raamatukogu 2002. Ettekanded. Tartu: Tartu Ülikooli Raamatukogu, 2002. ISBN 9985–874–18–8.

http://www.utlib.ee/ekollekt/raamat/trykivaljaandest_digitaalseni/index.php?art=dubjeva&charset=utf8 (2003-01-02)

Dubjeva L. Skaitytojų informacijos paieškos užtikrinimas Tartu universiteto bibliotekoje (XIX–XX a.) // Bibliotekininkystė 2001: Bibliotekos: fondai, skaitymas, sąveika. Vilnius: Lietuvos nacionalinė M. Mažvydo biblioteka, 2002. P. 26–36. — Summary p. 36. ISSN 1392–544X; ISBN 9955–54111–3.

On the changing role of traditional information systems in transition to integrated library system // Libraries in knowledge-based society. Proceedings of the 3rd Nordic-Baltic Library Meeting. October 25–26, 2001. Tallinn, 2001. P. 216–218.

Das Klassifikationssystem der Aufklärungszeit im Dienste der Universitäts-wissenschaft // Historiae scientiarum Baltica: abstracts of XX Baltic Conference on the History of Science, Tartu, 30–31 January, 2001. Tartu, 2001. S. 147–148.

From handwritten to electronic catalogues // Library as information gateway to the new millenium: proceedings of the 6th Congress of Baltic Librarians, October 5–6, 2000, Vilnius. Vilnius, 2000. P. 87–90. — Резюме с. 87.

Исследование эффективности работы научных библиотек Эстонии // Library as information gateway to the new millenium: proceedings of the 6th Congress of Baltic Librarians, October 5–6, 2000, Vilnius. Vilnius, 2000. P. 188–190. — *Summary p. 188.*

Ülikooliraamatukogu kataloogid teadusajaloo allikana // Ajalooline Ajakiri. 1999. Nr. 2 (105). Lk. 71–78. — *Summary p. 149. (Historical Abstracts.)*

Valgustusajast pärit liigitussüsteem // Raamatukogu. 2001. Nr. 4. Lk. 9–12. — *Summary p. 41.*

Kogude avamine kataloogides Tartu Ülikooli Raamatukogus 19. sajandil ja 20. sajandi algul // Tartu Ülikooli Raamatukogu töid. Tartu, 2000. Vihik 11. Lk. 184–214. — *Zsfass. S. 212–214.*

TÜR-I kataloogid 19. sajandil ja 20. sajandi algul // Raamatukogu. 1999. Nr. 3. Lk. 12–17. — *Summary p. 46.*

Humanitaarraamatukogu — 100 // Raamatukogu. 1999. Nr. 2. Lk. 14–15. — *Summary p. 42–43.*

Consealed Sources of the History of Sciences // Historiae Scientiarum Baltica '99: Abstracts of XIXth Baltic Conference on the History of Science, Vilnius, January 15–17. Vilnius, 1999. P. 55–56.

Application of methods described in the handbook *Measuring Academic Library Performance* at Estonian research libraries // Research Libraies in Public Information System: Towards Performance Quality. Tallinn, 1998. P. 132–142. (*Acta Bibliothecae Nationalis Estoniae*; 8.) — *Resümee lk. 141–142.*

Käsitirjalistest kataloogidest elektronkataloogini: TÜR-I kogud ja kataloogid // Raamatukogu. 1998. Nr. 2. Lk. 11–13; Nr. 3. Lk. 19–20. — *Summary p. 46.*

Tartu Ülikooli Ajaloo-keeleteaduskonna üliõpilasraamatukogu aastail 1899–1919 // Kleio. 1997. Nr. 4. Lk. 23–26. — *Summary p. 66.*

Научной библиотеке Тартуского университета во второй половине XIX в. // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1987. Vihik 19. Lk. 145–153.

Систематический карточный каталог библиотеки Тартуского университета во второй половине XIX – начале XX вв. // TRÜ Teadusliku Raamatukogu 11. teaduskonverents “Raamatukogu ajaloo küsimusi”: Ettekannete teesid. Tartu, 1987. Lk. 21–23.

Связи библиотеки Тартуского университета с другими библиотеками России в 1802–1917 гг. // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1985. Vihik 17. Lk. 90–100.

Создание студенческой библиотеки историко-филологического факультета // TRÜ Teadusliku Raamatukogu 9. teaduskonverents “Raamatukogu ajaloo küsimusi”: Ettekannete teesid. Tartu, 1982. Lk. 139–142.

Ajaloo-keeleteaduskonna üliõpilaste raamatukogu asutamine // TRÜ Teadusliku Raamatukogu 9. teaduskonverents “Raamatukogu ajaloo küsimusi”: Ettekannete teesid. Tartu, 1982. Lk. 70–72.

CURRICULUM VITAE

Ees- ja perekonnanimi: **Ljudmila Dubjeva**

Sünniaeg ja koht: 30.07.1954 Tartu

Kodakondsus: Eesti

Perekonnaseis: vallaline

Aadress, telefon: Tähe 56–11, 50 103 Tartu. Tel.: 7 349 261

Töökoht

Alates 1977 — Tartu Ülikooli Raamatukogu liigitamissektoris, alates 1999 — liigitamisosakonnas erinevatel kohtadel, al. 01.01.2002 raamatukoguhoidja

Tartu Ülikooli Raamatukogu Liigitamisosakond

Struve 1, 50103 Tartu

Tel.: 7 375 759

e-mail: ljudmila.dubjeva@ut.ee

Haridus

2002 Tartu Ülikool, Filosoofiateaduskond, Ajaloo osakond, doktorant

1999 Tallinna Pedagoogikaülikool, Infoteaduste osakond, MA (raamatu-kogundus)

1977 Tartu Ülikool, Ajaloo osakond, ajaloolane, ajaloo ja ühiskonnateaduse õpetaja

1971 Tartu 4. Keskkool

Teadustöö

Dubjeva, L. V. È. Regel — Professor der allgemeinen Geschichte der Jurjewer (Tartuer) Universität in den Jahren 1913–1918 // Byzantino-Nordica 2004.

Papers presented at the international symposium of Byzantine studies held on 7-11 May 2004 in Tartu, Estonia. Edited by Ivo Volt and Janika Päll. Tartu: Tartu University Press, 2005. P. 136–157. (Morgensterni seltsi toimetised = Acta Societatis Morgensternianae, 2.)

Дубьева Л. «Отдаюсь науке совсем...»: И. И. Лаппо — профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 374–391.

http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_1.html
(2005-08-30)

Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1912). Публикация и комментарий Л. В. Дубьевой // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 392–408.
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_3.html (2005-08-30)
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_4.html (2005-08-30)
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_5.html (2005-08-30)
http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Lappo/Lappo_6.html (2005-08-30)

Дубьева Л. В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета в 1904–1912 гг. А. А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии века XX / Составитель и ответственный редактор проф. С. Исаков. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. С. 79–103.

Dubjeva, L. Anton Nikitič Jasinskij als Professor für Allgemeine Geschichte an der Universität Jur'ev (Dorpat/Tartu) 1896–1911 // Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder. Olaf Mertelsmann (Hg.). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005. S. 109–126. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 11.)

Dubjeva, L. Üliõpilasest professoriks: Pjotr Jakovenko Jurjevi Ülikoolis // Tartu Ülikooli jaloo küsimusi. Vihik XXXIII. Tartu, 2004. Lk 148–165.

Дубьева Л. В. Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. // Российские университеты в XVIII–XX веках: сборник научных статей. Вып. 7. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. С. 105–134.
<http://museum.guru.ru/biblioteka/ocherki/shmurlo.phtml> (2006-06-19)

Дубьева Л. Проблемы формирования научной школы: историческая наука в Тартуском университете в начале XX в. // Science, Higher Education, Technologies, Medicine, Humanities in the Baltics — Past and Present. Abstracts of the 21st International Baltic Conference on the History of Science. Riga, 13–15 October, 2003. Riga, 2003. P. 187–188.

Дубьева Л. Письма издалека: переписка академика Ю. В. Готье и У. Г. Иваска в 1920–1921 гг. // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 2. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, INGRI, 2003. С. 198–207.

Дубьева Л. В. Библиотекарь Тартуского университета в 1908–1918 гг. А. Т. Расторгуев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 2. С. 201–219.

Dubjeva, L. "*Õnnelikul kombel tunnen ma raamatukoguhoidjat...*": A. T. Rastorgujev — Tartu Ülikooli Raamatukogu raamatukoguhoidja aa. 1908–1918 // *Ajalooline Ajakiri*. 2002. Nr. 1/2 (116/117). Lk. 193–206.

Dubjeva, L. Traditsiooniliste infootsüsteemide rolli muutumine üleminekul integreeritud raamatukogusüsteemile // *Trükiväljaandest digitaalseni*. Tartu Ülikooli Raamatukogu 2002. Ettekanded. Tartu: Tartu Ülikooli Raamatukogu, 2002. ISBN 9985–874–16–1. Lk. 184–194.

Dubjeva, L. Traditsiooniliste infootsüsteemide rolli muutumine üleminekul integreeritud raamatukogusüsteemile // *Trükiväljaandest digitaalseni*. Tartu Ülikooli Raamatukogu 2002. Ettekanded. Tartu: Tartu Ülikooli Raamatukogu, 2002. ISBN 9985–874–18–8.

http://www.utlib.ee/ekollekt/raamat/trykivaljaandest_digitaalseni/index.php?art=dubjeva&charset=utf8 (2003-01-02)

Dubjeva L. Skaitytojų informacijos paieškos užtikrinimas Tartu universiteto bibliotekoje (XIX–XX a.) // *Bibliotekininkystė 2001: Bibliotekos: fondai, skaitymas, sąveika*. Vilnius: Lietuvos nacionalinė M. Mažvydo biblioteka, 2002. P. 26–36. — Summary p. 36. ISSN 1392-544X; ISBN 9955-54111-3.

On the changing role of traditional information systems in transition to integrated library system // *Libraries in knowledge-based society. Proceedings of the 3rd Nordic-Baltic Library Meeting*. October 25–26, 2001. Tallinn, 2001. P. 216–218.

Das Klassifikationssystem der Aufklärungszeit im Dienste der Universitäts-wissenschaft // *Historiae scientiarum Baltica: abstracts of XX Baltic Conference on the History of Science*, Tartu, 30–31 January, 2001. Tartu, 2001. S. 147–148.

From handwritten to electronic catalogues // *Library as information gateway to the new millenium: proceedings of the 6th Congress of Baltic Librarians*, October 5–6, 2000, Vilnius. Vilnius, 2000. P. 87–90. — Резюме с. 87.

Исследование эффективности работы научных библиотек Эстонии // *Library as information gateway to the new millenium: proceedings of the 6th Congress of Baltic Librarians*, October 5–6, 2000, Vilnius. Vilnius, 2000. P. 188–190. — *Summary p. 188*.

Ülikooliraamatukogu kataloogid teadusajaloo allikana // *Ajalooline Ajakiri*. 1999. Nr. 2 (105). Lk. 71–78. — *Summary p. 149. (Historical Abstracts.)*

Valgustusajast pärit liigitussüsteem // *Raamatukogu*. 2001. Nr. 4. Lk. 9–12. — *Summary p. 41*.

Kogude avamine kataloogides Tartu Ülikooli Raamatukogus 19. sajandil ja 20. sajandi algul // Tartu Ülikooli Raamatukogu töid. Tartu, 2000. Vihik 11. Lk. 184–214. — *Zsfass. S. 212–214.*

TÜR-I kataloogid 19. sajandil ja 20. sajandi algul // Raamatukogu. 1999. Nr. 3. Lk. 12–17. — *Summary p. 46.*

Humanitaarraamatukogu — 100 // Raamatukogu. 1999. Nr. 2. Lk. 14–15. — *Summary p. 42–43.*

Consealed Sources of the History of Sciences // *Historiae Scientiarum Baltica '99: Abstracts of XIXth Baltic Conference on the History of Science*, Vilnius, January 15–17. Vilnius, 1999. P. 55–56.

Application of methods described in the handbook *Measuring Academic Library Performance* at Estonian research libraries // *Research Libraries in Public Information System: Towards Performance Quality*. Tallinn, 1998. P. 132–142. (*Acta Bibliothecae Nationalis Estoniae*; 8.) — *Resümee lk. 141–142.*

Käsitirjalistest kataloogidest elektronkataloogini: TÜR-I kogud ja kataloogid // Raamatukogu. 1998. Nr. 2. Lk. 11–13; Nr. 3. Lk. 19–20. — *Summary p. 46.*

Tartu Ülikooli Ajaloo-keeleteaduskonna üliõpilasraamatukogu aastail 1899–1919 // *Kleio*. 1997. Nr. 4. Lk. 23–26. — *Summary p. 66.*

Научной библиотеке Тартуского университета во второй половине XIX в. // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1987. Vihik 19. Lk. 145–153.

Систематический карточный каталог библиотеки Тартуского университета во второй половине XIX – начале XX вв. // TRÜ Teadusliku Raamatukogu 11. teaduskonverents “Raamatukogu ajaloo küsimusi”: Ettekannete teesid. Tartu, 1987. Lk. 21–23.

Связи библиотеки Тартуского университета с другими библиотеками России в 1802–1917 гг. // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1985. Vihik 17. Lk. 90–100.

Создание студенческой библиотеки историко-филологического факультета // TRÜ Teadusliku Raamatukogu 9. teaduskonverents “Raamatukogu ajaloo küsimusi”: Ettekannete teesid. Tartu, 1982. Lk. 139–142.

Ajaloo-keeleteaduskonna üliõpilaste raamatukogu asutamine // TRÜ Teadusliku Raamatukogu 9. teaduskonverents “Raamatukogu ajaloo küsimusi”: Ettekannete teesid. Tartu, 1982. Lk. 70–72.